

ПРОФЕССОР Святослав ФЕДОРОВ: ЗДРАВООХРАНЕНИЕ И ВРЕМЯ

Генрих БЕЛЛЬ. ОТРЫВОК ИЗ ПОСЛЕДНЕГО РОМАНА

НОВЬ СТАРОГО АРБАТА

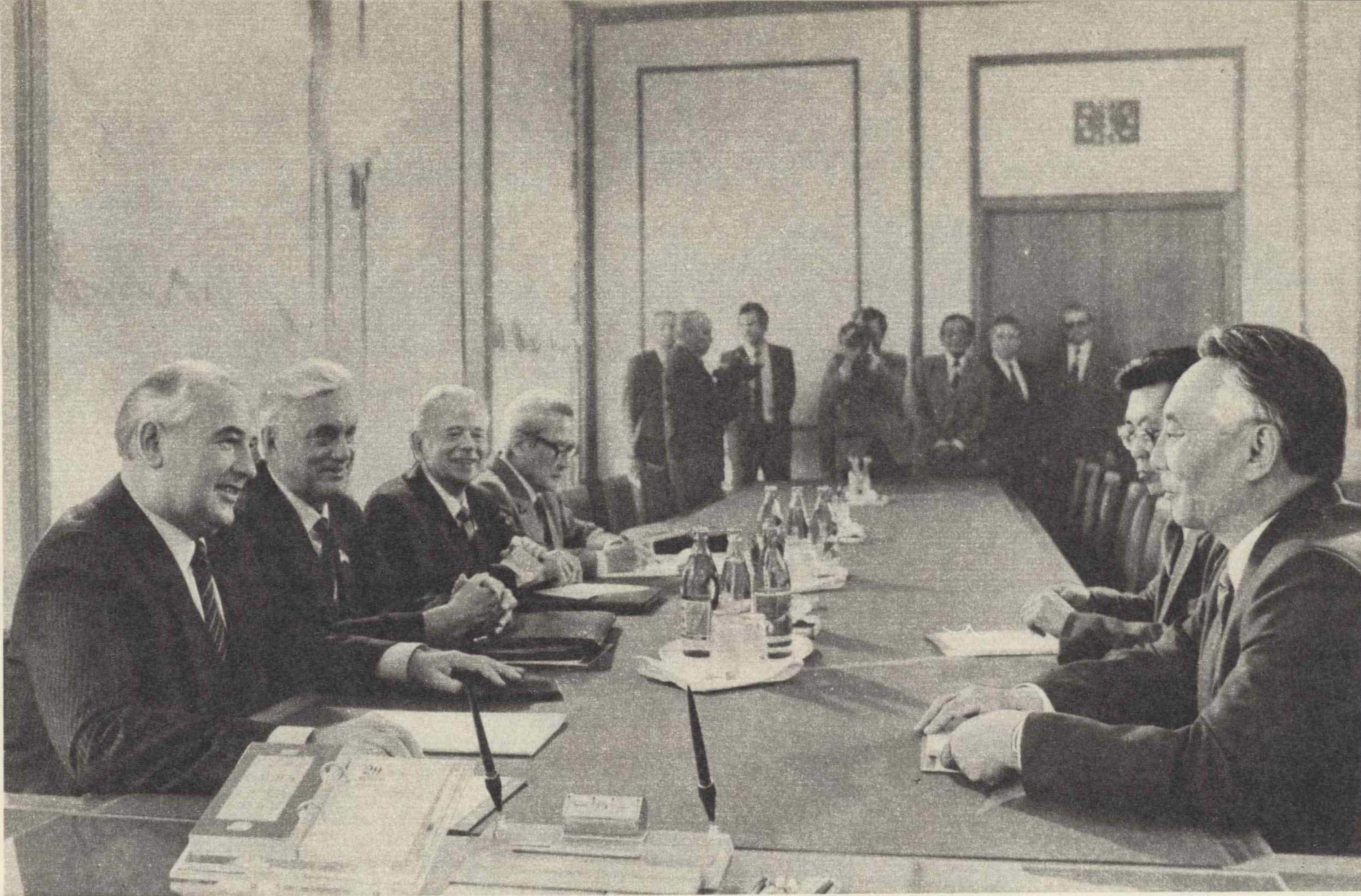
ХЛЕБ — РОДИНЕ

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 37 СЕНТЯБРЬ 1985

Во время беседы.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 37 (3034)

7—14 СЕНТЯБРЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1985

ДРУЖЕСКАЯ ВСТРЕЧА

Во время подписания.

А Б В Г Д Е Ж З И Й К Л М Н О П Р С Т У Ф Х Ц Ч Ш Щ Ъ Ы Ь Э Ю Я 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52

ВСТРЕЧА М. С. ГОРБАЧЕВА С Ж. МАРШЕ

29 августа в Кремле состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с Генеральным секретарем ЦК МНРП, Председателем Президиума Великого Народного хурала МНР Ж. Батмунхом, находившимся в Советском Союзе на отдыхе по приглашению ЦК КПСС.

Руководители двух братских партий обменялись информацией о развернувшейся подготовке к XXVII съезду КПСС и XIX съезду МНРП, о политической, экономической и организаторской работе, проводимой в соответствии с установками апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС и внеочередного VIII (август 1984 г.) пленума ЦК МНРП.

Участники встречи выразили удовлетворение динамичным развитием советско-монгольских отношений, чему в решающей мере способствуют тесные связи между КПСС и МНРП, постоянные контакты между Центральными Комитетами обеих партий.

Встреча, прошедшая в братской, сердечной обстановке, подтвердила полное единство взглядов двух партий и стран по всем обсуждавшимся вопросам.

29 августа в Кремле Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев и Генеральный секретарь ЦК МНРП, Председатель Президиума Великого Народного хурала МНР Ж. Батмунх подписали Долгосрочную программу развития экономического и научно-технического сотрудничества между СССР и МНР на период до 2000 года.

При подписании присутствовали:

с советской стороны — товарищи Г. А. Алиев, Н. И. Рыжков, В. М. Чебриков, Э. А. Шеварднадзе, П. Н. Демичев, В. И. Долгих, В. В. Кузнецов, Б. Н. Ельцин, Л. Н. Зайков, М. В. Зимянин, И. В. Капитонов, В. П. Никонов, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов, заместители Председателя Совета Министров СССР, руководители ряда министерств и ведомств, другие официальные лица;

с монгольской стороны — сопровождающие Ж. Батмунха официальные лица.

В этот же день Ж. Батмунх отбыл на родину.

Во время встречи.

Фото В. Мاستюкова, В. Соболева (ТАСС)

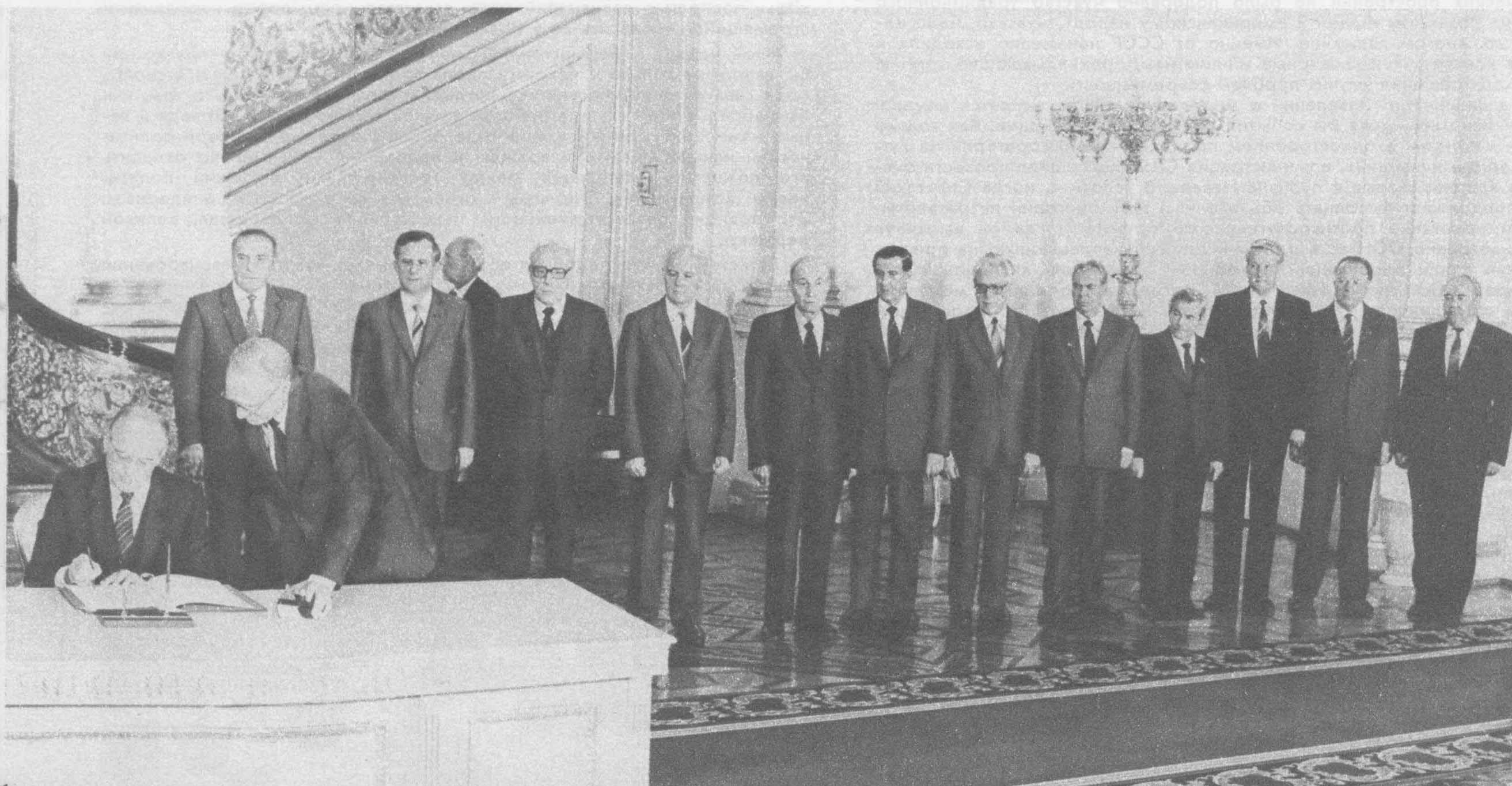
2 сентября состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с Генеральным секретарем Французской компартии Ж. Марше.

Беседа проходила в атмосфере искренней дружбы и товарищеского взаимопонимания и характеризовалась обоюдным стремлением способствовать дальнейшему развитию сотрудничества и солидарности между двумя партия-

ми. Руководители КПСС и ФКП обменялись информацией о деятельности своих партий и обсудили ключевые проблемы мировой обстановки.

Во встрече приняли участие член Политбюро, секретарь ЦК Французской компартии М. Гремь, а также член ЦК КПСС, первый заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС В. В. Загладин.

Фото В. Мусаэльяна, Ю. Лизунова (ТАСС)

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Виталий КОРИОНОВ

Не будет преувеличением сказать: ни одно выступление политического деятеля не получало в последнее время столь гигантского международного резонанса, как ответы Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева американскому журналу «Тайм» и его беседа с американскими журналистами. Документ огромного значения, ясный ориентир в нынешнем лабиринте международных отношений — так характеризуют эти ответы представители здравомыслящих политических кругов всех континентов, мировая общественность, средства массовой информации.

Причина ясна: говорит руководитель партии, говорит от имени страны, первоочередную роль которой в решении важнейших для всех народов проблем переоценить невозможно. И говорит в обстановке, когда предстоит решать вопрос о судьбах настоящего и будущего человечества.

Сложна, напряженна, взрывоопасна ситуация в мире. Более того, она имеет тенденцию к дальнейшему обострению. Советско-американские отношения продолжают ухудшаться. Военная угроза не спадает, напротив, гонка вооружений усиливается. Искать ее источник не приходится. Достаточно перелистать хотя бы страницы американских изданий самых последних дней. Так, газета «Ю-Эс-Эй тудей» сообщает: к ядерному арсеналу США сейчас каждый день прибавляется семь или восемь новейшего образца ядерных боеголовок для ракет МХ, «Першинг-2», «Трайдент-1» и «Трайдент-2». «При администрации Р. Рейгана производство боеголовок увеличилось почти в два раза по сравнению с периодом администрации Дж. Картера», — отмечает известный американский ученый Дж. Визнер, являвшийся научным советником президентов Эйзенхауэра и Кеннеди. Нынешняя администрация, констатирует ученый, больна. «Социальный рак, имя которому милитаризм» — таков диагноз Визнера.

Порочный круг, в котором принуждает вращаться человечество милитаризм, должен и может быть разорван. Один из наиболее прямых путей к этому — нормализация советско-американских отношений. Историей доказано: когда в основу советско-американских отношений кладутся доверие, сотрудничество, выигрывают не только народы наших двух стран, но и все человечество. В ядерный же век роль этого фактора возросла в неизмеримой степени.

«Наши страны», — отмечает М. С. Горбачев, — просто не могут позволить себе довести дело до конфронтации. В этом — действительный интерес и советского, и американского народов. И это надо выразить на языке реальной политики. Необходимо остановить гонку вооружений, заняться разоружением, ввести в нормальное русло советско-американские отношения. Честное слово, пора сделать эти отношения между двумя великими народами достойными их исторической роли. Ведь от наших отношений действительно зависят судьбы мира, судьбы мировой цивилизации. Мы готовы действовать в этом направлении».

На встрече с представителями журнала «Тайм» советский руководитель подчеркнул со всей силой: из Советского Союза война не придет, мы ее никогда не начнем. И слова Москвы не расходятся с делом. Советское руководство считает очень важным, чтобы даже в моменты политических обострений не было подорвано чувство традиционного уважения советских людей к американскому народу, чувство, надо полагать, во многом взаимное. Именно от СССР неизменно исходили и исходят конструктивные мирные инициативы, прокладывающие торную дорогу для решения жгучих проблем современности.

Ну, а Вашингтон? Заявлений о миролюбии оттуда сыплется немало. А дела? Вспомним хотя бы события самых последних дней. Как только СССР — и притом в одностороннем порядке — ввел мораторий на любые ядерные испытания, администрация США поспешила провести очередной ядерный взрыв в пустыне Невада. В условиях, когда Советский Союз продолжает выполнять объявленный им мораторий на развертывание и испытание противоспутникового оружия, когда он выдвинул на рассмотрение ООН еще одну инициативу, направленную на предотвращение гонки вооружений в космосе, предложив включить в повестку дня XXXX сессии Генеральной Ассамблеи вопрос «О международном сотрудничестве в мирном освоении космического пространства в условиях его немилитаризации», Белый дом демонстративно объявил о планировании целой серии испытаний такого оружия. А когда председатель сенатского комитета по делам вооруженных сил Б. Голдуотера спросили, как скажется осуществляемое Пентагоном испытание противоспутникового оружия на советско-американских переговорах в Женеве, он изрек: «Мне наплевать на то, как оно отразится. Главное — это чтобы оно отвечало основным целям США». Но ведь каждому известно, что «основные цели», о которых печется сей сенатор, — это цели военно-промышленного комплекса, не имеющего ничего общего с подлинными целями американского народа.

Сотни миллионов людей во всех концах планеты облегченно вздохнули, когда было объявлено о достижении договоренности о встрече 19–20 ноября в Женеве М. С. Горбачева и Р. Рейгана. Москва идет на

нее со всей ответственностью, присущей великой державе. Ведь ясно, что, если бы советское руководство не верило в возможность позитивного исхода встречи, оно бы на нее не пошло. Наше руководство настроено серьезно и готовит к встрече серьезные предложения.

Ну, а Вашингтон? Позвольте воспроизвести высказывания некоторых высокопоставленных руководителей американской администрации на счет того, в каком направлении они хотели бы вести эту встречу. «Я бы воздержался определять ее как поворотный пункт в советско-американских отношениях» (госсекретарь Шульц); «Я не думаю, что встречу в верхах следует проводить в целях подписания соглашений» (помощник госсекретаря Бэрт); «Установление повестки дня, а не достижение какого-то конкретного соглашения — вот критерий, на основе которого следует судить о результатах этой встречи» (представитель Белого дома Э. Джерреджан).

Весьма характерны и высказывания помощника президента по национальной безопасности Р. Макфарлейна. Потеряв чувство реальности, он формулирует даже список уступок, которые Вашингтон собирается потребовать от нашей страны на женевской встрече на высшем уровне, включающих чуть ли не изменение характера нашего строя. А ведь Макфарлейн, как замечает газета «Вашингтон пост», «достиг командных высот в соперничестве за контроль над политикой в преддверии предстоящей американско-советской встречи в верхах».

Но рекорд цинизма побил, пожалуй, все же шеф Пентагона. Превознося нынешнего хозяина Белого дома, К. Уайнбергер объявил: «величие» последнего сказывается в том, что ему «всегда удавалось провести других». Так вот на сей раз этот «номер» Белому дому не удастся. Советский Союз — это не один из партнеров США по блоку НАТО, которых главному американскому администратору действительно не раз удавалось провести на встречах в Вильямсберге или Бонне. Историей подтверждено: с великой социалистической державой говорить на языке политики «с позиции силы», а тем более диктата никогда и никому не удавалось. Тем более не удастся на сей раз!

Стало быть, в процессе подготовки к советско-американской встрече на высшем уровне налицо два совершенно различных подхода.

Советский Союз готовится к встрече серьезно, он рассчитывает на честный, непредвзятый разговор, проникнутый искренним стремлением найти дорогу, которая уведет мир от края ядерной пропасти. Именно этим диктуется позиция СССР в отношении рейгановской программы «звездных войн». Наша страна — решительный противник этой безумной милитаристской затеи. Мы готовы вести переговоры с США, но не о космическом оружии, не о том, какие именно виды этого оружия можно будет размещать в космосе, а о недопущении гонки вооружений в космосе. Не будет запрета на милитаризацию космического пространства, не будет предотвращения гонки вооружения в космосе, так и вообще не будет разоружения. Такова твердая позиция КПСС и Советского государства.

Перед лицом всего человечества СССР призывает США честно договориться и по стратегическому ядерному оружию, и по оружию средней дальности, и по проблемам космоса. Это позиция великой державы, полностью сознающей свою ответственность перед народами и стремящейся воплотить ее в практические дела.

Иной подход у Вашингтона. Встречу на высшем уровне там хотели бы свести не только к некоему пропагандистскому шоу, но и к своего рода схватке политических «сверхгладиаторов», думая лишь о том, как бы набрать в этой схватке побольше очков в свою пользу. Отсюда и явные намерения администрации еще больше отравить мировой политический климат миазмами вражды и недоверия, максимально охладить его, поместить отношения между государствами в некий политический холодильник. Это игра с огнем, да не с простым, а ядерным. Это позиция безответственности, недостойная руководства великой державы.

Естественно, что подобная позиция вызывает чувство разочарования и обеспокоенности у всех, кому действительно дорого чистое небо над планетой. И все же места для уныния нет. Опасный процесс можно остановить. Поезд еще не ушел, и при политической воле его можно направить на правильный путь. У СССР такая воля налицо.

Мы уверенно смотрим вперед. Социализм достиг военного паритета с империализмом и никому не позволит сломать его. На колени поставить нас, измотать нашу могучую экономическую державу не удастся. Мы осуществляем грандиозные созидательные планы, что говорит не только о полной уверенности советского народа в своих богатейших силах, но и о нашей глубокой вере в дело прочного мира. У нас надежные социалистические союзники. Нашу последовательную политику мира одобряет и поддерживает громадное большинство человечества. И к каким бы нечистоплотным приемам ни прибегали враги мира и социализма, им не сбить нас с этого единственно верного, ленинского пути.

Во время беседы.

Фото В. Мастюкова и В. Соболева (ТАСС)

ПРИЕМ М. С. ГОРБАЧЕВЫМ АМЕРИКАНСКИХ СЕНАТОРОВ

3 сентября Генеральный секретарь ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР М. С. Горбачев принял в Кремле находившихся в Советском Союзе по приглашению Парламентской группы СССР лидера демократической фракции в сенате США Р. Бэрда, временного председателя сената С. Тэрмонда, а также сенаторов К. Пелла, С. Нанна, Д. Деконсини, П. Сарбейнса, Дж. Уорнера, Дж. Митчелла.

В состоявшейся беседе М. С. Горбачев дал оценку нынешнего состояния советско-американских отношений и международной обстановки в целом.

Советский Союз, сказал он, искренне выступает за то, чтобы вернуть советско-американские отношения в русло нормального, корректного, взаимовыгодного сотрудничества, за то, чтобы между нашими странами наладился конструктивный диалог, установился хотя бы минимум взаимного доверия и уважения законных интересов друг друга.

Было подчеркнуто, что главная задача сегодня — это покончить с гонкой вооружений, обеспечить поворот к мирному развитию, взаимовыгодному сотрудничеству. Определяющим в советско-американских отношениях является положение дел в области безопас-

ности. Поэтому именно здесь прежде всего следует вести поиск договоренностей по действительно крупным центральным проблемам. К ним относятся в первую очередь вопросы, обсуждаемые на женевских переговорах по космическим и ядерным вооружениям, а также меры военной разрядки и укрепления доверия в самом широком смысле.

В беседе приняли участие Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР А. Э. Восс, заместитель председателя Парламентской группы СССР В. В. Загладин, член Комиссии по иностранным делам Совета Союза Верховного Совета СССР А. М. Александров.

ТОРЖЕСТВА В СРВ

По приглашению ЦК КПВ, Государственного совета и правительства СРВ во Вьетнам прибыла партийно-государственная делегация СССР во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров РСФСР В. И. Воротниковым. Она приняла участие в торжествах по случаю 40-й годовщины провозглашения независимости Вьетнама.

30 августа состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПВ Ле Зуана, члена Политбюро ЦК КПВ, Председателя Государственного совета СРВ Чыонг Тиня и члена Политбюро ЦК КПВ, Председателя Совета Министров СРВ Фам Ван Донга с партийно-государственной делегацией СССР во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Ми-

нистров РСФСР В. И. Воротниковым.

31 августа в торжественной обстановке открыт памятник великому вождю мирового пролетариата В. И. Ленину. Он воздвигнут на площади Тиланг в центре вьетнамской столицы.

В церемонии открытия участвовали руководители Коммунистической партии и правительства Вьет-

нама, партийно-государственная делегация СССР.

Советская делегация присутствовала также при закладке Музея Хо Ши Мина.

На снимке: во время открытия памятника В. И. Ленину.

Телефото Г. Надеждина (ТАСС)

САМЫЙ ВАЖНЫЙ УРОК

Урок Мира — он начался с первым звонком во всех учебных аудиториях страны. На этом уроке нет учеников и учителей. Мы все ответственны за мир. Только на плечи взрослых ложится ноша тяжелее. На этом уроке не бывает опросов и контрольных работ: ведь главное знают все — нам нужен мир, нам не нужна война.

Каждый учитель выбирает для этого урока свои собственные слова. Александра Григорьевна Бондаренко, учительница истории Московского издательско-полиграфического техникума имени русского первопечатника Ивана Федорова, взяла в союзники турецкого поэта Назыма Хикмета. Это он написал однажды: «Ведь если я гореть не буду, и если ты гореть не будешь,

Клавдия Ильинична Абрамова и ее дочери Лири и Риту.

СЛОВО О МАТЕРИ

ПОМНИТ МИР

СПАСЕННЫЙ!

Во дворе Уфимского производственного швейного объединения имени 8-го Марта стоит памятник, изображающий женщину-мать, обнявшую своих детей. На памятнике рукой скульптора Е. М. Цибульского начертано: «Бессмертной партизанке Клавдии Ильиничне Абрамовой-Разуваевой, погибшей вместе со своими детьми в Великую Отечественную войну».

Клавдия Ильинична родилась в 1906 году в селе Архангельском в Башкирии. С юных лет батрачила, а затем уехала в Уфу и поступила на швейную фабрику имени 8-го Марта, работала швеей. Здесь она стала комсомолкой, была вожаком молодежи, организатором суб-

ботников, часто выступала среди воинов Уфимского гарнизона, позднее вступила в партию.

Окончив Уфимский рабфак, Абрамова уехала учиться в Московский институт советского права имени П. И. Стучки. До начала войны она партийный работник на Украине, а в годы войны работала в Ставропольской краевой прокуратуре.

Когда фашисты оккупировали Ставрополь, Клавдия Ильинична вместе с народными мстителями ушла в подполье. По доносу предателя фашисты ее арестовали. Вот что удалось узнать из архивных документов. Во время облавы оккупанты задержали женщину, в которой опознали помощника

прокурора Ставропольского края. Это была Клавдия Ильинична Абрамова. Невысокая, черноглазая, она с презрением и ненавистью отвечала на вопросы оберштурмфюрера СС Вернера Клебера.

— Коммунистка? — заорал он и в бешенстве ударил женщину резиновой плетью по лицу.

— Да, коммунистка! И остаюсь ею до конца жизни!

Абрамову бросили в камеру № 19. А утром снова допрос.

Фашист пошел на последнее средство: в тюремную камеру доставили дочерей патриотки, шестилетнюю Лиру и одиннадцатилетнюю Риту. Открылась тяжелая дверь, и дети бросились к матери.

Гитлеровцы сказали:

— Уйдешь отсюда с детьми, только напиши обращение к партизанам. А будешь молчать — расстреляем!

Впервые за месяц испытаний в глазах Абрамовой блеснули слезы.

...Утром, когда октябрьское солнце робко заглянуло через решетку камеры № 19, золотой лучик скользнул по лицу сладко спящей Лиры на коленях матери. Клавдия Ильинична, не смыкавшая за ночь глаз, нежно гладила лицо Лиры. Другой рукой она крепко обнимала Риту. Девочка, склонившись к матери, тихо плакала. В коридоре послышались гулкие шаги, затем со скрипом открылась дверь, в камеру вошел палач Клебер и приказал женщине

и если мы гореть не будем — так кто ж тогда рассеет мрак?»

— Поэт не зря поставил личное местоимение «я» перед личными местоимениями «ты» и «мы», — объясняет Александра Григорьевна. — Речь-то идет о горении во имя свободы, во имя мира, во имя будущего! И если мы хотим, чтобы безумие планов новой войны, ядерной, было развеяно навсегда, чтобы ее не было, чтобы все люди на земле жили под мирным небом, каждый должен начинать с себя и не спрашивать: «А что я могу?»...

А могут ребята многое. Главная обязанность — хорошо учиться и идти к вершинам знаний, постигать тайны мастерства так нужной сегодня профессии полиграфиста. Ведь даже на минуту нельзя себе представить, что из нашей жизни вдруг исчезнут газеты, журналы, книги...

Идут уроки Мира и в других аудиториях техникума. Рассказывают старшие младшим о борьбе, которую наша страна ведет против угрозы войны, и о тех, кто стоит на пути мира. Телетайп каждый день приносит новые факты этой борьбы. Гнев и кровь Сальвадора, сожженные рощи Ливана, участь Гренады, страдания чилийского народа, марши протеста и мира на дорогах Европы тревожат нас, и мы не можем оставаться в стороне...

Примечательно, что будущие полиграфисты начали свой новый учебный год в новом здании, с прекрасно оборудованными учебными кабинетами, мастерскими, спортивным залом. А рядом с техникумом сверкает белизной новое общежитие.

— Здесь уютно как дома, — сказала первокурсница Светлана Жито на митинге во Всемирный день мира, который проходил у учебного порога в первое сентябрьское утро.

Урок Мира закончен. Урок Мира продолжается. Им станут и трудовые субботники, средства от которых пойдут в Фонд мира, работа в стройотрядах, митинги солидарности.

З. КРЯКВИНА
Фото С. Петрухина

с детьми выйти из камеры. Клавдия Ильинична взяла на руки проснувшуюся Лиру. Рита шла рядом с матерью. Лира не понимала, почему вдруг маму поставили к стене, зачем ей стали накидывать на голову черную повязку, от которой она тут же отказалась.

Клавдия Ильинична молчала. Тогда фашисты на глазах у матери расстреляли детей. Она собрала силы и бросила в лицо палачам:

— Да здравствует Советская Родина! Смерть фашизму!

Треск автоматов заглушил ее предсмертные слова...

В швейном объединении имени 8-го Марта чтят память своей землячки. Она навечно зачислена в списки коллектива. На имя Клавдии Ильиничны Абрамовой, бывшей работницы фабрики, выписана трудовая книжка. В ней записано: «За мужество и отвагу, проявленные в борьбе против немецко-фашистских захватчиков в период Великой Отечественной войны, награждена орденом Отечественной войны I степени». Этот орден хранится в Башкирском краеведческом музее в Уфе.

Лучшей бригаде, занявшей в социалистическом соревновании первое место три раза подряд, присуждается красный выпел имени К. И. Абрамовой.

Георгий БАЗЕКИН

Уфа.

I
Я пропеть хочу
миротворчество —
это творчество
всех дороже:
чтобы миру в огне
не корчиться,
чтоб мороз не пошел
по коже.
Пусть снобистски
кто-то поморщится,
скажет: это слова —
и только.
Это действие —
миротворчество.
Это — драться за правду стойко.

ЕДИНСТВЕННОЕ сердце ЗЕМЛИ

Микола СЫНГАЕВСКИЙ

ПОЭМА-ПЛАКАТ

II
Сердце мира —
гневный метроном.
Горы выпирают, как ключицы,
И приходит к нам
тревожным сном
то, что может наяву случиться.

Сердце человечества —
дитя.
Это сердце к будущему рвется.
Над цветами весело летя,
вдруг оно неслышно разорвется?

Сердце мира!
Ты мудрее книг,
жаждешь ты добра,
любви и ласки.
К вечности добавить
краткий миг —
и на это ты порой согласен.

Только что гудел весенний шум,
солнце идиллически светило.
Но заставил вздрогнуть
трезвый ум,
лишь напомнив Сабру и Шатилу,
малыша в огне предсмертный
хрип —
и душе молчать невыносимо.

Ядерный, смертельный,
черный гриб
на века завис над Хиросимой.
У тебя, Вселенная, одно
это человечество земное.
Лишь для мира рождено оно.
Что ж окружено оно войною?

III
В мир сияющий
вышли мы
для призвания высшего
этого,
словно первой
влюбленности,
миру будем мы полностью
преданы.
Видишь, с юга
до севера
поле хлебом засеяно
не для войн.
Не дождемся
прощенья мы,
услыхав над ущельями
смерти вой.

IV
Сколько смертей приготовлено,
сердце одко,
для тебя,
сколько изысков,
сколько изобретений:
смерть от ядов
и смерть от бактерий,
от пуль простых
и от пуль разрывных,
смерть от ядерной радиации.
Какой богатый выбор у тебя,
сердце —
выбирай любую,
выбирай по вкусу.
Но нет, не по вкусу тебе
смерть

ни в свинцовой,
ни в урановой упаковке.
Ты выбираешь жизнь,
и ломоть чернозема,
и грачей в черных комбинезонах,
проверяющих пашню
перед севом.

V
Течет кровавая струя
по волнам океана.
Гренада, это кровь твоя?
Нет, Никарагуа, твоя!
А может, кровь Ливана!..

Европа, слышишь стук сапог
о каменные плиты?
Неужто воскресает бог
фашистов недобитых?!

А в пакистанских лагерях
опять душманов учат.
Кто оплатил весь этот страх
и сдачу кто получит?

Опять готовится прыжок
на мир и на свободу.
Зарубцевавшийся ожог
болит на непогоду.

Уздой ракетною звеня
и время зря не тратя,
уже троянского коня
в тебя, Европа, катят.

Но долго ль «Першингам»
стоять,
составленным в обоймы?..
Должны Европу отстоять,
ровесник мой, с тобой мы.

VI
Единственная планета
в единственном из миров,
других — не надейся — нету,
одна: приговор суров.

На этой Земле, людьми мы
себя осознав едва,
ею были хранимы,
нами она жива.

Такую другую где я
сыщу, чтоб шумел посев?
Солдатский курган, седея,
от мыслей о нас просел.

VII
Я под маминной тихой грушею,
как мальчишкой, опять стою,
голос родины тихо слушаю,
землю маленькую мою.

Дом родной,
сторона полесская —
ты единственная моя.
Слышу я твоё слово веское,
где ни шел бы сегодня я.

Я прижмусь к отцовскому кителю,
в нем не выдохся дух войны.
— Будьте бдительны! —
— Будьте бдительны!
голоса партизан слышны.

И давно известную истину
повторяет мне сердце вновь:
сохранить этот мир единственный
может только
к нему любовь.

Перевел с украинского
Леонид СОРОКА

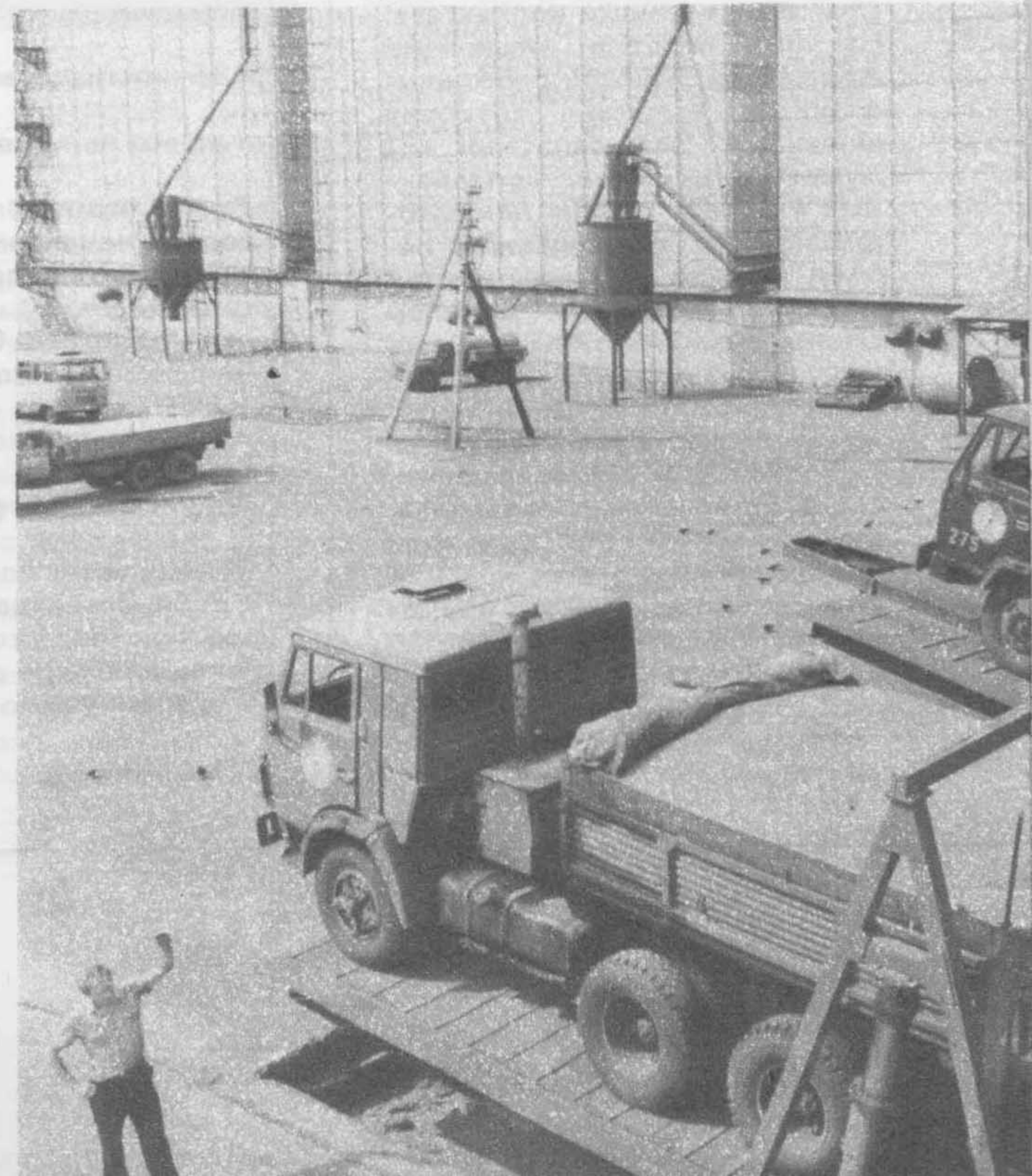

Пять звездочек на комбайне комсомольца Анатолия Пастухова.

Валентина Михайловна Скуридина, хозяйка зернового клина.

Поступил хлеб липецкого колхоза «Заветы Ильича».

ХЛЕБ — РОДИНЕ

Велик круг забот у земледельцев. Главное поле — зерновое. За последние год-два наука стала хозяйкой нивы с озимыми и яровыми хлебами. Не везде, далеко не везде, но опыт лучших убеждает.

Комбайны возвращаются с южных полей страны. Порадовали намолотами и поля Нечерноземья, срединной России, например, курского колхоза «Заря коммунизма», Кореневского района. Гул жатвы перемещается все дальше на восток — в Сибирь, на Урал и в Северный Казахстан. А с нивы, освободившейся от бремени урожая, стаскивают последние копны солом, и тут же трактористы — круг за кругом — распахивают жнивьё. Зяблевая вспашка, сев озимых — это и есть завершение векового годового цикла сельскохозяйственных работ в поле. У работ этих, как и у кольца, в общем-то нет конца, и все-таки принято считать, что сбор выращенного венчает каждодневный труд земледельцев. И чем больше зерна засыпано в амбары, хранилища хозяйств, чем больше его отвезено на элеваторы, тем глубже удовлетворение, испытанное агрономами, бригадирами-полеводцами, механизаторами и шоферами, всеми, кто выполнил годовое и пятилетнее задание Родины, этот можно сказать, единый коллективный подряд на отечественном зерновом поле в 125 миллионов гектаров.

Зерновое хозяйство страны переживает принципиальную перестройку. Нам надо не просто много хлеба, но хлеба высококачественного. Растениеводы, и в частности хлеборобы, овладевают новыми технологиями производства зерна, особенно сильных пшениц — с высоким содержанием белка, клейковины, которая определяет хлебопекарные качества. В Липецкой области, например, зерновые не первый год возделывают по интенсивной технологии. Теперь здесь поля повышенного агрономического внимания занимают сто тридцать тысяч гектаров. Минувшая жатва показала, что даже в такой неблагоприятный, богатый погодными сюрпризами год, каким выдался год нынешний в этих местах, реальностью стали урожаи по 50—65 центнеров пшеницы с гектара. Небывальщина. Главное — такие намолоты дали и ценное зерно, в котором содержание клейковины превышает двадцать восемь — тридцать и даже тридцать два процента. Анализы лаборантов на элеваторах свидетельствуют: золотое зерно!

Началось с малого, с одного поля в колхозе «Заветы Ильича», Липецкого района. А в этом году сильную пшеницу убрали с трехсот сорока гектаров. Урожай на них составил пятьдесят пять центнеров на круг. Почти вдвое больше, чем в среднем по колхозу! Вот это обстоятельство заслуживает анализа самого глубокого. Такая разница — пятьдесят пять и тридцать центнеров — в урожайности полей красноречиво агитирует за новую, интенсивную технологию выращивания пшеницы. Правда, она требует от исполнителей и прежде всего от механизаторов отменного профессионализма. И личной заинтересованности. Тут особую роль сыграла Валентина Михайловна Скуридина, главный агроном хозяйства. Она подлинный технолог обновленных полей. Высокий урожай ценной пшеницы все окупает. Окупает он даже затраты, которых поля новой технологии требуют, конечно, много больше. Тем не менее, как подсчитали экономисты колхоза «Заветы Ильича», себестоимость центнера сильной пшеницы в конце концов ниже на двадцать процентов, чем зерна с невысоким содержанием протеина. На обычном поле не только намолот скудный, но и государство за слабосильный хлеб платит меньше... Так что в Липецкой области многие хозяйства убедились в том, что лучше работать лучше! Выгоднее!

На бункерах комбайнов, поставленных на прикол, по четыре, а то и по пять звездочек. Каждая сигнализирует о намолоте тысячи центнеров зерна. Здорово поработали здесь комбайнеры! Зерновую пятилетку в Липецкой области выполнил не один колхоз «Заветы Ильича». Это радует, потому что немало хозяйств оставалось в долгу перед государством. Да и нынешний год долго тревожил хлеборобов. Неурочные дожди заставили ценить каждый погожий час, помогли мобилизоваться, проявить смекалку для уборки тяжелых, часто полёглых хлебов, ликвидировать утечку зерна.

Давно известно: нелегко хлеб вырастить, но и собрать урожай стоит немало труда, умения. Интенсивная технология на зерновом поле обязывает ко многому, тут уж нельзя ни в чем отступить — ни от одного требования. Все по науке! И с полной отдачей. А главное, никаких шаблонов. Только так можно взять большой хлеб на обновленной ниве. А погода не помеха мастерам урожая.

Н. БЫКОВ

страда-85

Фото В. КОЖЕВНИКОВА, И. ЗОТИНА (ТАСС)

Партийный секретарь В. П. Зыбин всегда был там, где накал страды сильнее.

ГЛАВНЫЙ МАРШАЛ АВИАЦИИ

А. Е. Голованов

На склоне лет, когда Александр Евгеньевич Голованов работал над своими мемуарами, мне, одному из первых редакторов этих материалов, довелось не раз беседовать с ним о виденном и пережитом. Александр Евгеньевич был талантливым разносторонне. Прекрасный летчик, великолепный организатор и руководитель, А. Е. Голованов обладал острым, аналитическим умом и несомненными литературными способностями, не случайно А. Е. Голованов — автор нескольких рассказов.

Одного он не любил: говорить о себе. Помнится, уступая моим настойчивым просьбам, не раз начинал какую-нибудь историю о том, как он... И вдруг, незаметно главным действующим лицом оказывался уже не он, а кто-то другой, на кого как бы случайно соскальзывало повествование.

Но зато я очень много слышал о нем от других, от тех, кто служил с ним, летал или просто встречался на земле или в небе.

Голованов в Советской Армии с 1919 года, участвовал в гражданской войне, служил в ОГПУ, работал в Наркомате тяжелой промышленности, затем окончил летную школу, и с сентября 1934 года командир особого отряда тяжелых кораблей ГВФ. Александр Евгеньевич участвовал в боях у Халхин-Гола и в советско-финляндской войне. С первых дней Великой Отечественной войны А. Е. Голованов на фронте. Дивизия дальнебомбардировочной авиации, которой он командовал, при его личном участии наносит бомбовые удары по Берлину, Кенигсбергу,

Данцигу, Плоешти... В феврале сорок второго он назначается командующим авиацией дальнего действия (АДД).

Ветераны АДД — с кем бы из них я ни беседовал — обязательно вспоминают один из излюбленных способов Голованова решать различного рода «личные», то есть обычно самые трудные и сопряженные с обилием эмоций вопросы. Способ этот, пожалуй, парадоксален. Естественно предположить, что именно такие вопросы следует решать с глазу на глаз, без свидетелей, обеспечивая тем самым условия для полной доверительности и взаимной откровенности. Голованов же действовал совсем по-иному. Приезжая в часть, он собирал личный состав на аэродроме или стадионе и предлагал высказывать просьбы, претензии и жалобы. Люди не стеснялись сослуживцев, говорили о неполученной награде — где-то путешествует наградной лист, видимо, потерялся; о непонятной задержке в присвоении очередного воинского звания — если есть претензии, пусть начальство предъявит, будет ясно, над чем работать, а если их нет, зачем же тянуть, ведь звание для военного человека не пустяк; о нарушении справедливой очередности в предоставлении жилья; о плохой работе магазинов Военторга и Военкнижки... Командующий тут же диктовал краткие и четкие поручения адъютанту по тем вопросам, которые невозможно было решить на месте. Видимо, Голованов считал, что солгать, словчить или слухавить в присутствии боевых товарищей невозможно, а торжество справедливости, совершающееся публично, всегда поднимает настроение людей.

Об этих публичных приемах Голованова по личным вопросам я не раз вспоминал после введения у нас единого политдня. Ведь ветеран партии Голованов обычно начинал с доклада о текущем моменте, о задачах личного состава, а затем уж переходил к ответам на вопросы служебного и личного характера.

Много рассказывают о личной храбрости Голованова и его высоком летном мастерстве. Во время Великой Отечественной в этом однажды довелось лично убедиться Г. К. Жукову.

Поздней осенью 1942 года Жуков в качестве представителя Ставки был направлен на фронт, где встретился с Рокоссовским и Ватутиным. В совещании принимал участие и Голованов. Когда пришло время возвращаться в Москву, оказалось, что на трассе сложная погода. Однако Голованова, прекрасно владевшего навыками слепого полета, это не смути-

ло: он решил лететь на своем самолете и со своим экипажем. Зная, что Жуков очень спешит в Ставку, предложил лететь с ним. Жуков согласился. Вероятно, он понимал, что полет в таких условиях — большой риск, но в то время каждый час был на счету — готовилось контрнаступление под Сталинградом. После взлета, к самолету, который пилотировал Голованов, пристроились истребители сопровождения, однако через десять — пятнадцать минут вынуждены были вернуться на аэродром: низкая облачность делала сопровождение в условиях слепого полета опасным.

Голованов же продолжал вести машину к Москве. Настроение у экипажа было отличное, каждый спокойно выполнял свои обязанности. До Москвы оставалось около ста километров, как вдруг самолет начал быстро терять высоту. Голованов добавил обороты — не помогло, добавил еще — самолет продолжал терять высоту. Обледенение! Включили антиобледенители, довели обороты двигателей до максимальных — никакого результата. Голованов вспомнил, как во время советско-финляндской войны попал в аналогичную ситуацию после десяти — двенадцати минут полета от Ленинграда. Развернувшись на форсаже, он еле еле дотянул до аэродрома. На самолете оказалось бугристое обледенение, которое резко нарушило его аэродинамику: в случае продолжения полета это неминуемо привело бы к катастрофе.

Тогда Голованов рисковал только собой и жизнью двоих членов экипажа. Теперь же на борту находился человек, роль и значение которого в битве с фашизмом вряд ли можно было переоценить. Голованов решил не тянуть до Москвы и на полном газу посадил самолет на ближайший полевой аэродром. Вызвав из своего штаба машину, Голованов предоставил ее в распоряжение Жукова, а сам остался на аэродроме.

Через несколько дней из окна своего кабинета в штабе АДД Голованов увидел новенький голубой «ЗИС» — на таких в то время ездило высокое начальство. Вызвав порученца, Голованов осведомился, кто приехал. Порученец поспешил узнать и, вернувшись, доложил, что эту машину Г. К. Жуков прислал командующему АДД в память о совместном полете.

Впоследствии шофер Голованова рассказал, что когда на выдавшей виды «эмке» вез Жукова с аэродрома в Ставку, маршал спросил, на чьей машине едет. Узнав, что машина принадлежит командующему АДД, Жуков распорядился выделить Голованову новую машину.

О мужестве, храбрости, выдержке и самообладании Голованова я слышал немало, но никак не мог предположить, что доведется видеть Голованова в обстановке, если и не критической, то по крайней мере близкой к таковой.

А дело было так. Летом 1971 года Голованов получил приглашение принять участие в праздновании тридцатилетия одного из гвардейских авиационных полков, входившего во время Великой Отечественной войны в АДД. Приглашение на празднование получили несколько литераторов, в числе которых был и я. Главному маршалу авиации Голованову, представителям командования ВВС и нескольким ветеранам полка, жившим в Москве, был предоставлен специальный самолет. Пригласили на борт и нас. После традиционной трапезы в летной столовой на аэродроме вся наша группа направилась на летное поле. Экипаж был выстроен для встречи, командир, молодой художавый капитан, доложил главному маршалу о готовности к полету. Здороваясь с членами экипажа, Голованов спросил:

— Чего больше всего боится самолет?

— Грозы, товарищ главный маршал, — после некоторого раздумья ответил капитан.

— Нет, не верно, — усмехнулся Голованов. — Больше всего самолет боится земли. Так говорили в дни моей молодости.

Разместились мы в штабном самолете удобно: мест много, а пассажиров мало. Довольно быстро я уснул. Когда проснулся, в иллюминаторе было темно. Казалось, в метре от самолета сверкнула молния. Оглушительный удар грома потряс машину, за ним еще один. По плоскостям молотил крупный град, кучки градин белыми островками скапливались на крыльях. Самолет то и дело «ссыпался» вниз, затем снова устремлялся вверх.

К горлу подступила тошнота, а к сердцу — тревога. По проходу между креслами прошли к пилотской кабине два летевших с нами генерала авиации. Я глянул на Голованова. Он спокойно беседовал с соседом, с интересом поглядывая в иллюминатор. Один из генералов подошел к Голованову и о чем-то спросил его. Главный маршал авиации коротко ответил и снова принял к иллюминатору. Самолет резко пошел на снижение, и через несколько минут мы оказались в ясном небе.

Вечером того же дня выяснились любопытные подробности, о которых я не мог знать. Оказывается, попав в грозовой фронт, командир экипажа, памятуя слова Голованова о том, что больше всего самолет боится земли, к тому же опасаясь прослыть трусом, решил не снижаться. Тогда один из представителей командования ВВС осведомился у старшего по званию на борту, то есть у Голованова, не считает ли он необходимым попытаться снижением выйти из грозового фронта. Голованов ответил, что лично он, если бы пилотировал самолет, поступил бы именно так, но давать советы командиру экипажа, отвечающему за самолет и за людей, считает недопустимым. Тогда генерал отдал летчику соответствующее приказание, и мы вырвались из грозы.

Как-то раз, вспоминая об этом случае, я сказал Голованову, что

А. Шилов. Род. 1943. ВДОВЫ ВОЙНЫ. 1985.

Всесоюзная выставка «40 лет Великой Победы».

В. Харламов. Род. 1935. НА ВСЮ ОСТАВШУЮСЯ ЖИЗНЬ. 1985.

Всесоюзная выставка «40 лет Великой Победы».

поначалу здорово испугался и успокоился, лишь убедившись в его полном спокойствии. Александр Евгеньевич усмехнулся.

— Наше спокойствие было порождено разными причинами. Ваше — незнанием, а мое — ясным пониманием ситуации.

Все, кто был знаком с Головановым, хорошо знали, как он был неуступчив, если не сомневался в своей правоте. Приведу характерный пример. В послевоенные годы Голованов решил получить специальное военное образование. Он окончил Высшие офицерские курсы «Выстрел», а затем Военную академию Генерального штаба Вооруженных Сил СССР имени К. Е. Ворошилова. Учился он блестяще. На выпускных экзаменах в академии шел на одни пятерки. И лишь по одному предмету его знания были оценены четверкой. Предмет был не из самых важных, но Голованов считал, что четверку ему поставили без достаточных оснований, что в возникших между ним и преподавателем расхождении прав был он, а не преподаватель. Четверка эта не влияла на общие результаты учебы Голованова, он и так должен был получить диплом с отличием и золотую медаль. Когда Голованов обратился к начальнику академии, тот искренне удивился: «Создавать специальную комиссию для повторной проверки ваших знаний?! Александр Евгеньевич, помилуйте, да зачем это? Ведь предмет чрезвычайно далек от авиационных вопросов, в которых вы любому специалисту сто очков форы дадите. А тут... Ведь соберется многочисленная комиссия, и из одного самолюбия постарается доказать, что не можете вы, авиатор, сухопутные вопросы знать на пятерку. Оставьте, послушайте доброго совета».

Но Голованов не отступил. Он добился созыва комиссии и после двухчасовой беседы с самыми компетентными специалистами на повторном экзамене получил пятерку.

Вспоминаю рассказ Голованова о том, как в 1943 году ему довелось на Центральном аэродроме осматривать американский самолет «Боинг-17» — так называемую «летающую крепость». Показывал его американский генерал, а не-

обходимые пояснения давал через переводчика здоровый, краснощекий летчик-американец, который очень располагал к себе. Осмотрев самолет, Голованов познанился со всем экипажем и поинтересовался, куда они летят. В ответ услышал, что самолет летит в Америку. Командующий АДД удивился и спросил:

— Почему же такие молодые и здоровые ребята не хотят больше воевать?

— А мы уже отвоевались, — ответил командир.

— Что значит отвоевались? — переспросил Голованов.

— Очень просто, — последовал ответ. — Мы сделали двадцать пять боевых вылетов, участвуя в налетах на гитлеровскую Германию. За каждый вылет наша авиация теряла пять процентов самолетов и личного состава. После двадцати вылетов мы тоже должны быть на том свете, но нам повезло. Еще пять вылетов сделали уже «с того света», поэтому наша работа завершилась, и мы летим домой, выполнив свою норму.

Вот так и закончилась для этих храбрых парней война, конца которой еще не было видно. А сколько раз побывали «на том свете» и сколько раз возвращались с него советские летчики, делавшие по сто, двести, триста и более боевых вылетов!

Вскоре после того, как я услышал от Голованова об этом случае, издательство «Художественная литература» выпустило книгу известного американского писателя Джона Херси «Возлюбивший войну». Роман Херси посвящен жизни и боевой деятельности экипажа «летающей крепости» в период весны и начала лета 1943 года. Этот экипаж под командованием капитана, а затем и майора Уильяма Морроу в составе крупного соединения стратегической авиации США, базирующегося близ Лондона, участвует в налетах на военные и промышленные объекты противника, расположенные на территории Германии, а также Бельгии, Голландии, Франции и Норвегии. Экипаж Морроу и другие лихорадочно отсчитывают те самые двадцать пять боевых вылетов, после совершения которых война должна для них закончиться.

Помню, книга произвела на меня большое впечатление. При одной из встреч с Александром Евгеньевичем я поинтересовался, не читал ли он книгу Херси, а когда выяснилось, что книга ему незнакома, предложил свой экземпляр.

Возвращая книгу при следующей встрече, он сказал: «Правильно вы мне ее порекомендовали. Книга, по-моему, правдивая».

Я уже знал, что в его устах это высшая оценка. И дальше начался разговор, который я постарался воспроизвести, опираясь не только на память, но и сохранившиеся в моем экземпляре книги пометки Александра Евгеньевича.

— Да, правдивая книга. Автор хорошо освоил материал, грамотно написал с авиационной точки зрения. А без знания материала никакой талант не спасет. — Голованов помолчал. Взял в руки книгу и стал ее неторопливо перелистывать, останавливаясь на тех страницах, где на полях виднелись его карандашные пометки. — Я, знаете ли, нередко сорок первый год вспоминаю. Ведь, сказать откровенно, были моменты, когда положение становилось прямо-таки отчаянным. И объективные обстоятельства складывались исключительно тяжело, и настроение у людей бывало мерзкое. Помню, один известный, отмеченный еще до войны высокой наградой летчик, в октябре сорок первого так растерялся, что это ни с его прошлыми заслугами, ни с характером никак не вязалось. Почему я это запомнил? Да потому, что случай-то редчайший, исключительный. Тогда люди о себе меньше всего думали. Как страну отстоять, как Отечество спасти и фашизм уничтожить — вот о чем днем и ночью душа болела. И что характерно, охваченные этой главной заботой, многие, вовсе не героического склада люди, совершали такое, о чем в иных условиях и подумать бы не решились. Вот у нас часто пишут: массовый героизм. На первый взгляд кажется нелогичным: героизм, подвиг — это ведь что-то необычное, выдающееся, а выдающееся не может быть массовым. И все же верно: героизм был массовым. Потому что весь народ дружно, единой грудью прикрывал Родину. В этих условиях храбрость, мужество ста-

новились необходимой и потому обычной нормой поведения. А вот трусость, шкурничество — чем-то исключительным. В американской же авиации в разгар войны с фашизмом каждый думал только о себе. О родине, о необходимости уничтожить фашизм никто и не помышлял. Делает свою опасную работу, потому что выхода другого нет — надо, начальство заставляет, да и денежки платят неплохие, и, как торгаши, подсчитывают, сколько вылетов сделали, сколько еще осталось. Наемники, а не защитники отечества! Техника у них была первоклассная, летать они тоже умели — это Херси верно пишет. Но какое страшное отсутствие высоких целей и идеалов!

Я вспоминаю, как тогда, почти пятнадцать лет назад, Александр Евгеньевич говорил:

— Психология наемного убийцы, вооружен ли он кинжалом, пистолетом или атомной бомбой, — штука чрезвычайно опасная. Если даже в ту войну, когда против фашизма сражались, таким, как Морроу, было все равно, кого и за что убивать, если сбрасывая атомную бомбу на Хиросиму, полковник Тиббетс ни на секунду не задумался о цели и смысле происходящего, то в Корее и во Вьетнаме наемные убийцы развернулись вояку. И теперь, когда идеология наемных убийц стала официальной идеологией армии США, туда и вербуют под соответствующими лозунгами... Вот почему нам надо еще больше и лучше писать о войне против фашизма, воспитывать молодежь на примерах патриотизма, героической защиты Родины.

Александр Евгеньевич Голованов занимался этим благородным делом до последнего дня своей жизни... Спешат люди по улицам, носящим имя Главного маршала авиации Голованова, учатся дети в школах его имени, кипит на необъятных просторах Родины, которую он так любил и берег, радостная жизнь.

Александр Евгеньевич Голованов мечтал о небе чистом и мирном, открытом дерзаниям человеческого гения. Небо этой мечты ныне надежно охраняют наследники бессмертной славы героев Великой Отечественной войны.

среди книг

ТАЛАНТ И ПАМЯТЬ

Об Алексее Николаевиче Толстом написано много. И тем не менее книга саратовского критика С. Боровикова в популярной серии издательства «Современник» «Любителям российской словесности» побуждает вновь задуматься над, казалось бы, хорошо знакомыми страницами жизни и творчества большого русского советского прозаика.

Свежо и непредвзято, с какой-то особой доверительной интонацией показывает исследователь, сколь нелегким (вопреки распространённому мнению) был долгий путь писателя к поистине всенародной любви.

Степное заволжское детство, юность, годы шумного петербургского успеха, круг блестящей столичной богемы, поиски своей за-

ветной «тропинки» в водовороте модных течений и стилей, отношение к революции и империалистической войне, художественные заповедания зрелого толстовского таланта, человеческие слабости и заблуждения, временная растерянность перед грозными потрясениями Октября, скитания в эмиграции и решительное возвращение на Родину, к новым творческим рубежам, к активному участию в строительстве социалистической культуры — все это для С. Боровикова не просто биографический «материал». В беспокойной, честной судьбе неизменно взыскательного к себе мастера он ищет ответы на жгучие вопросы, поставленные эпохой, не уклоняясь от ее правды, ее конфликтов. В этом — главное достоинство и актуальность книги.

С. Боровиков выводит духовно-интеллектуальный образ замечательного писателя в более поздние годы за пределы традиционного веселья, радушия, хлебосольства;

старается заглянуть туда, где кончалась плотная броня шуток неутомимого «Алешки» и, собственно, начинался Толстой, который стал нам дорог и нужен, — над чистым листом бумаги.

Немало примечательных и впечатляющих подробностей узнаем мы из книги о литературной борьбе 30-х годов, когда Алексей Толстой не раз подвергался тенденциозным нападкам в печати. А он шел своей дорогой, бывший барин, граф, живописатель дворянских гнезд, бывший эмигрант, и со стороны могло показаться, что дорога эта не всегда совпадает с той, по которой движется страна. И всегда находились в литературной среде люди, завидовавшие изумительной легкости его пера, невероятной плодовитости, здоровому народному реализму (который кое-чем из тогдашних критиков тоже брался под сомнение). И даже когда он написал «Восемнадцатый год», некоторые увидели здесь пре-

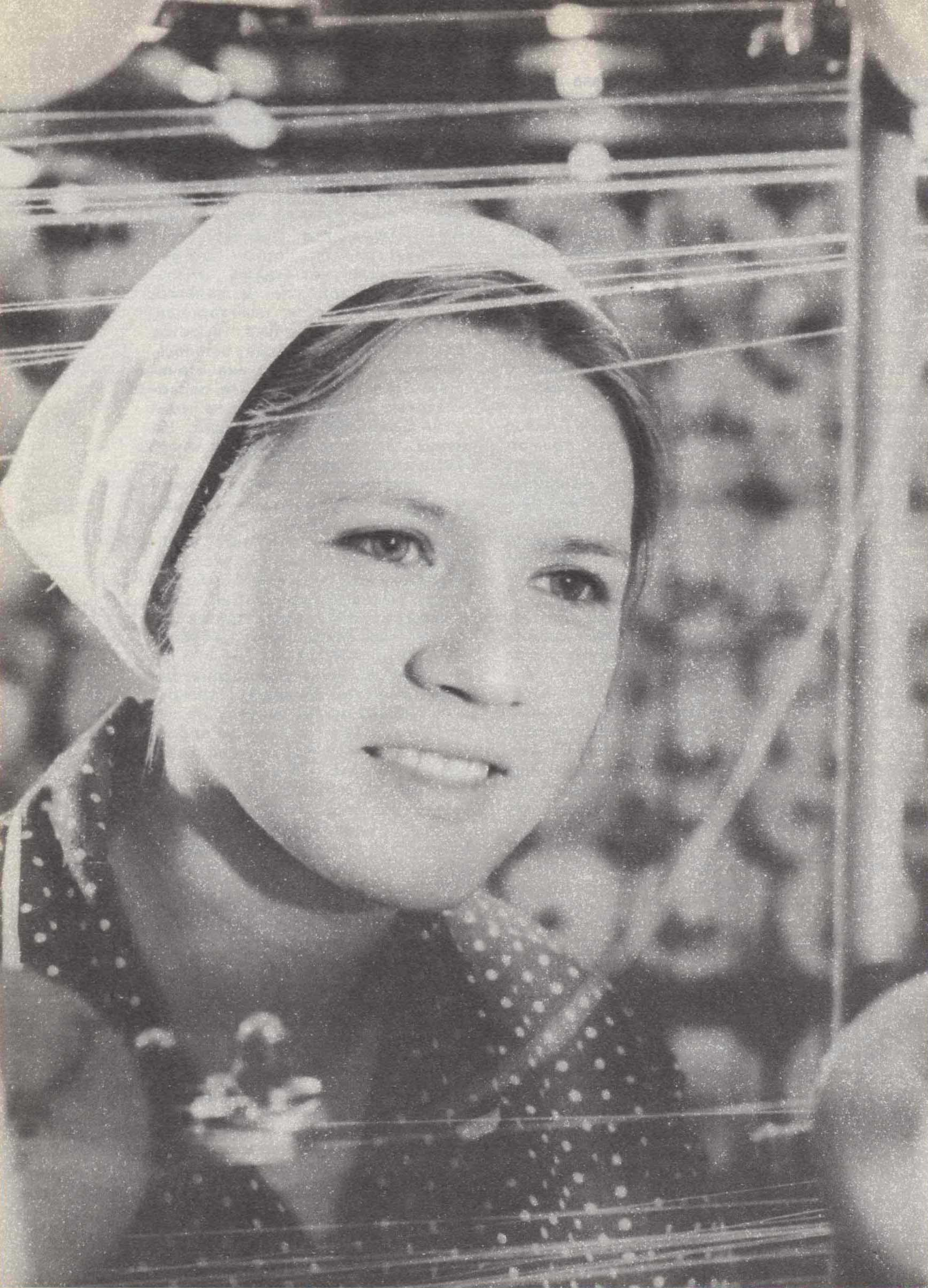
увеличение стихийности, однако проглядели высокое нравственное начало...

Не было в свое время недостатка в отрицательных оценках первой да и второй книг романа «Петр Первый», над которым Алексей Толстой работал семнадцать лет и который все же не успел окончить.

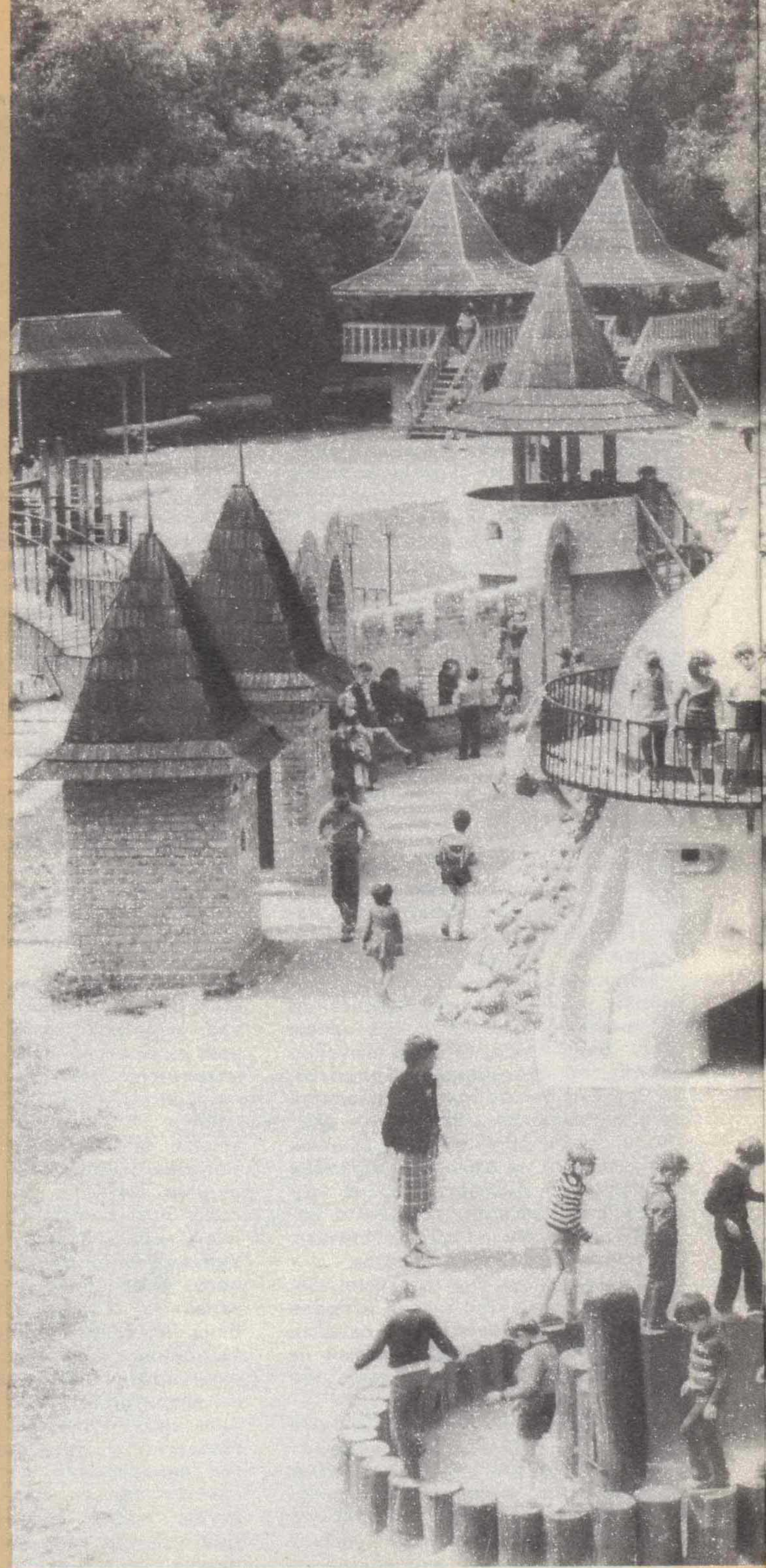
7 ноября 1941 года в «Правде» появилась его выдающаяся, памятная многим людям старшего поколения статья «Родина». За нею последовала яркая публицистика военной поры, «Рассказы Ивана Сударева». Анализируя их наряду с трилогией «Хождение по мукам», романом о трудах и днях Петровых, другими произведениями, С. Боровиков доказывает, что писатель носил страницы русской истории в своей душе, причем его богатейшее художественное воображение оказалось как бы частью народной памяти.

Ю. ОСИПОВ

С. Боровиков. Алексей Толстой. М., «Современник», 1984. 192 с.

Шелковый комбинат имени 60-летия Советской Украины. Работница Любовь Ткач.

Детский городок.

ГОРОД НА

Зоологический уголок в парке. Подопечные Людмилы Цицеры.

Дети у фонтана.

Самобытна красота Полесского края. И если подняться на смотровую площадку древнего Луцка, то взору предстанут и город, и живописная пойма Стири, и дальние дали.

Кто и когда заложил город? Из археологических исследований видно, что здешние места были заселены еще в доисторический период. А первое упоминание о Луцке в Ипатьевской летописи относится к 1085 году. Стало быть, городу девятьсот лет.

Чем нынче известен город? Грузопассажирский автомобиль повышенной проходимости ЛуАЗ-969 награжден золотой медалью на международной выставке в ЧССР и почетным дипломом в Турине. Изделия электроаппаратного завода экспонировались на международных выставках «Электро-77» и «Электро-82». Продукция города экспортируется в семьдесят стран мира.

Любимое место отдыха — парк имени Леси Украинки. Спортивные площадки, аттракционы, клубы по интересам, эстрада. В парке проводятся праздники цветов, книг и четырех времен года.

Солнечный город-труженик никак не напоминает то поселение, которое описано на ветхих страницах газеты «Волинь»: «Луцк — это болото, которое уже тысячу лет забрасывают мусором, землей и отходами, чтобы поселить на нем человека. Поэтому человек и живет в болоте, повторяя: «Вокруг вода, посередине беда».

Эта статья, как понял читатель, напечатана в прошлом веке...

Молодая поступь Луцка устремлена в завтрашний день.

А. ЯКУБЮК,
инструктор Волинского
обкома Компартии Украины

Замок Любарта. Ученики художественной школы на этюдах.

ВОЛЫНИ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

Они работают на Луцком автомобильном заводе. Старший инженер Герой Советского Союза Л. Г. Зацепя и бригадир электросварщиков депутат Верховного Совета СССР А. В. Шахновский.

На проспекте имени газеты «Правда».

В Болгарии уже стал традиционным конкурс на лучшую журналистскую работу, посвященную советской теме. В этом году в числе победителей конкурса сотрудница пловдивской молодежной газеты «Комсомолска искра» Верба Чавдарова, один из авторов телевизионного фильма «Мы ищем тебя, Алеша!». Она рассказывает о том, как проходил поиск «Алеша», ставшего на ее родине символом советского воина-освободителя.

Верба ЧАВДАРОВА

В марте 1979 года газета «Комсомолска искра» — орган Окружного комитета комсомола города Пловдива — объявила розыск советских бойцов и командиров, принимавших активное участие в установлении народной власти в нашем округе и в ее первых мероприятиях. Мы начали поиск под девизом: «Алеша! Ищем тебя».

Ни в одном музее, ни в одном архиве Пловдива не сохранились документы о частях Красной Армии, находившихся здесь. Удалось найти товарищей, которые в то время были руководителями общественных и политических организаций. Они помнили лишь имена и фамилии советских бойцов, к которым им приходилось обращаться за помощью.

Только в Народной библиотеке имени Ивана Вазова сохранилась тетрадь, в которой записаны десятки имен и фамилий красноармейцев — читателей библиотеки. Среди них: Андрей Васильевич Москвитин, Олег Степанович Быков, Лев Михайлович Брук, Леонид Леонидович Бутенко, Нина Берстова, Виктор Багаев. Узнав о розыске советских воинов-освободителей, читатели нашей газеты буквально забросали нас письмами и фотографиями. Они просили помочь найти их Алешу, Викторов, Иванов, с которыми они познакомились во время войны или после освобождения Болгарии.

Мы обратились в «Комсомольскую правду», установили связь с Комитетом ветеранов 46-й артиллерийской бригады и Центральным архивом Министерства обороны СССР. За пять лет нам удалось

найти немало участников исторических событий.

В розыск, объявленный пловдивской газетой, постепенно включались комсомольские организации, трудовые коллективы, жители сел, где красноармейцы работали в только что организованных кооперативных хозяйствах.

Председатель первого кооператива, созданного в нашем округе, Атанас Биволарский написал нам о бойцах, которые два месяца помогали хозяйству в селе Рыжево Конаре. «Они проложили первые борозды и бросили первые семена на общем поле. А вечером все собирались на сельской площади, чтобы послушать рассказы и песни русских братьев о Советской стране».

И вот в нашу редакцию стали приходить письма, в которых бывшие бойцы Советской Армии просили помочь разыскать их болгарских друзей. В письмах речь шла о дружеских встречах на реке Марице, в больнице, на Холме освободителей и т. д. Но многие улицы и переулки в Пловдиве за это время получили новые названия, а старые, покосившиеся здания снесли. Нелегко нам было найти ту или иную улицу. Однако мы встретили очень много желающих помочь нам.

ЯНКО НАШЕЛСЯ!

Расскажу об одной встрече. Все началось с письма, которое прислал нам Яков Меженый из Томска.

«Я — один из тех офицеров, которым посчастливилось в молодые годы побывать в Болгарии, в красивом городе Пловдиве...»

Чаще всего я думаю об одном старом болгарском коммунисте, в доме которого мы жили в то время с моей женой Наташей и буквально сроднились с ним и со всей его семьей.

Мои друзья — отец Колю и мать Кина жили на улице Христо Чернопеева, недалеко от станции и от реки Марица. У них было четверо детей — Гита, Анна, Рада и Марийна. Отец Колю и мать Кина — старые коммунисты, они очень хорошо относились к людям, добрые и отзывчивые товарищи. Как сложилась их жизнь и где сейчас их дети?

С глубоким уважением, Яков Меженый».

Получив это письмо, мы сразу же приступили к розыску. Обращаться в адресное бюро или в районный народный Совет с такими скудными данными было бесполезно. Оставалось одно — зайти в каждый дом на улице Христо Чернопеева. С большим трудом нам удалось найти дом, где жили когда-то Никола и Кина Тиганские. Бабушка Кина с тремя дочерьми и зятьями, с их детьми и внуками, переехали. И вот, наконец, мы увидели бабушку Кину, которую с двух сторон заботливо поддерживали внуки. Она сильно разволновалась: «Он жив? Жив он, наш Янко?»

Дело было вечером, и хозяева большого дома один за другим возвращались с работы. Слышались оживленные голоса. Здесь жили представители четырех поколений, и все — от мала до велика — во всех подробностях знали историю сибиряка Янко, как называла когда-то красноармейца бабушка Кина.

— Парень сразу же мне понравился: спокойный, с большими добрыми глазами. Я смотрела на него и пыталась представить его мать: наверное, она день и ночь думает о нем. Я протянула ему руку, — рассказывает бабушка Кина, — и спросила, как его зовут. «Яков Яковлевич», — ответил он. — «Я буду звать тебя Янко — так будет по-нашему». — Целый год он жил у нас. Голодное это было время! Однажды Янко пришел домой и положил на стол свой офицерский паек со словами: «Мама Кина! Это для всех!» Янко так много рассказывал о Советском Союзе, что нам казалось, будто мы там побывали. Перед отъездом он купил нам кровать, у нас тогда ничего из мебели не было и спали мы прямо на полу. Колю подарил ему на память меховую шапку и на подкладке написал свое имя. Муж так хотел перед смертью увидеть его. На постели, подаренной Янко, и умер мой Колю. За день до смерти он снова вспомнил о нем.

В комнату вошел сын Гиты, старшей дочери бабушки Кины. Он

Федор Михайлович Ершов.
Снимок сделан в Пловдиве
в 1946 году.

родился через месяц после того, как уехал Яков Меженый, в честь которого мальчика назвали Янко. И теперь это имя по старой болгарской традиции будет передаваться из рода в род.

ПЕРВЫЙ ЧИТАТЕЛЬ

С особым нетерпением редакция нашей газеты ждала ответа на запрос о лейтенанте Андрее Васильевиче Москвитине. В Народной библиотеке имени Ивана Вазова сохранился документ, в котором в частности отмечалось: «После бомбардировки мы еще не успели расставить книги по полкам, как к нам в комнату вошел улыбающийся лейтенант Красной Армии. «Андрей Васильевич Москвитин, — представился он нам, — преподаватель литературы, сибиряк». — Так Москвитин стал нашим первым читателем, а после него мы познакомились со многими другими бойцами Красной Армии. Перед отъездом из Пловдива Андрей Москвитин подарил библиотеке имени Ивана Вазова томик Пуш-

кина. Он пронес его через всю войну».

Куда мы только не писали, чтобы разыскать первого советского читателя пловдивской библиотеки. И, наконец, получили долгожданный ответ: Москвитин живет в Москве. В прошлом году состоялась дружеская встреча Андрея Васильевича с коллективом библиотеки имени Ивана Вазова.

Нашли мы и Николая Никитича Коржа, живущего теперь в Киеве. А тогда он лежал в пловдивской больнице, и ему необходимо было срочно сделать переливание крови. На просьбу врачей сразу же откликнулись девушки, работавшие в ателье под руководством коммуниста Георгия Аврамова. Выйдя из больницы, Николай Никитич разыскал болгарок, спасших ему жизнь. Они подружились. Перед отъездом на родину Георгий Аврамов сшил Николаю теплое пальто, а девушки на подкладке оставили свои имена. Прошли годы, портнихи вышли замуж и взяли фамилии своих мужей. Ателье, в котором они работали, объединилось с соседним. Немало пришлось нам порыться в архивах, прежде чем мы нашли Георгия Аврамова, а после этого отыскались и доноры, которые дали свою кровь бойцу Красной Армии Николаю Никитичу Коржу.

Сорок лет спустя он вместе с другими воинами-освободителями Болгарии приехал к нам в гости. Несмотря на то, что время наложило свой отпечаток на лица людей, они быстро узнавали друг друга, обнимались, целовались, смеялись от радости и плакали, вспоминая о прошлом. Каждый хотел пригласить гостя к себе домой, чтобы он почувствовал себя как в родной семье.

Жители села Рыжево Конаре все как один с хлебом и солью встречали советских воинов-освободителей. А впереди всех торжественно шел, опираясь на палку, Атанас Биволарский. В руках у него был заветный альбом с фотографиями, который он бережно хранил многие годы. Радостной и трогательной была встреча Атанаса Биволарского с Леонидом Бутенко. Они долго не видели друг друга и от волнения не могли сказать ни слова.

— Я все-таки вас дождался и увидел своими собственными глазами. Спасибо вам. Теперь я могу спокойно умереть, — еле слышно проговорил дед Атанас.

ФЕДЯ, ТЫ МЕНЯ УЗНАЛ!

Мы опубликовали в нашей газете фотографию Федора Ершова. Снимок был старый, мы боялись, что по нему будет трудно узнать этого человека. Однако наши опасения оказались напрасными. Первой написала Мария Василева Вылкова.

«Федор Ершов, — писала она, — работал в нашем селе. Я сразу же узнала его по фотографии. Трудно передать словами ту радость, какую мы испытывали, когда увидели трактор, доставленный нам из самой России. В тот день отец мой, запыхавшись, прибежал домой и еще с порога закричал, чтобы мы сейчас же вышли посмотреть на трактор. Я бросилась за ним. В то время наша семья жила в самом

АЛЕША!

конце шоссе, и все жители села кинулись туда. Мы бежали до тех пор, пока не показался трактор. Жители села обнимали трактор и тракториста — это был голубоглазый, очень стеснительный парень. Он все время повторял: «Благодарю вас, братья, меня зовут Федор».

И вот настал такой день, когда мы, наконец, получили письмо от Федора Михайловича Ершова из колхоза «Сонарский» Челябинской области.

Вот что он нам написал: «Я — один из тех красноармейцев, которые вспахали землю первых кооперативных хозяйств. К сожалению, я забыл, как называется село, где помогал болгарским кооператорам. Помню только, что оно находилось в 40—50 километрах от Пловдива».

Больше месяца пробыл я в этом селе, жители которого в знак благодарности носили мне еду прямо на поле. Они буквально закармливали меня, долго глядели, как я работал на тракторе, наперебой расспрашивали о моем колхозе.

Посылаю вам фотографию того времени, когда я был в Пловдиве. Пожалуйста, опубликуйте ее в вашей газете, может быть, кто-нибудь узнает меня по фотографии. Когда-то я был знаком с одной учительницей, с ребятами, которые мне пели по-русски «Катюшу», дружил с болгарскими девушками и часто разговаривал с ними. А, может быть, меня узнают и отзовутся мои верные друзья — Драган и Никола, с которыми я работал и дружил? Они, как и я, в ту пору были не женаты».

Откликнулись Драган и Никола, учительница, о которой писал Федор Михайлович Ершов, и девушки, которых он знал. Все, кто был с ним знаком, убедительно просили в своих письмах, чтобы Федор приехал к ним в гости.

И он приехал. С 9 сентября 1944-го — Дня свободы — на площади в селе Стрельцы не было столько народа, как в день его приезда сорок лет спустя. Буквально все жители села, которые могли ходить и даже те, кто опирался на палку, вышли в тот день на улицу. Многие приехали на площадь прямо с работы, на телегах или верхом. А те, кому не хватило места на сельской площади, взобрались на заборы и на соседние деревья. Пожилые женщины чинно, в один ряд уселись на табуретки, а неугомонная детвора то и дело бегала из одного конца села в другой, чтобы узнать, приехал ли гость. Нетерпение достигло предела, когда, наконец, послышались крики: «Идет! Идет!»

И порядок, который строго соблюдался до последней минуты, вдруг сразу же был нарушен. Десятки рук старались обнять Федора, его забросали цветами, со всех сторон протягивали сувениры.

— Федя! А ты не забыл, как мы втроем лежали под одним одеялом — Никола с одной стороны, а я — с другой? Ты до поздней ночи рассказывал нам о Советском Союзе и о войне, а отец наш передигал стрелку часов назад, чтобы ты подольше поспал.

Драган, Никола и Федор долго стояли, крепко обнявшись, глядя в глаза друг другу, словно не веря, что это не сон.

— Федор, возьми, пожалуйста, моего внука на руки, поддержи его немного. Пусть и он навсегда за-

Встреча через сорок лет: бывший председатель кооператива в селе Рыжево Конаре Атанас Биволарский (в центре), Леонид Леонидович Бутенко (слева) и Николай Никитич Корж.

помнит тебя. А ты все такой же, как и был, наверное, и сейчас так же мало ешь. Помнишь, женщины носили тебе еду прямо в поле, а ты просил меня: «Товарищ председатель, скажи им, чтобы они меньше готовили». Да ведь они бы за такие слова набросились на меня с кулаками!

— Ты не забыл место, где твой трактор сломался? — старался перекричать всех Гено Ковачев. — Если бы ты знал, какой огромный урожай фруктов мы получаем там сейчас!

— Эй, люди! Пропустите меня к нему! Я хочу с ним поздороваться. Сколько раз стирала я его промасленный комбинезон и давала белые рубашки, чтобы он на посиделках с девушками, куда они ходили вместе с Драганом, не ударил лицом в грязь! — с этими словами пробивала себе дорогу Дона Ковачева.

— Как приехал он, так сразу же проложил борозду, а вокруг него собралось все село и каждый смотрел на него и думал: два

бы таких трактора нам — и тогда конец бедности, — рассуждал вслух старейший кооператор дед Христо Рачев.

Вдруг где-то рядом послышался шум приближающегося трактора. Ершов вырвался из крепких объятий друзей и побежал к машине. Быстро взобравшись в кабину, он повел трактор по дороге.

— Езжай к домам, к домам! — кричали все — от сельского старосты до стариков и детей, забывших о предварительно составленной программе торжественной встречи. И так же, как в тот памятный, далекий октябрьский день 1944 года, когда жители села Стрельцы в первый раз увидели трактор, так и теперь все ринулись туда, где когда-то этот невысокий голубоглазый русоволосый воин Красной Армии продолжил первую борозду в их новой жизни.

Перевод с болгарского
Л. СКОРОХОДОВОЙ

Пловдив.

Письмо Шолохова

Недавно в архиве Министерства культуры РСФСР авторам этой публикации удалось найти письмо М. А. Шолохова, посланное в Совет Министров РСФСР тогдашнему председателю Совмина Г. И. Воронову. Предыстория этого письма такова.

Был июнь 1970 года. Михаил Александрович, горячо любивший славную историю донского казачества, знал, что сто лет назад на Дону было отпраздновано 300-летие Войска Донского, и по всему было видно, что эмигрантские слои донского казачества готовятся отметить 400-летие Войска Донского, отпраздновать шумно, вызывая, чтобы показать, что они являются «истинными» представителями и «хранителями» славного прошлого Дона. В этой обстановке Михаил Александрович направил два письма в Москву: в Политбюро ЦК КПСС и Председателю Совета Министров РСФСР. Это последнее письмо и хранится в Министерстве культуры РСФСР. Вот оно:

«Дорогой Геннадий Иванович!

Одновременно с этим письмом посылаю письмо и Л. И. Брежневу, в котором прошу Политбюро ЦК КПСС рассмотреть вопрос о возможности как-то отметить наступающее в текущем году 400-летие Донского казачества. В обращении к Вам мне хотелось бы несколько подробней обосновать свое предложение, продиктованное единственным желанием не уронить достоинства Державы Российской и сделать все необходимое, чтобы вырвать инициативу из рук белогвардейского отребья. Нет сомнения, что донские и вообще белые эмигранты будут широко отмечать 400-летие Войска Донского. А что же мы — подлинники наследники донского края — будем молчать и делать вид, что мы «Иваны, не помнящие родства» и не чтящие историю Родины? Дон дал России Ермака, Пугачева, Разина, Булавина и многих других славных сынов. Надо скромно, но с достоинством отметить этот юбилей и не дать возможности отщепенцам Родины представлять эту часть России в дни ее 400-летия при нашем необъяснимом молчании.

И в отношении станицы Старочеркасской надо что-то делать. Люди окраинного уголка России, некогда населявшие его, веками стояли на рубежах Родины, и необходимо сохранить для истории и потомства хотя бы то, что осталось вопреки нашему пренебрежению к памятникам родной страны.

Почему бы Вам, Геннадий Иванович, не послать в Старочеркасск авторитетную Госкомиссию историков, которая установила бы, какие объекты и ценности нуждаются в реставрации и сохранности.

Ведь украинцы сделали же нечто подобное в бывшей Запорожской Сечи, а мы, выходит, лыком шиты?

Очень прошу Вас лично обратить внимание на донскую часть ЦУ РСФСР. Ведь Вы же не только Председатель Совмина, но еще и русский человек.

Обнимаю Вас и желаю всего самого доброго.

Станица Вешенская.
19.6.70.

Михаил Шолохов»¹.

Реакция была быстрой и положительной. Летом 1970 года на Дону, в станице Старочеркасской, было широко отмечено 400-летие донского казачества, а 30 декабря 1970 года последовало постановление Совета Министров РСФСР об образовании в станице Старочеркасской историко-архитектурного музея-заповедника — как памятника славным деяниям донского казачества, история которого знаменита делами Ермака, Разина, Пугачева, Платова, Шолохова.

Ныне это музейный комплекс под открытым небом с уникальными памятниками и богатейшей историей. В год юбилея великого писателя здесь работает семь выставок и экспозиций, планируется только за май — октябрь принять до двухсот тысяч туристов, приезжающих сюда со всех концов мира. Музей стал серьезным исследовательским центром, где изучаются проблемы донского казачества шестнадцатого — двадцатого веков.

У Старочеркасского музея-заповедника большое будущее. Знакомая с его уникальными памятниками и богатейшей историей, люди будут всегда помнить Михаила Александровича Шолохова, оценившего непреходящее значение истории и памятников мятежной станицы и сделавшего все возможное для их вечного хранения для народа.

Михаил АСТАПЕНКО,
заведующий отделом Старочеркасского музея-заповедника
Владислав ОТРОШЕНКО,
корреспондент Гостелерадио СССР

¹ Текущий архив Министерства культуры РСФСР, дело 01—8-е, 1970 год.

Генрих БЕЛЛЬ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА

Яблочная щечка

Генрих Белль широко известен в нашей стране своими повестями и романами «Где ты был, Адам?», «И не сказал ни единого слова», «Бильярды в половине десятого», «Глазами клоуна» и другими книгами.

Недавно в ФРГ, уже после кончины этого крупнейшего западногерманского писателя, вышло в свет его новое и, увы, последнее произведение «Женщины на фоне речного ландшафта». Это роман в монологах и диалогах. Место действия — Бонн, столица западногерманского государства.

«Белль, — извещалось в проспектах об издании, — не рисует портреты, не оставляет следов, по которым можно было бы узнать известных политиков. В этом смысле его герои «закрашены». Но так, что в их неузнаваемости распознаются модели боннской сцены».

Ничего мы предлагаем читателю фрагмент из нового романа Г. Белля. Это как бы монолог-откровение, исповедь личного референта одного из политиков.

Всякий раз, когда еду к нему, мне приходится обуздывать свою ярость, а то потеряешь власть над собой, выпустишь руль и врежешься в дерево, столб или другой автомобиль. Вполне возможно, что я его однажды задушу, это ничтожество, неспособное даже на лицемерие, ибо он может быть лишь тем, кем он и является — ничтожеством.

Его прозвали Яблочная щечка, и действительно его кожа обладает поистине бесценным свойством тележеничности. Одна гримерша как-то шепнула мне: этого даже не надо гримировать, он всегда загримирован. И впрямь он всегда выглядит как налитое яблоко, которое вот-вот спелым упадет или будет сорвано с дерева, такое по-настоящему аппетитное, хоть на рынок; его светлые волосы с годами посеребрились, но остались густыми; хотя ему уже под пятьдесят пять, он и сейчас выглядит как юноша, в чьей футбольной команде хотелось бы сыграть. Он умеет шельмовски улыбнуться, показывая, что ямочки у него есть тоже. Никто и никогда не уточнял, сколько же голосов он приносит, ясно одно: приносит достаточно; судя по некоторым высказываниям публики, большинство принимает его за человека благородного происхождения, отказавшегося от «фон» из демократической скромности.

Между тем он вроде меня, один из пролетариев в наших рядах. Его отец был спавшийся работяга из буроугольного карьера, а мамаша — в прошлом красotka сомнительной репутации, в которой редкостным образом сочетались лень и честолюбие; как бы между прочим она подбрасывала расплывчатые намеки, приукрашенные многозначительной улыбкой, которые были призваны подкрепить предположение, что Яблочная щечка, Ханс-Гюнтер Пlukanский, произошел от любовной связи с бароном, сердце которого было разбито, потому что он не мог жениться на ней, и тогда она взяла в мужья шахтера Пlukanского, чтобы узаконить дитя любви. Действительно, Пlukanский появился на свет пять месяцев спустя после ее свадьбы с Юргеном Пlukanским. Я все это проверил, поскольку имел поручение сделать для него предвыборную брошюру.

В дорогом доме для престарелых, где я неоднократно навещал лицемерную старую проказницу, она изображала из себя светскую даму: у нее была английская чайная посуда, красивая мебель, неподдельные побрякушки; она создала вокруг себя атмосферу неприсутности, благодаря чему каждый разговор выглядел снисхождением с ее стороны. В конце концов она ведь уже не была обыкновенной госпожой Пlukanской из буроугольной дыры Клиссенхайм, а была «матерью министра Пlukanского».

Все же я сумел разузнать, что в замке этих фон Хек-Павиньи она работала в бельевой, и вполне возможно, что однажды один из молодых баронов распял ее на груди белья.

Я часто навещал ее в то время, когда должен был смастерить предвыборную брошюру для Пlukanского. Она ничего не имела против упоминания ее деятельности в замке, но энергично отклоняла выражение «служила», настаивая на формулировке «служила на ответственном посту». Я принял это: в конце концов белье в большом замковом хозяйстве — дело, которое требует ответственности. Я ничего не имею и против девушек, которые служат в замках. Моя собственная мать всю свою жизнь, помимо основной работы, была уборщицей и прачкой, потому что и мой отец пил.

Еще когда Яблочная щечка приближался к своему сорокалетию, его мать не постеснялась сказать мне: «Я всегда воображала себе Ханса-Гюнтера епископом, благостно склоняющимся над конфирмантами». Ей мешала фамилия, звучащая словно польская, всегда мешала, ибо, говорила она, в ней и Хансе-Гюнтере нет ничего славянского. Одно время она подумывала переменить ее на Плокхардт. Сама она урожденная Мюльмер и мурлыкала что-то о «мучном деле», которое, дескать, было в ее семье традицией. И это не было сплошным враньем: дед ее был рабочим на мельнице, а отец — подручным пекаря, так что оба действительно имели отношение к муке.

Признаюсь: мне были неприятны и сама она, и ее сын. В больших голубых глазах, которые были у обоих одинаковыми, таилась какая-то трудно определяемая ослизлая алчность. О своем благоверном она говорила не то чтобы пренебрежительно, но с намеком: «Человек он был способный, но не дорос до испытаний, которые принесла безработица».

Так она выразила то, что можно было бы выразить и иначе: он до смерти упился дешевой сивухой, каким-то свекольным шнапсом, который гнал вместе с такими же безработными дружками. Сохранились его фотографии: красивый крупный парень, блондин, удивительно похожий на нашего Яблочную щечку, который, сдается, перенял от матери только голубые ослизлые глаза. Конечно же, старик много раз нарушал закон, но этого нельзя было упоминать в биографии Яблочной щечки, и я решил на формулировку: «Отец герра П. был одной из многих жертв экономического кризиса». Трудно сказать, откуда у старухи был этот заскок, может быть, служба в замке пробудила в ней желание выглядеть «утонченной». Она говорила всегда словно на цыпочках.

Не очень вдохновляло и то, что я узнал о Яблочной щечке в Клиссенхайме. Деревенский пастор учил его латыни, послал в гимназию, а потом в монастырскую школу-интернат, с той поры сохранились его юношеские фотографии, на которых он, облаченный в сутаноподобное одеяние, выглядел как молодой фон Кеттелер¹. В брошюру мы этот снимок все же не взяли. Использование религиозных элементов в качестве политической рекламы — дело весьма щекотливое. Тут можно промахнуться. Пlukanский мог бы быть принят и за «одного из наших», и за «отщепенца»; оба варианта могли бы принести нам голоса из двух различных лагерей, но могли бы и стоить нам голосов избирателей. «Ренегатов» недолюбливают даже сами ренегаты, а уж избиратели, которых мы обхаживали, были в этих местах довольно религиозны.

Аналогично было с фотографиями, которые изображали его молодцеватым курсантом. Мы долго размышляли: в этой среде люди не особенно благосклонны к военным, однако же гордятся «нашими парнями» и в соответствующем

щие памятные дни, распевая песню «о былом камераде», все они маршируют, добровольно или нет, к солдатским монументам и возлагают венки. Нельзя ни отнять у них столь атавистические ритуалы, ни отговорить от их соблюдения. В конце концов мы поместили ту фотографию, и она оказалась действенной во вне-региональном масштабе, то есть везде, где его лично не знали и не имелось никаких воспоминаний о нем и его семье.

Больше всего мне надо было найти воспоминания о мальчишеских проказах, но тут ничего нельзя было подделать. Всякие проделки ложатся хорошо, если это, понятно, не поджоги; однако именно их-то я и нашел: несколько невыясненных до конца поджогов, в связи с которыми Пlukanский попал под подозрение. Деваться было некуда, и я изобрел историю о том, как он взобрался на крышу крхи, отвинтил флюгер и — надо же! — спрятался в подвале именно пасторского дома, где его и обнаружила экономка. Такая проделка может оказаться удачной находкой, ибо в ней есть все — юношеское озорство и физическая сноровка, смешная ситуация и плутовство.

Ну а то, что было в самом деле, едва ли можно было использовать. Его старого учителя я встретил во время ежедневной прогулки на кладбище; буркнув мне, что он атеист, о чем, уж пожалуйста, не следует распространяться в деревне, пожилой господин провел меня к могиле пастора Плейеля, остановился подле нее и сказал: «Вот кому он разбил сердце, по-настоящему разбил сердце, когда вылетел из монастырской школы. А вылетел по двум причинам: во-первых, из-за эксгибиционизма, но от этого его там могли бы легко излечить — туда ведь берут всякого». «Всякого?» — переспросил я. «Да, всякого, — повторил он настойчиво, — но этот маленький хитрый курицын сын, как его здесь звали, оказался, во-вторых, настолько глупым, настолько несмышленным, что с ним ничего не могли предпринять. Знаете ли, у него не было даже намека на то, что называют духовностью — на признак, который вы найдете у любого слабоумного — назовем это печалью, болью, страхом, отчаянием, тоской, такая черточка, знаете ли, которая найдется у каждого — будь то владетельный граф или землепосел. Наш курицын сын был пуст. Правда, он обладал фантастической способностью заучивать наизусть то, что ему предлагалось, но когда я спрашивал о смысле произнесенного наизусть, он взирал на меня, словно не понимая, что я имею в виду. Я никогда не знал, ставить ему единицу или пятерку. К сожалению, я ставил ему пятерки, и так он попал к пастору, от него — в монастырскую школу, а уж оттуда — в армию. Вот ему-то, — и он показал на могилу пастора Плейеля, — вот ему-то, этому честному, верующему человеку, он и разбил сердце — разбил как личность и как феномен».

Деревня Клиссенхайм выглядела слишком непривлекательно со своими распахнутыми сараями, между которыми были втиснуты гаражи. Это тоже ничего не прибавляло для моей брошюры. Неужто я мог, к примеру, написать: разбил сердце пожилому, честному, набожному пастору? Или о том, что из-за эксгибиционизма его выставили из монастырской школы и что у него отсутствует признак духовности?

Тогда я обратился к такому чрезвычайно важному фактору популярности, как спорт. Тут лучше всего подошла бы его юношеская фотография в футбольной форме и чтобы он был на ней сияющим, с мячом в ногах, атакующим или уж вратарем в момент отражения сильнейшего удара. Если сопроводить такое фото соответствующим напоминанием об обычном прежде спортивном идеализме, само собой разумеющимся любительским статусе героя, то оно произвело бы фурор. Но

¹ Фон Кеттелер, епископ Майнцский, один из виднейших представителей немецкого католицизма середины и второй половины прошлого века.

школьные друзья Плуканского, которых я разыскал, только ухмылялись, когда я расспрашивал о его спортивных увлечениях, а один сказал: «Позора он на Клиссенхайм не навлек». Вот слова другого: «Он действительно кое-чего достиг в жизни, но голосовать, нет, голосовать за него я не стану; а в футбол он никогда не играл; на мотоциклы у нас не было денег, что же касается велосипеда, то, может, у него и был. Кое-что он для нас сделал, когда вернулся из плена, хорошо владея английским: помогал как переводчик при восстановлении, имел хорошие связи, это надо признать, но голосовать за него — увольте. Пусть он даже состоит в партии, за которую я хотел бы голосовать».

Снимок с мотоциклом подошел бы почти так же хорошо, как и футбольный, но единственная спортивная фотография, которую я раздобыл у одной пожилой тетки, изображала его примерно пятнадцатилетним юношей с рюкзаком и на велосипеде — ничего, сойдет. Мы написали под ней: «Велосипедные путешествия рано стали его увлечением...» — и заставили его, уже сорокапятилетнего, взгрозиться в молодцеватой позе на новехонький велик. Нельзя забывать, что в его избирательном округе есть велосипедный завод. Мы сфотографировали его на этом велике и подписали под снимком: «... и оно до сих пор сохранилось».

О чем-то таком, а вот о чем именно, я так никогда и не дознался, в деревне упорно умалчивали. Больше 28 процентов голосов он там так и не сумел собрать, хотя его доподлинную заслугу в восстановлении мы могли продавать без надувательства: «Неустанно использовал он свой английский язык и приобретенные в плену познания в горном деле на благо своей любимой родины». Потом я разыскал в архиве горного управления его фотографию с лицом, перепачканным углем; так что нам оставалось сфотографировать Яблочную щеку в полный рост во время прогулки с собакой, когда он гладит головки детей, и улыбается женщинам. И это кое-что давало, но только не в его родной деревне, где я наталкивался почти на одни ухмылки.

Я сгладил острые углы его биографии, написав: «Болезненные окольные пути отчуждали его временами от его любимой церкви, к которой он позже обратился с еще большей проникновенностью. Он был храбрым солдатом, хотя его с самого начала ужасали военные цели его введенного в заблуждение правительства». Разумеется, я бы лучше написал «фашистского» или «преступного правительства», но это было бы категорически вычеркнуто. А несколько историй с девушками, о которых я узнал (о них странным образом рассказывалось без улыбки, скорее с горечью) и которые удивили меня, поскольку я считал его гомиком, я обозначил фразой: «Неудивительно, что он разбил иные девичьи сердца».

Существуют некие таинственные законы, по которым истории с женщинами одному политику идут на пользу, а другому в ущерб. Тут, видимо, играют роль абсолютно иррациональные, мифические мотивы, которые мы еще не сумели исследовать. Плуканский, к примеру, относится к тем, кому истории с женщинами идут на пользу; кстати, они вообще почти всегда полезны христианским политикам, а вот левым — никогда. Возможно, это связано с претензией на мораль, которую излучают левые, в то время как правые выигрывают голоса как раз с помощью открытой аморальности. В этом смысле Плуканский был определенно правым.

Наконец, мы вставили в его жизнеописание и мотив о дворянстве: женился-то он на графине Ауэль, симпатичной селяночке неприятельской красоты, но с хорошо отлаженным поместьем, в котором выращивали фрукты и разводили форель. Но для наших иллюстраций важнее было имевшееся там же собаководство. Получились великолепные снимки: окруженный щенками, он стоит на террасе замка, как сияющий яблокощекий Лаокоон¹.

Были у них и дети, одетые по графско-деревенски в грубошерстные костюмчики, они тоже смотрелись весьма привлекательно. Из всего этого можно было кое-что выколо-

тить: «Сын рабочего женится на графине. Их связывает христианское наследие». Между тем он уже двенадцать лет не знает, как выглядит спальня жены, а она рождает детей от любовника, детей, которых он преспокойно узаконивает. Его собственные — только восемнадцатилетняя Рут и шестнадцатилетний Гульдрайх, а одиннадцатилетний Этельберт и девятилетняя Мехтильда чужих кровей. Но приличия не нарушено: во времена избирательных кампаний он навещает жену, фотографируется с ней, сидя в раздумье, в беседе с любовником (кстати, это весьма милый агроном) или отдыхая на террасе, а то, бывает, взгромоздившись на лошадь; однажды даже взял вилы, высоко засучив рукава.

Но проживает он только здесь, причем его район слышит скромным — в старом квартале, где вперемешку стоят и изящно реставрированные и запущенные дома. В последних живут турки, студенты, банкроты, есть квартирные коммуны, в элегантных же домах живут врачи, адвокаты, тайные миллионеры, занимая огромные квартиры, просторнее иного замка. Тем не менее это не район вилл, и автомобили, стоящие на улице, во вмятинах, многие пестро размалеваны. Плуканский сам не водит машину, ему полагаются служебная и шофер, но иногда он садится на велосипед и совершает круг по кварталу, заскакивая в какую-нибудь молодежную забегаловку выпить у стойки чашку кофе. Я обязан заблаговременно оповестить фотокорреспондентов. В таких случаях он звонит мне по телефону и говорит: «Завтра с 10 до 11 байсикл аур», то есть «велосипедный час». Все-таки живет он в собственном избирательном округе, где собирает 54—56 процентов голосов, и уж когда заходит в кафе, то обязательно просит рассказать о «нуждах молодежи». Это он умеет, как умеет давать интервью по любым вопросам, начиная с состояния велосипедных дорожек и ядерной энергетики до противозачаточных пилюль и налоговой реформы. Тут у него приготовлены катушки, которые я ему зарядил. В этой словесной свалке остается только найти нужную кнопку; это он может, будучи прекрасно запрограммирован на все случаи жизни. Чтобы его ответы не казались слишком гладкими, я даже всадил парочку смущенных заиканий — несколько «а», «э», «о», а также похмыкиваний.

Однако речей составлять он не может и, узнав о предстоящем выступлении, совершенно сникает, одолеваемый апатией и депрес-

сией; вот тогда я обязан его накачать. Я пишу ему речь до последнего словечка, вставляю парочку импровизаций, которые призваны создать впечатление естественности и которые ему предстоит продать за таковые с помощью коротких пауз, придыханий и покашливаний, хотя они столь же точно запланированы, что и остальная часть речи. На соответствующих страницах я помечаю в скобках «ИМПР». Ему приходится прочесть мне текст три-четыре раза, пока его благозвучный баритон не приобретет подлинной убедительности.

Вот что у него есть, так это голос, чего у меня, например, нет. С моим пислявым тенором провалилась бы, улетучилась даже самая умная речь; не выдержал бы меня более трех минут никто. А он, ораторствуя, напротив, вызывает резонанс подобно Марио дель Монако, причем именно потому, что ему совершенно безразличны смысл и содержание. Он невероятно внутренне пуст, выскоблен, и вот от этого-то звенит, звучит, грохочет. Порой я называю его «лучшим западным барабанщиком, который у нас есть».

Неуверенность на его лице, беспомощность, проявляющаяся всякий раз, когда он, как я говорю, «впадает в спячку», напоминают уже старческую дряхлость, и втайне я надеюсь, что вскоре его хватит удар. К сожалению, медицинские диагнозы дают для таких ожидааний мало пищи. Но у меня остается одна мечта: поскрести его яблочные щеки до тех пор, пока не обнаружу, что за черви пожирают его изнутри.

Он принял меня, сияя, в шелковом халате цвета красной окалины, к нему белое кашне; щеки его наливались, казалось, еще более яблочко, чем когда-либо; поскольку в его повадках в самом деле есть склонность к благословениям (в связи с чем вполне можно вообразить его епископом), я на миг испугался, как бы он меня не обнял. Согласно новейшим познаниям, он двупольный, и размышляя о том, неужто у него действительно нет никаких человеческих побуждений, я прихожу к выводу, что кое-какие есть: секс и деньги.

В камине горело пламя, и он произнес своим вызывающим во мне естественную зависть неподражаемым голосом, одновременно тихим и гремющим: «Мой дорогой Гробш, что бы я без вас делал?»

«Ничего, — подумал я, — без меня ты был бы никто и ничто».

Перевел с немецкого Е. ГРИГОРЬЕВ.

¹ В греческой мифологии жрец Аполлона в Трое.

«...Я был в аналогичных глазных клиниках США и Англии. Но ваш институт микрохирургии и ваши курсы для иностранных врачей несравненно прекраснее. Это клиника XXI века. Поздравляю!»

Ниаз Ахмед Хан,
Объединенные Арабские Эмираты.

«...Ваша клиника — одна из самых высокопрофессиональных клиник планеты. Я потрясен вашими достижениями за столь короткий период существования вашего института...»

Профессор Горсич, США.

Эти строки мы взяли из книги отзывов, хранящейся в иностранном отделе Московского НИИ микрохирургии глаза. Сюда со всего света приезжают глазные врачи, чтобы научиться новым способам избавления от неизлечимых еще недавно болезней.

Пять лет назад директор института микрохирургии глаза член-корреспондент АМН СССР профессор Святослав Николаевич ФЕДОРОВ выступал на страницах нашего журнала (см. статью «Счастье хирурга» № 14, 1980 г.). Тогда речь шла о научных достижениях клиники, о новых методах организации ее работы и о причинах, мешающих внедрению в практику прогрессивной технологии лечения. Сегодня известный советский офтальмолог снова отвечает на вопросы журналиста.

ЧЕЛОВЕК
ДЕЛА

СРОЧНО ТРЕБУЮТСЯ ДИРИЖЕРЫ!

— Святослав Николаевич, мы много слышали об успехах вашего института. О новых методах лечения катаракты, глаукомы, близорукости, отслойки сетчатки и прочих болезней глаза. Ваши достижения восхищают многих. Скажите, что, с вашей точки зрения, наиболее значительно в фундаментальных исследованиях института?

— Тут могут быть разные мнения, но лично я считаю самым ценным то, что нам удалось найти метод омоложения тканей глаза. Рассекая, например, роговицу глаза сверхострым ножом, разрушая при этом лишь частично ее молекулу, мы заставляем ее регенерировать, то есть воссоздавать разрушенную часть молекулы. Вновь образованная ткань по своему строению оказывается близка к тканям новорожденного. На этом принципе основана, например, технология кератотомии — метода хирургического исправления близорукости.

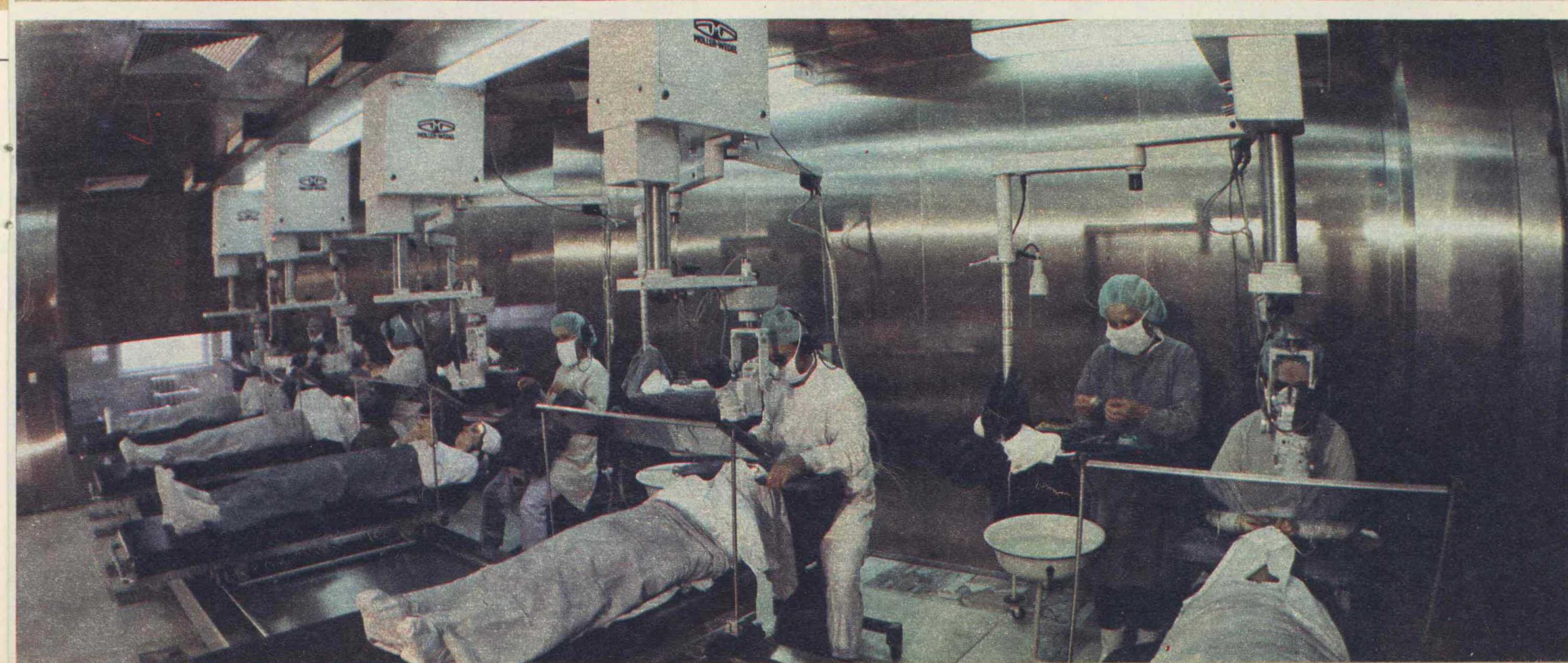
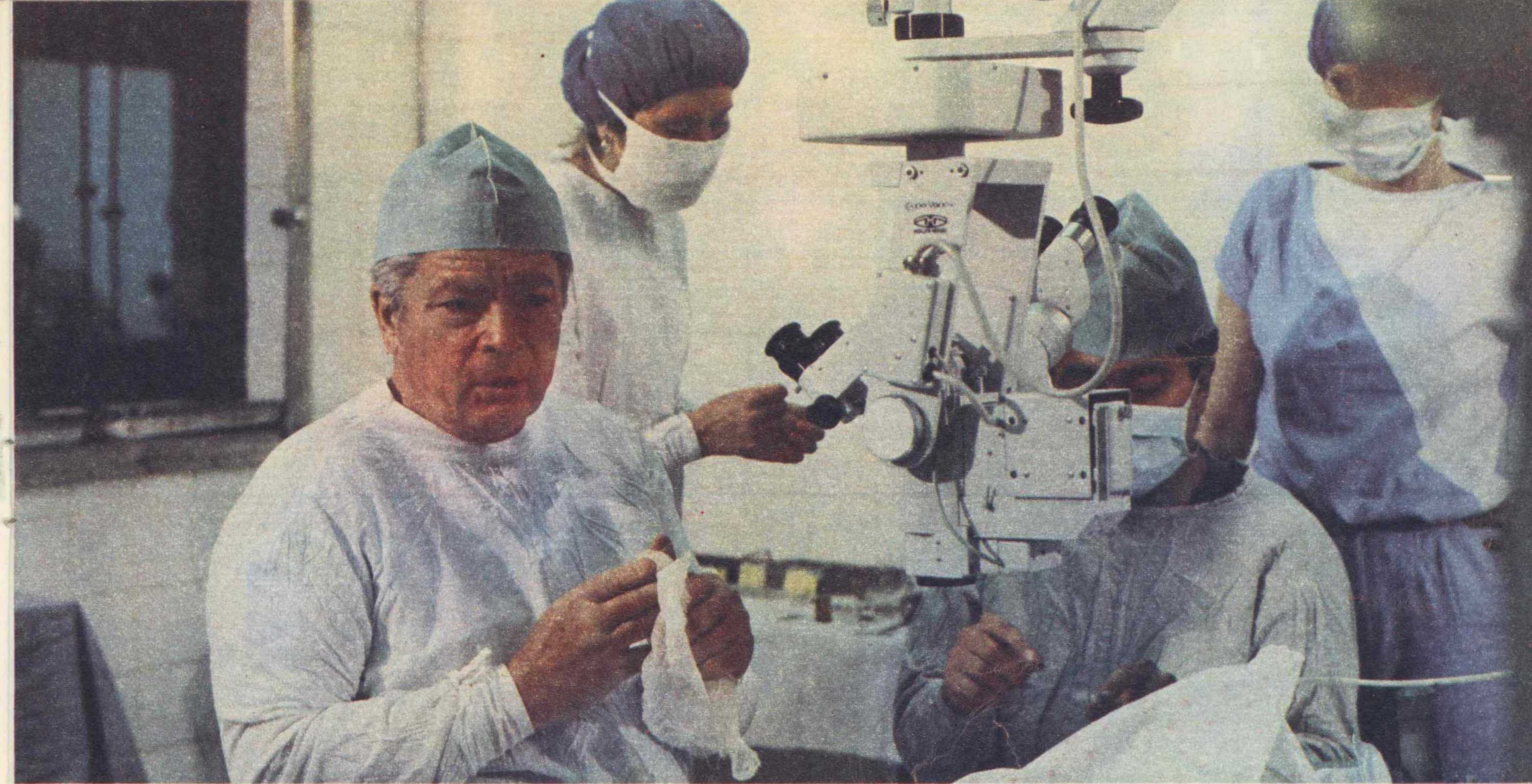
Остается только добавить маленькую, но самую главную подробность: какова при этом должна быть острота кромки ножа? Около одной десятой доли микрона. Для наглядности

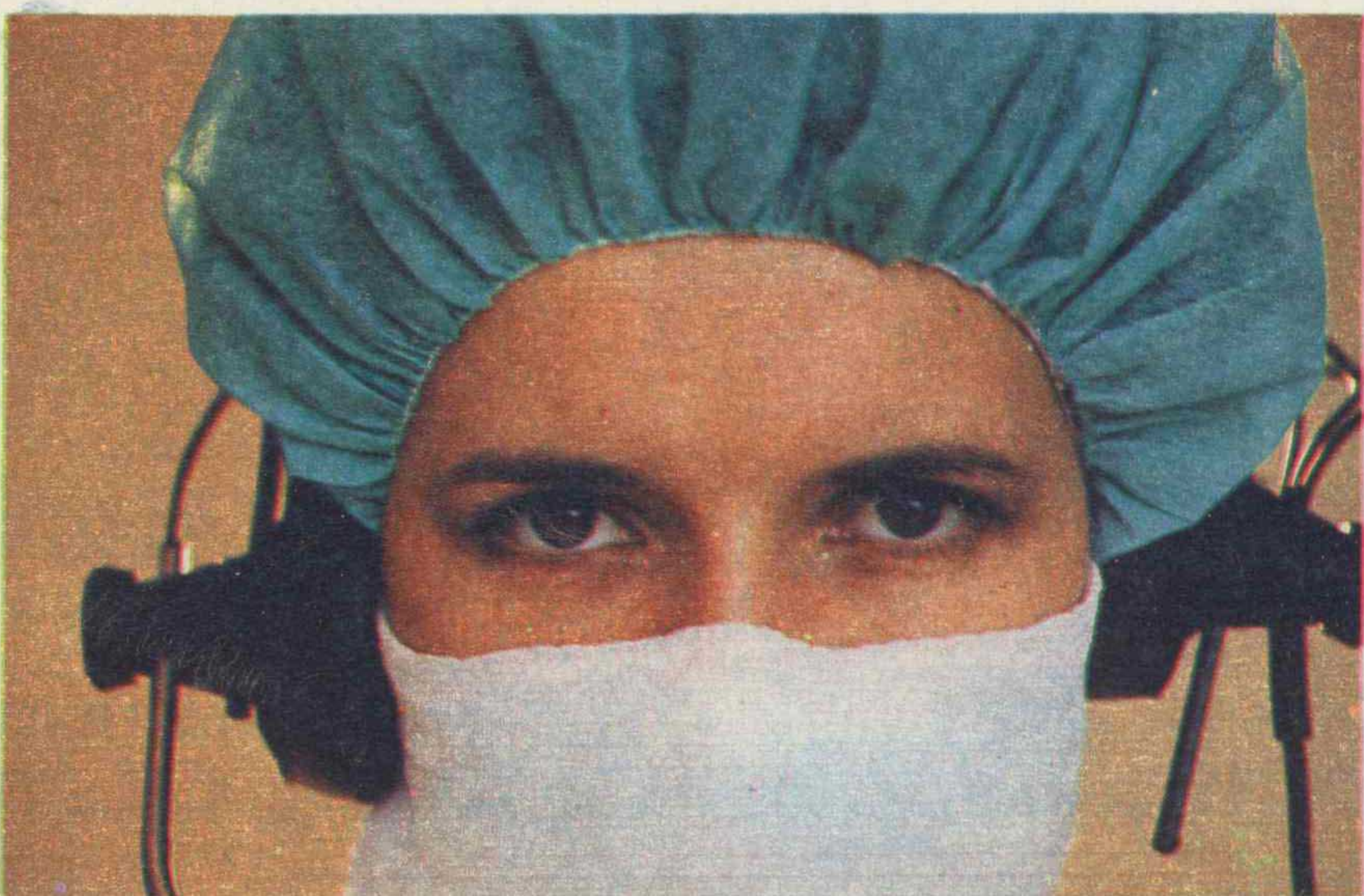
скажу, что кромка острейшей бритвы в десять раз толще. Под электронным сканирующим микроскопом лезвие острейшей, казалось бы, бритвы похоже на два горных хребта, между которыми образовалось глубокое ущелье. Таким тупым нагромождением металла хирург не разрезает молекулы ткани, а перелаживает их, рвет, поэтому раны на роговице и срастаются не скоро — через три-четыре дня. А ведь совсем недавно именно так и мы сами резали глаза. И заметьте, именно так режут глаза в большинстве клиник мира и у нас в стране тоже!

Нам сейчас очень не хватает точного критерия оценки остроты режущей кромки хирургического инструмента. Когда мы обратились с этим вопросом к специалистам по физике твердого тела, то оказалось, что до сих пор в мире не существует ни теории, ни практики определения остроты ножа. Странно, что этот, один из трех главных инструментов (вместе с колесом и молотком), создавших нашу цивилизацию, так и остается для нас загадкой.

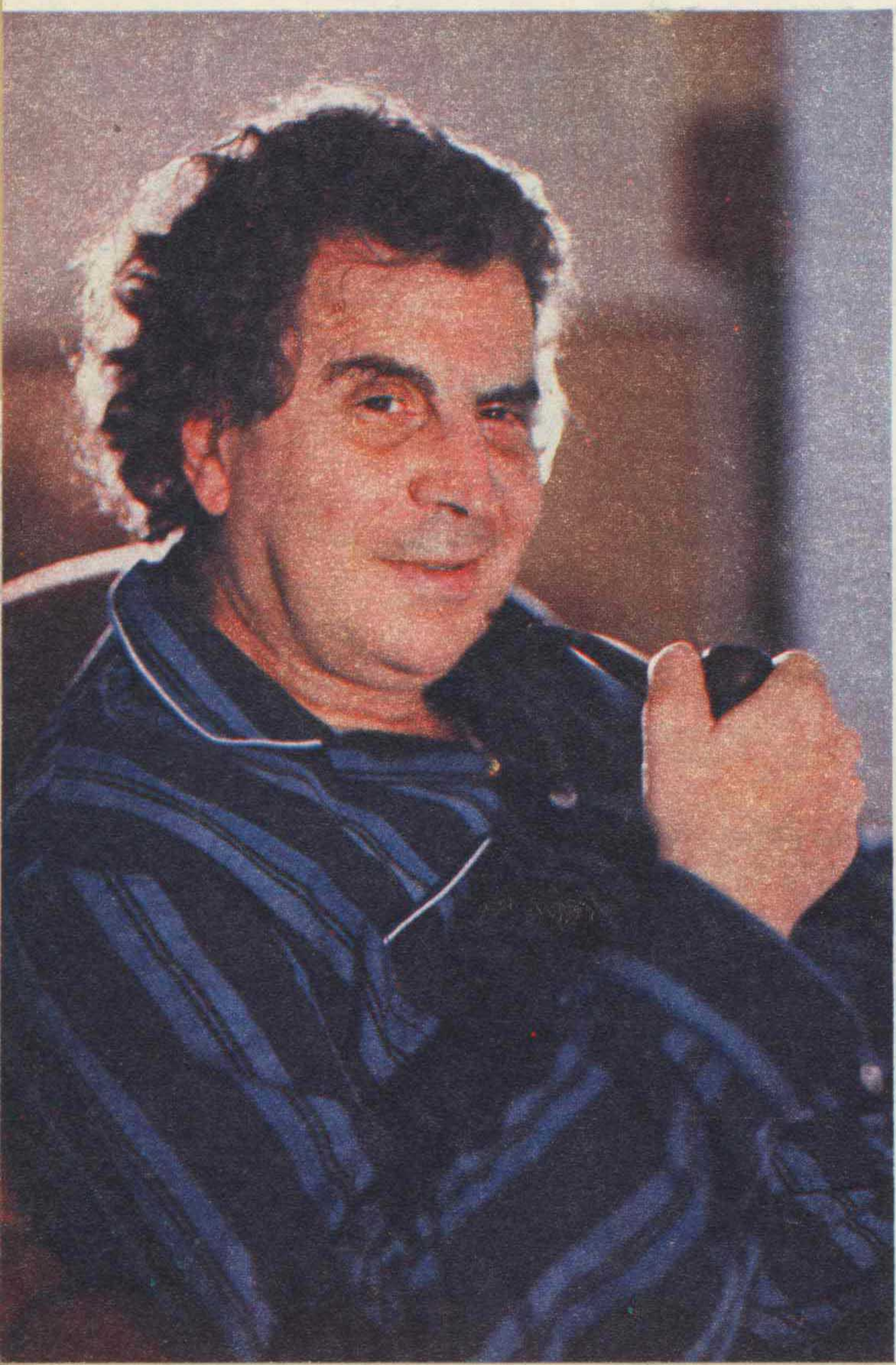
Оперирует профессор С. Н. Федоров * Эти очки носила Ольга Попова до операции * Автоматизированная операционная. Хирургический конвейер.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: В Москве, на Бескудниковском бульваре, встали корпуса НИИ микрохирургии глаза * Москвичка Марина Афанасьева после операции * Спутник — искусственный хрусталик Федорова — Захарова известен всему миру * Хирург О. Г. Александрова работает на хирургическом конвейере * Такие вот эти инструменты для операции глаз.

Мы в своем институте совместно с якутскими учеными создали сверхострый алмазный нож с острием кромки вдвое-втрое тоньше, чем сама молекула коллагеновой ткани. Когда мы режем этим ножом роговицу, рана заживает через несколько часов, потому что тут вступает в силу закон молекулярной регенерации биологической материи, а именно: если разрушено меньше половины молекулы, то она сама способна восстановить свою целостность. Вот почему наши пациенты вечером того же дня, когда им сделали операцию, иногда идут смотреть кино...

Вообще говоря, мы очень мало знаем о резервах нашего организма, мы и не подозреваем, какими фантастическими возможностями располагаем. Если мы уже научились омолаживать часть глаза, то почему нельзя омолаживать весь глаз, а со временем — все ткани и органы человека? Поверьте, это не праздная фантазия. Главное, что найден принцип включения молекулярной регенерации, а остальное — уже дело техники и времени.

Кроме того, каждая ткань человеческого тела способна пропускать через себя (без всякого изменения своей структуры) один вид энергии, а другой вид энергии — поглощать. Когда мы узнаем спектры поглощения всех основных тканей нашего тела, то сможем менять их строение и таким образом улучшить работу отдельных органов, увеличить, например, силу мышц, вовремя останавливать ряд патологических процессов в тканях. Однако прежде всего надо найти эти спектры поглощения, то есть нужно начинать совместные работы с физиками, биофизиками, биохимиками, физиологами. На стыке наук и должна родиться медицина будущего. Хочу верить, что наши работы помогут ее проявлению...

— Святослав Николаевич, известно, что вы — заслуженный изобретатель СССР, автор десятков новых методов лечения. Все они успешно применяются в вашем институте. Скажите, почему же внедрение нового у нас в медицине далеко не везде и далеко не всегда идет так быстро, как хотелось бы?

— Происходит это, на мой взгляд, потому, что у нас практически отсутствует система финансирования медицины по качеству и количеству вылеченных больных, то есть мы утратили ориентир на главную цель здравоохранения.

Мы знаем, что внедрение нового метода, как правило, требует и новой аппаратуры, и новых площадей, и многих других расходов, но они-то как раз существующей системой финансирования и не предусмотрены. Ведь больница в соответствии с этой системой может получить больше средств лишь в том случае, если развернет больше коек, а не тогда, когда внедрит новейший способ лечения и вернет здоровье большему числу больных.

Да, количество коек — очень удобный показатель, удобный для отчетов, а не для больных. Это непоказательный показатель. Ведь койка сама по себе не лечит. Лечит врач, врач, вооруженный современной аппаратурой: точной электроникой, оптикой, лазерной техникой. Сегодняшний медик должен быть вооружен по крайней мере не хуже современного солдата. Только при этом условии возможно качественное лечение.

Образ доброго доктора Айболита, вооруженного фонендоскопом и градусником, как идеала врача не может устроить нынешнее общество, так же как его не может устроить воин-защитник, вооруженный копьем и луком со стрелами.

Внедрение нового нередко у нас основано на энтузиазме отдельных новаторов, которые

чаще всего с огромным трудом пробивают свои идеи, иногда тратя при этом десятилетия. И далеко не все из них добиваются успеха. Как ни парадоксально, но организаторы нашей медицины, за малым исключением, не заинтересованы в развитии и применении новых методов лечения. Новое для них — лишняя обуза. За двадцать лет к нам ни разу не обратился ни один организатор здравоохранения с просьбой разработать тот или иной новый метод лечения массового тяжелого заболевания. Ни разу мы не получали социального заказа.

Вот поэтому нередко врачу приходится быть возмутителем спокойствия, приходится идти на конфликты, трепать нервы и себе, и другим. Я на собственном примере убедился, что у нас в медицине большой вопрос можно решить на фоне большого скандала и даже решение мелкого вопроса не обходится без небольшой драчки.

Но давайте не будем говорить вообще, давайте говорить конкретно. Возьмем, например, метод кератотомии — хирургического исправления близорукости. В нашей клинике первая операция кератотомии сделана в 1974 году, сегодня их количество перевалило за двадцать тысяч. От людей, желающих за несколько минут избавиться от очков, у нас нет отбоя, ведь в нашей стране от близорукости страдают многие миллионы. Государство из-за этого несет огромные убытки. Вы же знаете, как дорого обходится обучение, например, пилота современного авиалайнера — в сотни тысяч рублей. Но если у летчика появилась близорукость, считайте, что эти деньги вылетели в трубу. Так же обстоит дело и со многими другими профессиями. Тогда почему же операцию кератотомии производят лишь в клиниках, пересчитать которые хватит пальцев на одной руке?

А вот если бы финансирование больниц шло по качеству лечения и количеству вылеченных больных (то есть по конечному результату), тогда те клиники, которые лечат хорошо и много, стали бы финансироваться лучше и у них появился бы дополнительный стимул к улучшению работы.

И тогда для организатора стало бы выгодно не отбиваться от новаторов, а искать их, как говорится, днем с огнем. Это сразу бы объединило и организаторов медицины и врачей-клиницистов, у них появились бы общая цель и общий критерий оценки их труда. Конечно, не обойдется без дополнительных трудностей для организаторов здравоохранения, но зато какой выигрыш в качестве лечения советских людей!

Еще одна причина, мешающая, на мой взгляд, внедрению новых методов в медицине, — это участковый принцип ее организации, когда больной не имеет права выбрать себе ни врача-хирурга, ни врача-диагноста. Этот принцип исходит из того, что все больницы и все врачи одинаково хороши. Но это же совершенно неверно. Те больницы, где имеется энергичный руководитель, который сумел добыть хорошее оборудование, собрал умных врачей, наладил работу, безусловно, лечат и лучше и больше. Но ведь больного из другого района они не могут принять на лечение.

Как это ни странно, даже слабая в техническом отношении больница, не оснащенная современной аппаратурой, не имеющая квалифицированных врачей, нередко считается у нас прекрасно работающим медицинским учреждением. Ведь койки в ней заняты, значит, план выполнен. Но это не так: самого главного показателя плана — качества лечения и количества вылеченных больных — попросту нет.

— Святослав Николаевич, но ведь очень многое зависит и от личной заинтересованности врача во внедрении нового. Скажите, выгодно ли нашему врачу, при нынешней системе оплаты его труда, применять новые методы лечения?

— Мне кажется, что нет. Да, вот такой получается парадокс — невыгодно. Ведь что такое современное медицинское оборудование? Это сложнейшая электронная аппаратура, освоить которую под силу далеко не каждому. Освоить ее — значит потратить время, силы, нервы. А зачем мне все это, спросит врач, и будет близок к истине, потому что, как бы он ни лечил — хорошо или плохо, независимо от того, будет ли он использовать алмазный нож, компьютер, электронный микроскоп, дру-

гую сложную технику или станет лечить примочками, доставшимися в наследство от прабабушек, — все равно он получит свою зарплату. Ту же самую сумму! Разве это логично?

Уравниловка в медицине — вещь особенно опасная. Она приводит к тому, что врач перестает интересоваться конечным результатом своего труда, то есть качеством лечения. Вот почему во многих наших клиниках дорогая медицинская техника, способная лечить быстро и хорошо, используется, мягко говоря, не на полную мощность. По моим наблюдениям, лишь наполовину. Кому-то покажется, что в этом нет особой беды: подумаешь, мол, простаивает прибор стоимостью в полмиллиона, кому от этого плохо? Нам с вами плохо! Потому что в него вложены наши с вами деньги. Потому что на него затрачен наш с вами труд.

Надо признать, что в последнее время положение стало меняться к лучшему. Недавнее постановление правительства предусматривает надбавку к зарплате хирургов и анестезиологов за их интенсивный и качественный труд. Однако и это постановление, как мне кажется, полностью не решает проблемы материальной заинтересованности всего коллектива медиков, участвующих в хирургическом лечении больного. Ведь в этот коллектив входят и ученые, и даже инженеры.

Что еще очень важно, по-моему, отметить? Внедрению нового мешает и такая странная, на мой взгляд, ситуация: врач не может сам купить медицинскую технику. Все денежные средства на развитие медицины находятся в руках ее организатора, который непосредственно не лечит больных. Их лечит врач, но у него нет средств на закупку новой аппаратуры, и он должен выбивать их у организатора. Я уверен, что все это сдерживает развитие нашего здравоохранения.

По моим наблюдениям, в последние двадцать лет во многих странах мира произошло резкое перераспределение средств в медицине: значительно возросли расходы на техническое оснащение клиник за счет сокращения строительства новых зданий больниц. По-моему, это единственно верный путь развития здравоохранения.

— Но ведь современная медицинская техника очень дорога, и не каждая наша больница пока может ее себе позволить.

— Вы хотите сказать, что устаревшие методы лечения могут обойтись нашему обществу дешевле? Нет, как раз наоборот: устаревшая медицина — очень дорогое удовольствие для государства. Она требует огромного количества солдат, вооруженных «копьем и луком со стрелами», а эффективность действий такого «войска» крайне низкая. Пусть вам не кажется странным мое сравнение врача с солдатом. Я убежден, что медик — это такой же воин, ибо он каждый день решает те же задачи, которые выполняет армия во время войны, — защищает людей. Но не от пуль и бомб, а от микробов, воспалений, от омертвления сосудов и еще тысяч напастей. Да, медицина — та же действующая армия. В год у нас в стране делается около десяти миллионов операций, то есть 27 тысяч операций в день!

Разве это не фронт, не передовая? Значит, ежедневно в наших клиниках происходят двадцать семь тысяч сражений за жизнь, за счастье человека. Все ли они оканчиваются победой? Увы — чего греха таить, — не все. И здесь очень многое зависит от медицинского вооружения. К сожалению, не все понимают, что оно должно быть самым совершенным. Врача надо оценивать как генерала и давать ему оружие, сделанное не на посудной фабрике (что у нас иногда бывает), а на самом современном заводе.

Я уже не однажды, и в вашем журнале в том числе, выражал свое крайнее беспокойство недостаточным уровнем развития нашей медицинской промышленности. Тем не менее хочу еще раз сказать, что мы не сумеем решить и половины неотложных проблем нашего здравоохранения, пока не наладим выпуск современного оборудования и инструментария. Знаете ли вы, что до сих пор у нас в стране некоторые хирурги-офтальмологи делают операции иглами, которые они сами напильничком вытачивали из обычной хирургической иглы? И после операции они прячут ее в карман — не дай бог потерять.

Преподаватель музыки из Новороссийска Ольга Попова была близорукой, теперь очки ей не нужны * Операция у Микиса Теодоракиса прошла благополучно * Заведующая детским отделением Л. Н. Зубарева довольна: у Инны Нестеренко из Степногорска была травматическая катаракта, а теперь все хорошо.

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

Я убежден, что положение, при котором любому заводу выгоднее выпускать ширпотреб, чем медицинскую технику, является нездоровым. Как это ни странно, но сегодня современные заводы с охотой возьмут заказ на изготовление овощерезки, но без всякого энтузиазма станут делать хирургический пинцет. Потому что овощерезка даст им и план, и «прогрессивку», а пинцет ничего этого не дает. Почему? Разве это логично? Ведь не от кухонной же только техники зависит наше с вами здоровье.

Да, мы по достоинству гордимся тем, что у нас бесплатная медицина, но бесплатность медицины не повод для того, чтобы не считать государственных денег. Мы должны все время помнить простую истину: здравоохранение — самая рентабельная отрасль экономики.

Один день, проведенный дома рабочим крупного завода из-за банального радикулита, например, обходится государству в 50—60 рублей. Ежедневно из-за радикулита не выходят на работу десятки тысяч людей. Умножим две цифры и получим фантастическую сумму. Качественный «ремонт» людей дает десятикратную эффективность, он намного выгоднее, чем добыча золота.

Медицина пока еще является едва ли не единственной отраслью нашей экономики, где можно безнаказанно применять устаревшие и малоэффективные методы. Никаких ГОСТов на методы лечения даже массовых типовых заболеваний нет, поэтому многие врачи применяют старые, зачастую опасные методы, вместо новых и эффективных. Нет практически эталона, к которому надо стремиться.

Медицина также едва ли не единственная отрасль нашей экономики, где практически нацисто отсутствует экономика как само понятие. Сколько денег, например, надо затратить на лечение 500 тысяч больных с катарактой или 125 тысяч больных со стенокардией? На этот вопрос никто не ответит. Каким методом лечить, какой лучше и экономичней? Сколько средств уходит на медицинскую технику, сколько на оплату труда медработников? Эти цифры никто не знает. Хотя знание о стоимости лечения каждого больного с типичным заболеванием позволяет управлять медициной целесообразно и эффективно.

Мне кажется, что давно настала пора обратиться к точным критериям, которые позволят достичь главного в здравоохранении, а именно — качества лечения и возможности получения этого качественного лечения каждым советским человеком.

— Скажите, Святослав Николаевич, а может быть, за рубежом принципы организации здравоохранения более совершенны, чем у нас?

— Дело в том, что организационная структура медицины не только у нас в стране, а вообще в мире до сих пор основана на принципах работы средневекового кустарного производства. Ведь кто такой нынешний врач? По сути, кустарь-одиночка, которому больной доверяет «ремонт» своего тела. Но посмотрите, как изменилась медицинская техника за последние годы! Да, она сложна, дорога, требует квалифицированной эксплуатации, но зато какие чудеса она позволяет совершать! Можно остановить сердце и заменить его даже искусственным. Можно очистить закупоренные склерозом сосуды, заменить хрусталик глаза пластмассовым, восстановить проходимость импульсов по нерву, заменить почку и сделать многое и многое такое, что еще двадцать лет тому назад показалось бы фантастикой.

Бурная научно-техническая революция коснулась практически всех медицинских специальностей. Аппаратурная и инструментальная техника удваивается каждые десять лет, а в будущем и этот срок будет сокращаться. Умный архитектор, строящий сегодня современную больницу, должен оставлять хотя бы 20 процентов площадей пустыми. Для будущей медицинской техники.

Но есть и другая сторона медали. Технологическая революция в деле врачевания поставила современного врача в очень неловкое и неудобное положение. Он уже не способен в одиночку поставить сложный диагноз, еще трудней ему одному провести операцию, ибо

технология медицинской диагностики и особенно хирургии стала настолько сложной и многозвеньевой, что одному человеку это освоить и правильно применить практически невозможно. В свое время, два века назад, усложнение технологии в ткацком производстве привело к созданию мануфактуры с ее высоким качеством и эффективностью. Аналогичная ситуация возникает сейчас с медицинской технологией. Существующие поликлиники и больницы частично решают проблему совместного использования медицинского оборудования отдельными врачами-кустарями, но это еще не медицинская «индустрия», так как отсутствуют разделение процесса лечения на четкие стадии и проведение каждой стадии лечения на самом высоком научном уровне с контролем полученного результата на финальном этапе.

Частная медицина на Западе также не решает проблемы. Мне не раз приходилось видеть частные клиники американских врачей, буквально заполненные сложнейшей аппаратурой, стоимость которой превышает несколько миллионов долларов. Но и там нередко качество лечения весьма невысокое по той же самой причине: врач в одиночку овладеть всей сложной технологией не способен. Тем не менее лечение на Западе обходится пациенту в устрашающие суммы.

Я думаю, что инопланетянин, взглянувший на современную организацию земной медицины, был бы очень удивлен многими нелепостями. Давайте сами посмотрим свежим взглядом. В самом деле, любой процесс изготовления какой-либо вещи, процесс строительства, наконец, сложный ремонт требуют такой организации, которая соответствовала бы уровню и сложности применяемой технологии. Можно в одиночку сделать табуретку, можно построить садовый домик, отремонтировать шкаф, но изготовить телевизор, построить цех химического завода, отремонтировать сложный компьютер одному человеку уже не под силу. Кустарь-одиночка исчез практически из всех сфер жизни общества, за исключением разве что людей искусства: художников, композиторов, писателей, музыкантов. И, как это ни странно, в этой же компании остался и врач. Несмотря ни на что, вся мировая медицина свято хранит принцип: один больной — один врач. Но сегодня уже наступило такое время, когда подобный принцип может завести только в тупик.

— Где же выход из создавшейся ситуации?

— Выход я вижу только в одном — использовать в здравоохранении индустриальные принципы работы, когда больного лечит бригада или, если хотите, команда медиков во главе с умным врачом-координатором, несущим всю ответственность за результат лечения. На мой взгляд, только такая бригада, каждый член которой отвечает за свою стадию общего процесса лечения и лучше других в ней разбирается, способна гарантировать больному максимальный успех.

В современной технике таких аналогий множество. Возьмите воздушный лайнер. Да в конце концов за все, что происходит в самолете, отвечает командир корабля, но разве он один сумел бы провести полет такого, например, гиганта, как «ИЛ-86»? Нет, конечно. То же самое и в современной медицине.

Беру на себя смелость утверждать, что даже у самого гениального врача без обученной, умной команды, без современной аппаратуры, инженерной службы, без четко расписанной последовательной технологии лечения «аварий» будет очень много.

Мне кажется, что в какой-то степени одной из моделей медицины нового типа может служить организация лечения в нашем институте. Начиная с 1972 года работа у нас строится на базе бригадной системы (злобинский метод), правда, без оплаты труда по этому методу. И тем не менее производительность труда врачебных бригад в течение первых пяти лет нам удалось повысить в 4,7 раза. В абсолютных цифрах это выразилось так: раньше мы делали 1400 операций в год, 5 лет спустя — 6400 операций. В настоящее время в институте производится 12 тысяч сложных полостных глазных

операций плюс 5 тысяч операций по исправлению близорукости и астигматизма, а также 15 тысяч лазерных операций. Это составляет 32 тысячи глазных операций в год. Однако в оплате труда все еще не до конца устранен принцип уравниловки. Поэтому мы применяем моральные факторы поощрения передовиков, а также режим наибольшего благоприятствования в научной работе.

Но это только полумера. Мы сейчас добиваемся разрешения оплаты труда наших работников в зависимости от его качества и количества. По моим прикидкам, зарплату лучших из нас мы сможем увеличить в два-три раза. И опять-таки без каких-либо дополнительных затрат.

— Как же это вам удастся?

— А вот как. В среднем на лечение одного глазного больного государство тратит 250—350 рублей. Операция по устранению катаракты, например, стоит 300 рублей. За счет бригадного подряда, эффективного применения современной техники и методик мы сможем тратить на лечение катаракты не 300, а 180 рублей. Значит, 120 рублей экономии лишь с одной операции. В год мы лечим 10 тысяч больных катарактой, прибыль выходит свыше миллиона.

Из этой суммы большую часть можно будет перечислить на закупку нового, более совершенного оборудования, часть — на строительство дома отдыха для врачей или детского сада, например. (Кстати сказать, как ни странно, ни у одной больницы в стране, насколько я знаю, нет своего детского сада. У ткацкой фабрики есть, а у больницы нет. Почему, разве это логично?) А оставшиеся деньги пойдут в премиальный фонд. Тогда каждая из десяти наших бригад будет получать дополнительно около 3 тысяч рублей в месяц. Но только при условии, что у всех больных достигнут хороший результат.

— А если, допустим, у больного случается осложнение?

— Тогда, естественно, уровень оплаты бригады соответственно снизится. Или она совсем лишается премии. В зависимости от тяжести состояния больного.

— Даже если виновата при этом лишь одна медсестра?

— Да, думаю, что так будет справедливо: виноват один человек, а отвечают все. Такой принцип, мне кажется, способен резко повысить ответственность каждого медика, а значит, и качество нашего здравоохранения в целом.

Как отмечалось на недавнем совещании в ЦК КПСС по вопросам ускорения научно-технического прогресса, очень важно «установить тесную связь между результатами работы коллективов и системой оплаты труда... здесь должна быть прямая связь».

Оплата по четким критериям (качеству и количеству вылеченных больных) позволила бы поднять производительность и качество труда всего нашего коллектива еще на 50—60 процентов и довести количество операций до 40 тысяч в год.

Конечно, нам не удалось бы многого добиться без нашего экспериментально-технического производства. Я считаю, нам очень повезло, что двадцать один год назад Минздрав РСФСР выделил нам четыре ставки технических работников. Постепенно наша экспериментальная база расширялась, сейчас в ней работают около 300 человек, 52 из них — инженеры. Стоимость наших станков и оборудования — более миллиона рублей. Отдел, которым уже десять лет успешно руководит Е. И. Дегтев, работает на полном хозрасчете. Это позволяет нам не только обеспечивать самих себя всем необходимым инструментом, аппаратурой средней сложности, но и продавать их другим клиникам страны. Я считаю, что такое экспериментальное производство, которое работает в самом тесном контакте с медиками, может выпускать самое новейшее медицинское оборудование, но, разумеется, делать это не без помощи крупных заводов. Во многом благодаря содействию Госплана СССР мы связаны сегодня с 52 заводами страны, которые выполняют

наши заказы. Например, с одним из предприятий нами планируется выпустить около полумиллиона глазных хирургических скальпелей из искусственного сапфира. Острота их лезвия достигает 200 ангстрем, то есть одной пятидесятой микрона. Такое количество дешевых и в то же время позволяющих проводить высококачественные операции ножей может перевести практически всю нашу хирургию на новый уровень.

Совместная творческая работа наших инженеров, врачей, ученых, слесарей, фрезеровщиков, лекальщиков, токарей дает нам возможность продавать иностранным фирмам наши изделия на многие миллионы долларов. Например, на международной выставке «Здравоохранение-85», проходившей недавно в Москве, мы договорились о продаже лицензий на сумму в несколько сот тысяч инвалютных рублей. Это и неудивительно: почти все наши изобретения, очень быстро воплощенные в металл на нашем же экспериментальном заводе, рождены не вчера, а сегодня, только что. Это совсем свежие, еще горячие «блины», как говорится, — с пылу, с жару. Только на искусственных хрусталиках, которые мы продаем в десятки стран мира, наш институт уже заработал несколько миллионов долларов. Половину всей валюты мы используем на закупку нового, еще более совершенного оборудования, инструментария и лекарств. Вот одна из прогрессивных форм создания новых медицинских технологий.

Сегодня в Советском Союзе на офтальмологию ежегодно тратится двести с лишним миллионов, они равномерно оседают во всех глазных клиниках. Их у нас в стране свыше 1200. В них работает 4500 глазных врачей. В год они делают 400 тысяч операций. Однако огромная раздробленность коечного фонда не позволяет обеспечить современным оборудованием мелкие глазные отделения, а это приводит к недостаточно высокому уровню лечения и низкой эффективности труда врачей. А ведь, как нам представляется, можно было бы создать двадцать крупных центров, оснащенных современной аппаратурой, на это уйдет восемьдесят миллионов рублей, а сэкономленные сто двадцать миллионов рублей могли бы пойти на закупку самого совершенного оборудования.

Я уверен, что двадцать глазных центров, подобных нашему, могли бы решить проблему качественного лечения больных в масштабах всей страны. Такие центры (я бы их назвал фабриками здоровья) позволят уменьшить и число врачей и количество коек, а главное — резко улучшить качество лечения. И при этом не потребуются ни копейки лишней на реорганизацию. Только экономия. Кто «за», поднимите руку... Все. А кто «против»? Никто. Тогда давайте воплощать наши идеи в жизнь.

— Святослав Николаевич, известно, что в вашем институте половина всех операций делается конвейерным методом. Не является ли этот метод слишком механическим для больного? Может быть, само понятие «конвейер в больнице» дегуманизирует медицину?

— Мне очень часто в последнее время задают такой вопрос. Это и понятно: слишком непривычной кажется ситуация — человек на конвейерной линии. Да, непривычно. Но давайте посмотрим, что за этим стоит.

В месяц на конвейере мы делаем около восьмисот типичных операций. Раньше то же количество врачей делало в четыре раза меньше. Число осложнений у «конвейерных больных» не превышает одного процента. Раньше было семь. Один процент и семь — есть разница?

Такого качественного скачка нам удалось достичь, потому что впервые в медицинской практике мы осуществили принцип поэтапного контроля каждой стадии операции. Ведь каждый хирург не начнет делать свою часть работы, пока не убедится, что на предыдущем этапе его коллега все сделал идеально.

Мало того, при операциях по удалению близорукости мы сочли нужным на четвертом, предпоследнем этапе операции посадить первоклассного хирурга, который ничего не делает, кроме как проверяет качество работы других врачей. Он берется за дело только в том случае, если видит, что глубина или дли-

на разрез на роговице меньше, чем нужно.

И, наконец, самое важное: основную определяющую стадию, которая решает судьбу всей операции, выполняет наиболее квалифицированный хирург. И таким образом получается, что конвейер дает возможность таким экстраклассным хирургам оперировать в пять раз больше больных.

Очень важно и то, что хирургический конвейер позволяет максимально использовать всю самую совершенную аппаратуру и инструментарий, причем использовать их практически весь рабочий день полностью. Конвейер дает возможность очень быстро внедрять все новинки мировой медицины, а это с лихвой и очень быстро окупит затраты на его создание. Вернуть как можно большему числу людей возможность наслаждаться миром и сделать это как можно качественнее — вот что для нас главное. Или по-другому: максимальная польза для максимального количества людей. А все остальное — пустые разговоры!

Кстати сказать, нам самим не очень нравится называть нашу линию прозрения конвейером, но другого точного и емкого слова мы пока не придумали. Хотя даже устраивали конкурс среди сотрудников института на лучшее название. Может быть, кто-то из читателей журнала нам поможет?

Конечно, управлять такой сложнейшей системой, как наша линия прозрения, под силу не каждому. Для этого необходим определенный талант организатора, дирижера! Вот кого нам — стране, государству — сейчас, по-моему, больше всего не хватает. Вот без кого нам труднее всего — без «дирижеров»! Ведь каждый коллектив — это, по сути, симфонический оркестр. И вообще говоря, при сегодняшнем развитии техники, технологии прежде всего нужны талантливые организаторы-энциклопедисты, которые бы не только разбирались в психологии людей и умели их правильно расставить, но хорошо знали такую уйму вещей, без которых сегодня уже нельзя быть организатором. Чтобы можно было заразить людей собственным мастерством, объединить их в нужные на данном этапе группы или, наоборот, разбить, и... начать выводить мелодию. Мы ездим по стране в автобусе-операционной, чтобы убедить врачей: при небольшом изменении современной технологии можно оперировать на порядок лучше, качественнее. Но еще одну задачу этих поездок я вижу в том, чтобы найти талантливых организаторов, способных двигать современную науку.

Можно оснастить клинику самой последней техникой, но если там нет врача-дирижера, дело захиреет. Я всегда говорю тем, кто без меня собирается в такую поездку: «Найдите мне молодого врача, такого, чтобы он мог выдавать свежие идеи и горел желанием сдвинуть горы, чтобы у него при упоминании о работе глаза искрились, чтобы он был готов сидеть в клинике до ночи. Вот тогда он любые трудности одолеет, тогда сумеет стать настоящим врачом-дирижером, врачом-координатором».

— И много вам удалось найти таких людей?

— Увы. Человек пять могу назвать, не больше. Пять человек на тысячи офтальмологов! Недавно на конференции я обратился к своим врачам: «Кто из вас готов поехать и организовать работу такого же, как у нас, конвейера в любом другом городе — в Киеве, в Ростове, например? Ведь надо же распространять передовую технологию! Кто поедет, поднимите руку». Все скромно потупили глаза. А ведь у нас молодой коллектив, средний возраст — тридцать три года. Никто из шестидесяти врачей не захотел. Потому что понимают: это связано с большими трудностями, с борьбой. А люди к этому не приучены. Бойцовский дух надо воспитывать, а мы в основном воспитываем слепых исполнителей инструкций. Инфантилизм молодежи меня очень беспокоит. Хотя мы сами виноваты, сами создаем условия для тепличного воспитания, слишком уж оберегаем юных, слишком их щадим. И это, может быть, главная наша беда — неумелое воспитание, которое направлено на сглаживание углов, на обход всех

трудностей. Поэтому все и стараются отсидеться за спинами других. Никто не рвется в дирижеры.

— Святослав Николаевич, еще великий Пирогов говорил, что будущее принадлежит медицине предупредительной. Именно с ней наши врачи и связывают сегодня свои надежды. Как вы себе представляете путь развития профилактической помощи советским людям?

— Недавно на Кубе мне посчастливилось встретиться и говорить с Фиделем Кастро. Конечно, мы не могли не коснуться и проблем здравоохранения, которые очень волнуют кубинского руководителя. Так вот, компаньеро Фидель, как его там называют, высказал интересную и глубокую идею: для того, чтобы улучшить профилактику заболеваний, надо создать институт домашних, или семейных, врачей. У каждой семьи — свой постоянный доктор, который хорошо знает о каждом ее члене все, что должен знать врач для предупреждения болезней. Раз в квартал он зайдет в ваш дом, расспросит об образе жизни, послушает ваше сердце, даст необходимые советы, пропишет лекарство, посмотрит, как развиваются ваши дети, какое зрение у ваших родителей. А если окажется, что нужна более серьезная помощь, то направит в поликлинику.

Я совершенно согласен с этой идеей, она мне давно кажется очень перспективной. Но только я думаю, что домашний врач может стать лишь одним из звеньев, первым звеном медицины. Второе же звено, по-моему, должно состоять из поточных линий диагностики, созданных в крупных поликлиниках.

Такую автоматизированную поликлинику мы у себя в институте уже спроектировали. Надеюсь, года через три-четыре она примет первых пациентов.

И, наконец, третье звено. Это хирургические центры, организованные как современный завод с четко налаженным потоком, о чем мы с вами уже говорили.

— Расскажите, пожалуйста, поподробнее о вашей автоматизированной поликлинике.

— С удовольствием. При входе в нее вы сели в удобное передвижное кресло и, не сходя с него, проехали по всем методам обследования. Через час-полтора — без всяких очередей, под тихую приятную музыку — с готовым диагнозом, с рецептами, напечатанными электронной машиной, вы въезжаете в красивую гостиную, своего рода зал ожидания, где вы можете попить чаю или кофе. Никаких очередей и нервотрешки, никакой беготни по этажам и кабинетам. По-моему, это и удобно, и красиво, и целесообразно.

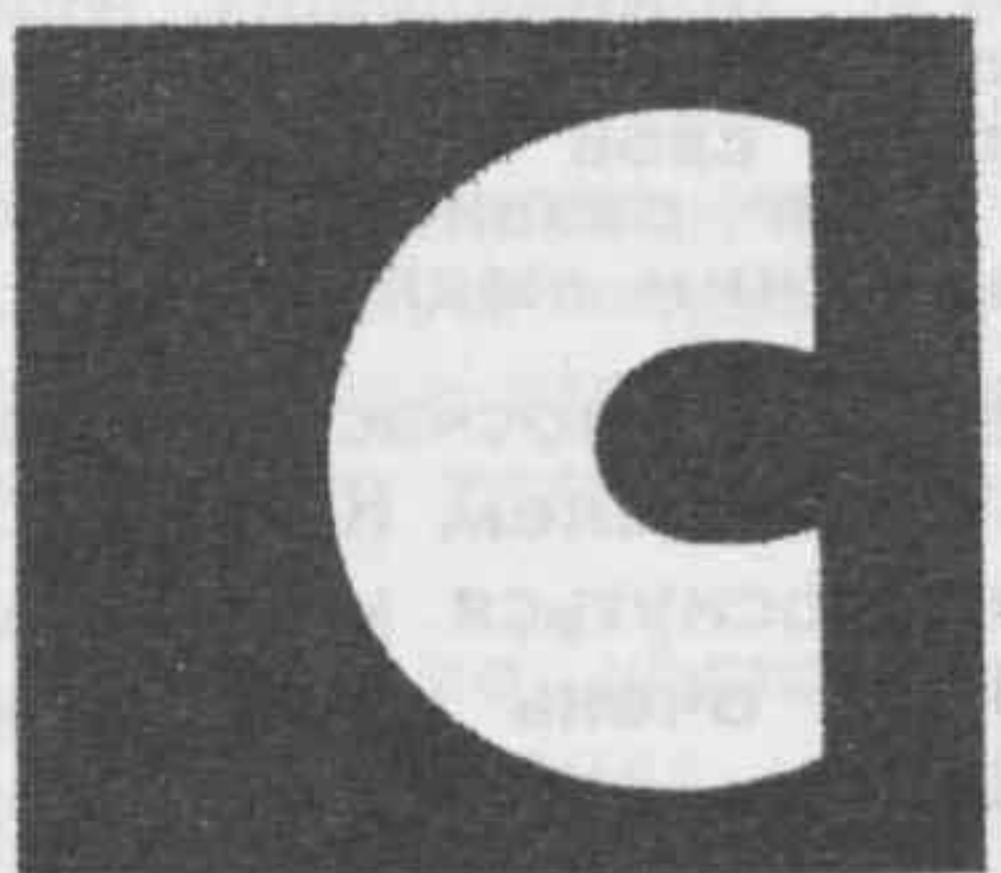
Кого-то, вероятно, опять смутит аналогия с заводским потоком, где любая деталь проходит четкий логический путь. Человек, мол, не деталь, и нельзя процесс лечения так механизировать. Извините, но я считаю, что гуманизм не может больше оставаться абстрактным понятием в медицине, он должен определять уровень ее развития. Думаю, что в медицине к понятию «гуманизм» надо непременно добавлять понятие «эффективность».

Эффективность гуманизма! Можно быть гуманным по отношению к десяткам больных и считаться хорошим врачом, но справедливо ли это? А можно быть гуманным сразу к десяткам тысяч больных — то, чего мы у себя в институте стараемся достичь с помощью новой технологии лечения.

Все это, по-моему, хорошо согласуется и с тем кардинальным направлением нашего развития, к которому нас призывает партия. Очень точно, по-моему, сказал недавно М. С. Горбачев: «О перенесении центра тяжести на интенсивные факторы экономического роста говорилось на протяжении многих лет, но меры, которые принимались, были половинчатыми, непоследовательными, до конца не осуществлялись... Перед партией, всем народом встала задача преодолеть негативные тенденции, круто повернуть дело к лучшему. Другой подход исключен: мы не можем встать на путь свертывания социальных программ».

Слово партии и нацеливает нас на наши дела.

Беседу записал
Михаил БУЙНОВ.

нова Фериби, согнувшись в три погибели, лез по тесной, режущей колени трубе, ощущая руками гулкую дрожь металла. Теперь Джеппсона не было с ним, а следом, как тень, продирался появившийся из глубины машины безликий немой

человек. Фериби слышал позади мягкое движение его вытянутого тела, и щетина на голове Томаса дыбилась от страха. Он подумал о флаге огненного виски, словно ощутил даже всегда желанную спиртную вонь, ожог большого глотка и с сосущей мукой недостижимости пришедшего желания еле сдержался, чтобы не ударить неотступно следовавшего за ним человека в лицо толстой подошвой ботинка. Тут же похолодел от внезапной и жуткой мысли, что удар его пришелся бы в ничто. Он облизал, обкусал до крови сухую нижнюю губу. Руки нашарили скобы жалюзи, и он должен был снова спускаться в бомболюк.

Там, внизу, как в тесном, висящем над бездной склепе, при жестко бьющем сверху электричестве он с охватившим его еще в первое посещение бомбового отсека мертвящим чувством водил руками по холодному круглому телу «Малыша», ища места ввода стержней. Он нашел их все и, подняв глаза к люку, отпрянул рыхлым распаренным лицом, будто наткнулся на что-то острое, что сжимали желтые, со сморщенной, отвисшей на сгибах кожей пальцы.

Когда Фериби воевал в Европе, он слышал об изобретенном немцами препарате, они испытывали его на узниках концлагерей. Это дьявольское снадобье что-то меняло местами в мозгу у людей, отбивало всякую волю к сопротивлению, и они с детским безумием делали все, что от них хотели: разбивали камни, вырывали себе волосы или душили соседа по нарам. К ужасу Фериби, он испытывал нечто подобное: бессильно принимал протягиваемые ему стержни и ставил их на места.

Он поставил их все. Человек сверху сказал ему что-то, Фериби не расслышал, но понял, что надо проверить, надежно ли сделана работа. Внезапно прояснившимся рассудком он представил все: когда «Малыш» уйдет в бездну, стержни на заданной высоте примут сигнал и заставят сработать детонатор. Он стал выбираться из бомбового отсека.

6 часов 30 минут. Введены красные стержни.

«Пора», — сказал себе Тиббетс. Коротким движением зрачков он нашел часы на панели приборов и вдруг в их стеклянной глубине, как в крохотном сферическом зеркале, увидел ужасающе уменьшенное, скукоженное лицо законспирированного дирижера всего, что происходило на борту машины; вытянутые вперед руки лапообразно застыли по обе стороны от Тиббетса. «Как Гриф оказался в машине?» — с гадливостью подумал Тиббетс, но он убедил себя, что нужно все относить к оптическим фокусам. Плавнo, с удовольствием чувствуя, как сильно заработали двигатели, потянул к себе штурвал. Машина пошла вверх, в еще остававшееся темным океанское небо.

Штурвал был словно набит тяжелым, плотным песком, поглощавшим вибрацию гигантской машины — это и еще густая таинственная темень неба, с которой Тиббетс был наедине в своей стеклянной скорлупе, сообщали ему ни с чем не сравнимое осязание риска, оно было знакомо Тиббетсу по тяжелым сверхдальним полетам на германские города. Но и умопомрачительные ночные рейды с посадками на чужеземных аэродромах не шли ни в какое сравнение с тем, что отвела ему история в августе сорок пятого. Снова на мгновение встал перед ним тот далекий вечер на окраине Полтавы щемящим видением молодости.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 34—36.

Я СТАНОВЛЮСЬ СМЕРТЬЮ

Он страшился всяких тонких движений души, любых отклонений от того, что делал. Он продирался сквозь свою память о прошлом, сквозь его романтику — счастливые пирушки по возвращении из полетов, короткие, в ореоле героя войны, пленяющие случайностью встречи с женщинами, сквозь гибель людей в распадающихся в воздухе обломках вопящего железа, он заставлял себя забыть о той правде войны. Ощущение мессианства поднимало его в своих глазах до роли исполнителя божьего промысла.

Но все же коротко скользнувшее перед глазами видение танцующих в прохладный, почти весенний, пахнущий сиренью украинский вечер натолкнуло его на мысль о Клоде Изерли: тот должен был подлетать к цели номер один. Через сотни миль Тиббетсу хотелось потрясти его за плечи: «Как там, Клод?!» Рассудок сомкнулся в сгусток ожидания. Тиббетс впился глазами в часы, время летело в стремительном молчании, в неизвестности, и сколько он ни твердил себе, что все идет по точно рассчитанному табелю, что эфир отпущен и ему и Клоду для строго установленных сигналов и команд, пропасть над океаном вырастала раздражающе медленно. Стрелка высотомера дрожала, и Тиббетс холодел, когда чувствовал, как записывает его шестидесятипятитонная «суперкрепость» в разреженной безжизненной пустыне — двигателям начинало не хватать кислорода. Прошел почти час, пока Тиббетс набрал установленные режимом десять тысяч пятьсот метров.

Внезапно вспыхнувшей надеждой в уши ударил щелчок, кто-то включил радиосвязь: «Клод?» Тут же послышался скрадываемый расстоянием, ненадежный, как паутинка, голос майора Изерли, и, изнемогая от мучительного опасения потери связи — паутинка голоса была так тонка! — Тиббетс с нежной благодарностью к Клоду отметил, как он обязателен, и сухие кодированные фразы доклада звучали в нем как музыка: «Низкие облака — от одной десятой до трех десятых, средние облака — от одной десятой до трех десятых, высокие облака — от одной десятой до трех десятых...» И, наконец, после продолжительной паузы: «Рекомендация: первый объект...»

Голова Тиббетса потонула в ликующем омуте. Но майор Изерли не отключался. Внезапно Тиббетс расслышал совершенно не искаженные связью, похожие на стон слова: «Как она хороша, божье мое! Она будто только что родилась... Для чего?..» «Чтобы умереть!» — продолжилась в Тиббетсе мысль Клода, но он тут же смял, задавил ее в мозгу со спазматической досадой на майора Изерли.

Разве не знал Тиббетс без распутившего нюки интеллигента, что Хиросиму берегли, как пасхальное яичко к празднику, вот к этому дню: «опыт» ставился на совершенно «чистом» материале... Двенадцать бомб, едва ли не случайно упавших на город за все три с половиной года войны — этой «примесью» можно было пренебречь при изучении результатов сегодняшнего «эксперимента», если пренебрегли даже тем, что вблизи объекта номер один — лагерь союзных военнопленных... Да, да, всего двенадцать случайных бомб. Город усыплен, и не надо мутить воду, майор Изерли. Тиббетс сжал зубы: «Понимаете ли вы, сэр, что радары Кюсю и Хонсю давно засекли вас, и благодарите бога, что Хиросима «будто только что родилась...».

«Убирайтесь к черту!» — вдруг простонал Тиббетс, когда в глаза ему удесятренно брызнул со всего стекла приборов игольчато уменьшенный оскал зубов в серой дряблой коже. Это был Гриф. Его протянутые вперед руки — Тиббетс до поплзших по телу мурашек чувствовал их на своих плечах — были неправдоподобно велики. Ломая суставы в привязанных ремнях, Тиббетс с омерзением сбросил эти ненавистные ему, всепроникающие руки. Тут же что-то в самом деле оторвалось от него, мелькнув в пестроте стеклянных бликов, сердце колотилось, и Тиббетс совсем рядом, будто ничего не произошло, увидел нагнувшегося к разложенному на коленях блокноту человека с ужасающе маленькой головой.

8 часов 11 минут. Самолет выходит на цель.

«Хиросима?» — пронеслось в воспаленном мозгу Тиббетса, и увидев, как внизу уходят

под обрез кабины, затуманенные от чудовищной высоты, пестреющие разноцветьем красок, ровно нарезанные кварталы, раскинувшиеся вблизи неправдоподобно голубой, в небольших зеленых островах, лагуны, он почти с испугом понял, что за шесть с половиной часов полета привел самолет к цели минута в минуту. Но в невообразимо медленном наплывании расчерченного улицами, извилистой ниткой реки расплывчато-пестрого, ничего не подготавливающего города, в полной тишине потекли, казалось, слышимые Тиббетсу, зашедшие за непрерываемый рубеж «лишние» секунды.

— Томас, — сказал Тиббетс тихо и умоляюще бомбардиру, застывшему перед ним с ушедшей книзу головой.

Бомбардир не отвечал.

Тиббетс сорвался на крик, каким-то краем рассудка отметив, как взмокла резиновая обтяжка ларингофона от его горячего, как у собаки, дыхания.

— Майор Фериб! Что у вас там, черт побери?

— Не мешайте, полковник Тиббетс, — услышал он глухой, задушенный голос бомбардира. И еще через несколько секунд:

— Есть, командир... Она пошла.

8 часов 15 минут тридцать секунд. Бомба сброшена.

8

Тайфун возник из ничего.

Ни одна живая душа раскинувшегося у прекрасной лагуны города не шевельнулась от страха, когда в обрызганной солнцем вышине проплыл крохотный серебряный крестик — как божье послание во благо людям наутро после третьего дня Даймонджи, и город обратился к своим обычным заботам. Все, что было вчера, осталось за невидимой чертой, погасили курильни и стихли сутры, зовущие к следованию по озаряющему сердце Пути. Все осталось позади далеким и ясным видением. В неимоверной выси показался второй, почти нереальный, растворявшийся в рыжеватой голубизне крестик, и люди, оставаясь в плену давно отживших истин, не смогли различить в наступающем мгновении жестокий призрак гибели.

Жизнь шла по заведенному истари кругу. Митори, проводив мужа на завод, еще оставалась у жаровни, чтобы вскоре тоже выйти на улицу. Ввиду военного времени она, беременная, все же состояла в «патриотической бригаде» вместе с женщинами и стариками, приходившими в город по приказу военных властей из окрестных деревень, — их голоса, стук деревянных башмаков об асфальт уже слышались за окном, и Митори, представив, как тысячные вереницы людей вливаются в городские улицы, спешила завершить домашние дела — сегодня бригада должна расчищать улицы, чтобы в случае пожаров был меньший урон. Наконец она вышла из дому и стала догонять свою бригаду. Уже месяц, как на Хиросиму не упало ни капли дождя, стояла затяжная адская сушь.

Но жизнь шла своим чередом: на окраинах поднимались из высоких кирпичных труб черные дымы заводов, оживал центр, сгрудившийся вокруг моста через Оту каменными домами учреждений, банков, гостиниц с их зеркальными дверями и окнами, в золотистой дымке сухого, горячего утра с роликовым звуком поднимались жалюзи магазинов, открывались бамбуковые дверцы лавок, по мостовым, еще замусоренным бумажными цветами, гирляндами, фонариками, окурками, обертками конфет — жалкими остатками канувшего в Лету Даймонджи, шли в школы дети с ранцами за плечами.

Берега Оты утопали в бледно-маслянистой зелени ив, река медленно текла к лагуне, расходясь перед тем, как влиться в нее, несколькими рукавами, образуя как бы разъятые, вцепившиеся в берег пальцы человеческой ладони, и от города, рассыпавшегося неисчислимыми скоплениями полных своими думами и хлопотами домов по плоской, открытой всем ветрам береговой равнине, от сверкающей глади Оты, от распутившихся в лагуне свежих, с каплями ночного тумана, тяжелых белых цветов лотоса, от самого утра, наполненного беззаботными голосами детей, велосипедными звонками, стуком деревянных подошв о камни мостовых, поднималось к небу и солнцу ти-

хое дыхание жизни, и серебристый крестик высоко-высоко прошел над городом — из синевы донесся еле слышный гром, — и скоро чуть видный, почти прозрачный его двойник выплыл издалека.

Гигантский молниевый удар вбил в небо слепящий, сжегший само солнце жар, и это было все, что с мгновенной мыслью о тайфуне успела уловить Митори какой-то долей сознания — в следующий миг тайфун смял ее всежигающим, ревушим, несущим каменные обломки дворцов и храмов ураганом, понес по оплавленной пустыне и ударил об уродливую бетонную стену. Она была уже черной, изжеванной, безжизненной мумией, когда страшная, нечеловеческая сила выдвинула из нее еще живого ребенка, и он успел что-то закричать в злое мир насилия и смерти и тут же был сожжен и обуглен — пройдет время, и фотографический снимок, запечатлевший невиданные с сотворения мира рождение и смерть человека, обойдет газеты всех стран, повторится в памятниках и сказаниях о трагедии века.

Исполинский всежигающий тайфун настиг Оцуки, не успевшего отъехать далеко на своем велосипеде. Одежда вспыхнула на нем, искаженное испугом лицо, хватающие какую-нибудь опору руки, забитая жаром грудь уродливо вспухли, кожа сползла на землю, тут же его истолкло в кровавое месиво о камни. Как две песчинки, мелькнули в мироздании две маленькие судьбы, попытавшиеся продолжиться в своем ребенке; теперь никто их не внесет в поминальник, атомный взрыв как бы протянулся из прошлого в будущее, губя целые поколения. Презревшая человеческие догматы смерть настигла их в мгновение ока и, убив вместе с ребенком, освободила от созерцания гибели многотысячного города — с агонией обезумевших, дымящихся черным смрадом, только что бывших людьми привидений. Кричали от боли дети, бросались в Оту и заживо сваривались в кипящей воде реки...

Те, кто сохранил рассудок, оставаясь в деревнях, лепившихся к склонам холмов, на которых когда-то наивным протестом грядущему дню до самого неба поднималось зажженное на третий день Даймонджи священное слово да о, говорили, что солнце исчезло в жуткой мгле, возникший в центре города, у моста через Оту ураган образовал мертвую окружность, и она гигантски разрослась, круша квартал за кварталом, падали многоэтажные бетонные дома, скрючивалась арматура, концентрически раздавшийся огненный вихрь почти одновременно поджег груды обломков деревянных и картонных домов, меж тем как белый огненный шар, разрастаясь, уходил в померкшее небо...

Уже спустя сутки, когда из Токио смог наконец пробиться к Хиросиме самолет, с его борта увидели, что город излучает всеяющий ужас свет, от него исходит кроваво-красное сияние и черный дым поднимается высоко над землей. Когда самолет смог приземлиться на аэродроме в десятке миль от Хиросимы, к экспертам подошел офицер с как бы надвое разделенным лицом: одна сторона целая, вторая — черный кровавый панцирь, — и когда он рапортовал, с трудом лепя слова обезображенным ртом: «Все сгорело...» — это было правдой.

Дымил на месте города огромный крематорий, заживо сжегший тысячи людей, но и те, кто выжил, унес в себе расплывенный белым облаком жуткий выброс излучения; люди будут умирать на протяжении лет, а у матерей родятся мертвые дети, дети без глаз, дети с волчьей пастью, с руками, напоминающими крылышки летучих мышей...

Оставшиеся в живых — их назовут «хибакуся» — понесут на себе пугающее всех вокруг клеймо, собьются в стадо призраков, поселятся в жалких лачугах на набережной Айои и лишь в предутренних и вечерних сумерках, по ночам будут покидать свой «бураку», бродить черными тенями в руинах, мимо возвышающегося среди пепелища, устоявшего под ударной волной дома, всматриваться в зияющие глазницы окон, в искореженные ребра стального каркаса, в оплавленные срезы бетона, чтобы вызвать в полуразрушенном сознании мираж страшного августовского дня, уразуметь глубину сделавшего их нечеловеками варварства и поверить, что все было въяе.

Могли ли они знать, что первыми в их окруженный более, чем Помпея, город придут, приняв все меры для собственной безопасности, те, кто вложил в уродливую железную трубу два куска урана и с точностью, возможной в микромире, рассчитал размеры взрыва, — они придут первыми не для того, чтобы помочь тысячам этих несчастных, а чтобы удостовериться в превзошедших расчеты результатах эксперимента. Могли ли они поверить, что годы все «спишут», и люди, пришедшие на смену императору, низко склоняясь перед вторыми и третьими поколениями атомных вседержителей, уже по доброй воле откроют им двери в свою древнюю страну и забудут, что все может повториться вновь...

Бусидо — путь воина — означает смерть. Когда для выбора имеются два пути, выбирай тот, который ведет к смерти. Не рассуждай! Направь мысль на путь, который ты предпочитаешь, и иди!

Каждое утро думай о том, как надо умирать. Каждый вечер освежай свой ум мыслями о смерти. И пусть так будет всегда. Воспитывай свой разум. Когда твоя мысль постоянно будет вращаться около смерти, твой жизненный путь будет прямым и простым. Твоя воля выполнит свой долг, твой щит превратится в стальной щит. Если ты не можешь проследить свой путь прямо, открытыми глазами, с умом, свободным от путаных мыслей, ты не избежишь ошибок.

Выполнение долга должно быть безукоризненным, а твое имя — незапятнанным¹.

9

Тиббетс ощутил легкий, «отпускающий» машину толчок, он сжал ему кожу на голове, мгновенно наполнив грудь жутким холодком ожидания... «Дай силы выстоять, боже...» — шептал он неподчиняющимися губами, закладывая немислимый, чуть ли не переламывающий надвое машину вираж. Плексиглас кабины дрожал, вихрями неслись облака, сквозь них уже надвигалась на Тиббетса темная от свих защитных очков, которые он успел надеть перед тем, как бомба пошла вниз, земля, густо искрапленная людскими поселениями, чернью дымящихся заводов, верфей в прогале воды меж двумя островами, и уже показалась вдали парабола залитой солнцем шири внутреннего моря.

И тут, опередив голос что-то дико закричавшего кормового стрелка, на эту сверкающую ширь настлалась слепящая вспышка опустошительного неземенского света. Он пульсировал, неуловимо расходясь и сходясь, будто излившись из самого космоса океаном солнца. Поверху граница его бурлила протуберанцами, отражая то, что разверзлось над городом. Тиббетс чувствовал спиной, как вулканически кипит там небо. Но он знал, что еще не все, раскусок чего-то ждал, и вот оно, пришло...

От сильного тугого толчка сзади, словно при ураганном ветре, машина едва не скапотировала, тут же ударило снизу, под днище, Тиббетс догадался: отраженной от земли взрывной волной, этого второго, закачавшего и подбросившего машину толчка он не ждал, но, чувствуя каждую клетку лишенного воздушной динамики механизма, удержал машину. И лишь тогда услышал забившую гул моторов, все поглотившую россыпь грозного фантастического звука. Почудилось, будто она, эта россыпь, потушила, взрыбила багровой зыбью необозримую ширь земли и воды, ушла в аспидную даль. Мир гас под надвигавшейся тьмой в неслышимом отдаленно-дробном, как шторм, звуке.

В ушах Тиббетса меж тем совсем отдельно стоял резкий, испуганный крик, он вспомнил о кормовом стрелке. Льюис был рядом, его искаженное болью лицо — он сорвал темные очки — было сумрачно устремлено вперед, туда, где перебежали, сплетались, как змеи, ходили виражами тени, а крик кормового стрелка все разламывал ему виски.

— Роберт!

Капитан Льюис продолжал смотреть вдаль широко раскрытыми, непонимающими глазами, кожу на лице будто осыпало изморозью.

— Вот и твоя очередь, Роби, — Тиббетс, отстегнув ремни, почти силой усадил второго пи-

лота на свое место. Ударил его по плечу: — Веселей, Роби!

Тот рассеянно посмотрел вокруг, понял наконец, что от него хотят, сосредоточенно ответил:

— Да, командир.

Тиббетс, тупо стуча ботинками о тонкий резиновый настил металлического пола, пригнувшись в длинной ребристой трубе, крупно зашагал в конец машины, пока не достиг ячейки кормового стрелка. Но первым он увидел со спины ненавистного ему Грифа, тот согнулся под стеклянным колпаком так, что покрытая серой шерстью голова выглядывала бугорком из-за впадины спины, задавленный им, обезумевше выглядывал коричневым, распаренным лицом мальчик-негр, кормовой стрелок Джон Стродди.

— Огненный шар!.. Огромный огненный шар!.. — слышался потерянный голос стрелка.

Не помня, что делает, Тиббетс схватил за плечи Грифа, стал переламывать его назад, освобождая себе место под стеклянным колпаком, в лицо ему ткнулась маленькая, вытянутая, как галоша, голова, от нее пахло казарменной вонью, в омерзении Тиббетс протискивал длинное, будто неживое тело назад, сдвигая его в тесном металлическом проходе. На миг близко отпечаталось желтое мятое лицо с горячечно-мутными, бесцветными глазами и обтянутым тонкой кожей ртом. Тут же он почти механически смог прочитать не то на бумаге, не то еще где-то протокольно сухое: «После вспышки самолет испытал два удара...»

Стрелок все так же сидел, скрючившись и сжимая ладонями голову, он был безразличен Тиббетсу, как отдаленная в сложной игре пешка, только навязчиво, будто жалкое эхо, звучало: «Огненный шар, огромный огненный шар...»

То, что увидел Тиббетс, зашевелило ему волосы. Из-под багрово клубящегося дымом и огнем поглотившего Хиросиму купола вырвалось вулканическим извержением белое облако. Все в отблесках и тенях бушующих внизу стихий, оно стало разрастаться, уходить в вышину, движимое ввинчивающимся, извивающимся, как бывает в пустынях, огненно-черным циклоном, который неровно наматывал на себя обрывки черной бури, пока не выпятил верхушку громаздящегося скопищами белого дыма облака ужасающим подобием голой головы трупа; и тут голова оторвалась от длинного, как удав, столба, ушла ввысь. Там, откуда она вырвалась, все так же стояла серая, непроницаемая, уродливая гора, под которой — Тиббетс содрогнувшись вспомнил об этом — была Хиросима.

Жгучее страдание от невозможности видеть, что творится там, в циклопическом клубке стихий, задавило его. Мучительным проблеском сознания он вспомнил о майоре Сунее, который разбросал на парашютах приборы и фотокамеры, способные уловить все, что сейчас творится в Хиросиме; он изнемогал от зависти к этому уверенному в себе, способному на любую подлость человеку, не зная, что такой же жгучей завистью к нему, Тиббетсу, сгорает командир другой уходящей прочь от преисподней «суперкрепости»...

...Видно гигантское облако...

10 часов 00 минут. Все еще видно облако, высота которого, вероятно, больше 13 тысяч метров.

10 часов 41 минута. Облако потеряно из виду. Расстояние от Хиросимы 580 километров. Высота полета 8600 метров.

Тиббетс обернулся к стоявшему за его спиной человеку, пораженный педантичной точностью, с которой тот был в силах делать свои записи. Он взглядывался в его пустые немигающие глаза, стараясь проникнуть за пределы обычного человеческого разума, но ничего не мог понять и разглядеть. Вдруг он услышал проникшую сквозь крупный частотный намертво сцепленных зубов фразу, похожую на шелест:

— Привет тебе в победном венке...

— Что? — не сразу понял Тиббетс.

С той же шелестящей, как заиграющая пластинка, интонацией Гриф повторил:

— Привет тебе в победном венке...

«Какая несправедливость», — с невыразимой тоской подумал Тиббетс, вспомнив, что это строка из песни немецких шовинистов.

реплика

ПОМИДОРЫ ПО ИНСТРУКЦИИ?

На рынке два чудака: один дорого покупает, второй дешево продает... Так говорили в старину. Но время изрядно полифовало поговорку: второй тип чудачков исчез, а первый... Цены на рынках так высоки, что не всякий дотянется. Особенно, если говорить о Центральном рынке столицы.

Но зачем же переплачивать, если можно в здешнем магазине купить ту же капусту, картошку, морковь, помидоры или, например, спаржу по вполне приемлемой цене, — говорю сам себе, памятуя, как активно Главмосплодоовощпром занимается организацией овощных магазинов на рынках.

Есть магазинчик и здесь, на Центральном. Прилавочек на два рабочих места и... большая очередь.

— Сколько наторговываете за месяц? — Я хотел задать такой вопрос директору магазина В. Ф. Баранову, но не застал его: ни в первое посещение, ни во второе. «У него сегодня выходной», — сказала мне заместитель директора Л. И. Крылова. Она же после некоторого раздумья назвала сумму месячной выручки — сто тысяч. Простейшая арифметика: чуть более трех тысяч за день. Капля в море рыночного оборота. Какое уж тут соревнование, какая конкуренция с теми, кто дорого продает, как тут сбить высокую базарную цену.

А если поставить за прилавком еще трех-четырех продавцов или открыть находящийся на замке второй магазинчик? Может, оттого всего два продавца, что штаты неразумно сокращены? В Главном управлении по заводу, хранению, переработке и торговле картофелем, овощами и фруктами по моей просьбе навели справку и сообщили, что рыночному магазину положено шесть продавцов. Это уже лучше, чем два. Я спросил у Людмилы Ивановны Крыловой: «Сколько же по штату должно быть продавцов в магазине?» Ответ был краток: «У меня нет под рукой штатного расписания». Однако бумага нашлась, и по ней мы установили: в магазине двенадцать продавцов. Может, и эта цифра неверна? Позвонил в Дзержинское межрайонное розничное плодоовощное объединение исполняющей обязанности заместителя директора Н. С. Бобровской. Она предложила привезти запрос, и тогда, может, мне дадут точную цифру.

...Странное это зрелище — овощные и фруктовые магазины на рынках. Один торгует такими яблоками, что хоть завтра заноси их в реестр по графе «сухофрукты», в другом, кроме картошки и напуста, есть только что-то маринованное, а в третьем задолго до окончания работы дверь была наглухо закрыта.

Как так? Помню, сам читал в Главмосплодоовощпроме указание, из которого следовало, что «директорам оптово-розничных и розничных объединений поручено пересмотреть режим работы магазинов и привести в соответствие с режимом работы колхозных рынков, постоянно организовывать широкую торговлю свежими овощами, картофелем и зелеными культурами. Директорам оптовых объединений — обеспечить бесперебойное снабжение высококачественной продукцией в широком ассортименте и первоочередное выполнение заказов магазинов на рынках».

Значит, если чего-то в рыночном магазине нет, это вина директора магазина. А кто виноват в том, что на некоторых рынках магазины открываются через час после того, как рынок уже всю торговлю (утренний час стоит двух дневных, говорят знатоки торговой конъюнктуры), или закрываются на час ранее?

И вот что интересно: именно в этот вечерний час цены начинают подниматься. А на Бутырском рынке совсем закрыли магазин, на ремонт. Но если каждому овощу свое время, если осень — сезон всех овощей, то и ремонт таких магазинов надо бы делать в межсезонье.

Как известно, цены сами по себе не снижаются. Их надо сбивать... Деловитостью, выполнением принятых решений, тем, чтобы на прилавках были те овощи и фрукты, которые были обещаны приказами и инструкциями Главмосплодоовощпрома. Пусть будут помидоры по инструкции, а не инструкции вместо помидоров!

К. БАРЫКИН

¹ Из «Хагакурэ бусидо» («Книга воина»).

Продолжение следует.

Известный пушкинист Илья Львович Фейнберг (1905—1979) в начале войны ушел добровольцем на флот. В качестве военного корреспондента он был в осажденных Одессе и Севастополе, участвовал в боевых походах кораблей Черноморской эскадры, был на конвоируемых транспортерах, «морских охотниках» и на участке, где действовала морская пехота.

Потом служил на Северном флоте и также участвовал в операциях боевых кораблей.

Его очерки о защитниках Одессы, Севастополя и Советского Заполярья печатались в «Правде» и других центральных газетах, а также во флотской печати.

Наряду со своей основной работой военного корреспондента он всюду читал лекции о Пушкине.

В архиве И. Л. Фейнберга сохранились записи военных лет, сделанные на клочках бумаги, наспех, часто уже почти стершимся карандашом — они содержат рассказы краснофлотцев и командиров, описание военных операций, то есть материалы, использовавшиеся для военных очерков. Но И. Л. Фейнберг вел и дневник для себя, надеясь, по-видимому, написать когда-нибудь книгу о войне.

Страницы этого дневника мы публикуем к 80-летию со дня рождения И. Л. Фейнберга.

Илья
ФЕЙНБЕРГ

ИЗ ДНЕВНИКОВ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Севастополь, 11—19 марта
1942 года.

28 августа 1941 года я увидел Севастополь. Камень домов был нарочно покрыт языками желтого дымного пламени, чтобы сделать не таким различимым с неба (с воздуха) для самолетов всегда белокаменный город, стоящий на холмах, где отовсюду видно море. Дома раскраской камуфляжей одеты, как осужденные инквизицией на аутодафе (костер инквизиции)...

11 марта, через полгода, я увидел осажденный Севастополь. Эсминец стал в бухте. На рассвете я увидел морской город — крепость, голубые бухты и рельефный берег колеров географической карты.

Колоннады и портики домов, полуобрушенные снарядами, похожие на стоящий в руинах античный город. Но на этих камнях очень большими буквами (каждая буква на отдельном камне) мелом написано детским почерком: «Смерть фашистским оккупантам!»

Флагманский командный пункт в береговой горе. Коридоры и подземные кабинеты и спальни в два этажа. Я попросил объяснить мне, где фронт. «Рассказывать нечего, пойдемте — покажу, — сказал мне редактор газеты «Красный Черноморец» и вывел меня во двор. — Вот видите это кладбище — здесь были немецкие автоматчики. А теперь линия фронта вон за тем отлогим холмом».

На улице Ленина стоит музей обороны Севастополя. Стекла выбиты бомбой. Мраморные плиты целы, и на них видны имена частей и полков, защищавших Севастополь, осажденный 80 лет назад. Длинный список: в конце — госпитальная рота, потом арестантская рота. Она на доске героев. Пиета Нахимова валялась на полу, сброшенная взрывной волной.

Писатели жили в редакции, как всегда. Мальчик-боец принес кролога. Лучший разведчик. Выпускающий пришел спросить, нет ли у кого кальцека — у него начинался небольшой грипп. И спорили, кому когда диктовать машинистке с яркой звездой красного сукна на рукаве бушлата.

Девушка, которую я видел в полку морской пехоты на фронте в осажденной Одессе, теперь она в осажденном Севастополе, сказала мне за обедом — не нарочно:

«Ну, теперь я, конечно, поправилась. Живу в нормальных условиях — в Одессе от бомбежки все кипело, как борщ».

Писатели спорили о формальном методе, вспоминали полемику с Эйхенбаумом о мелодике стиха. Поэт Длигач сказал мне: «Теперь, когда мне дали парикмахерскую, я могу работать». Ему выделили ее с 5 часов, когда там работа кончается. Он в ней пишет стихи и очень рад. Наборщик подал ему мокрый еще оттиск песни о тельняшке и сказал, что тиснет гранки еще для себя потому, что песня ему понравилась. Я услышал знакомый голос — это Маршак читал по радио английскую балладу:

С тобой мы выпьем, старина,
За счастье прежних дней...

Перед сумерками я вышел на Приморский бульвар. Море было синее. Далеко видны были тральщики. Ширяющий крыльями медный орел темнел на вершине колонны, об основание которой разбивалась белеющая волна. Город славы.

Южные дома с застекленными галереями, во дворе фикусы и рододендроны. И подвалы, где легко себе представить, что в них делали бы немцы.

На ФКП мне сказали пароль. Шаги гулко отдавались по камням в темноте осажденного города. Встречный патруль спрашивал пароль, отвечал отрывком. Все это, когда-то вычитанное в старых книгах, виденное в театре, сегодня было на вооружении.

Дети в убежище.

— Иду на фронт.

— Валик, не иди! (Девочка плачет.)

Он берет мешок: — Пойду собирать осколки.

Дети разговаривали на улице о том, что им задано на завтра по географии. Подземная школа. Заход. Ясли. Детский дом. Елки — бойцы срубили на кладбище, где автоматчики. Четверых убили. Срубили, принесли в школу...

Севастополь, 18 марта 1942 года.

Звезды не сильно светят на ночном приморском небе. Машина идет в штаб генерал-майора И. Е. Петрова — командующего Приморской армией. КП в горе — блиндаж в песчаном камне севастопольского отрога.

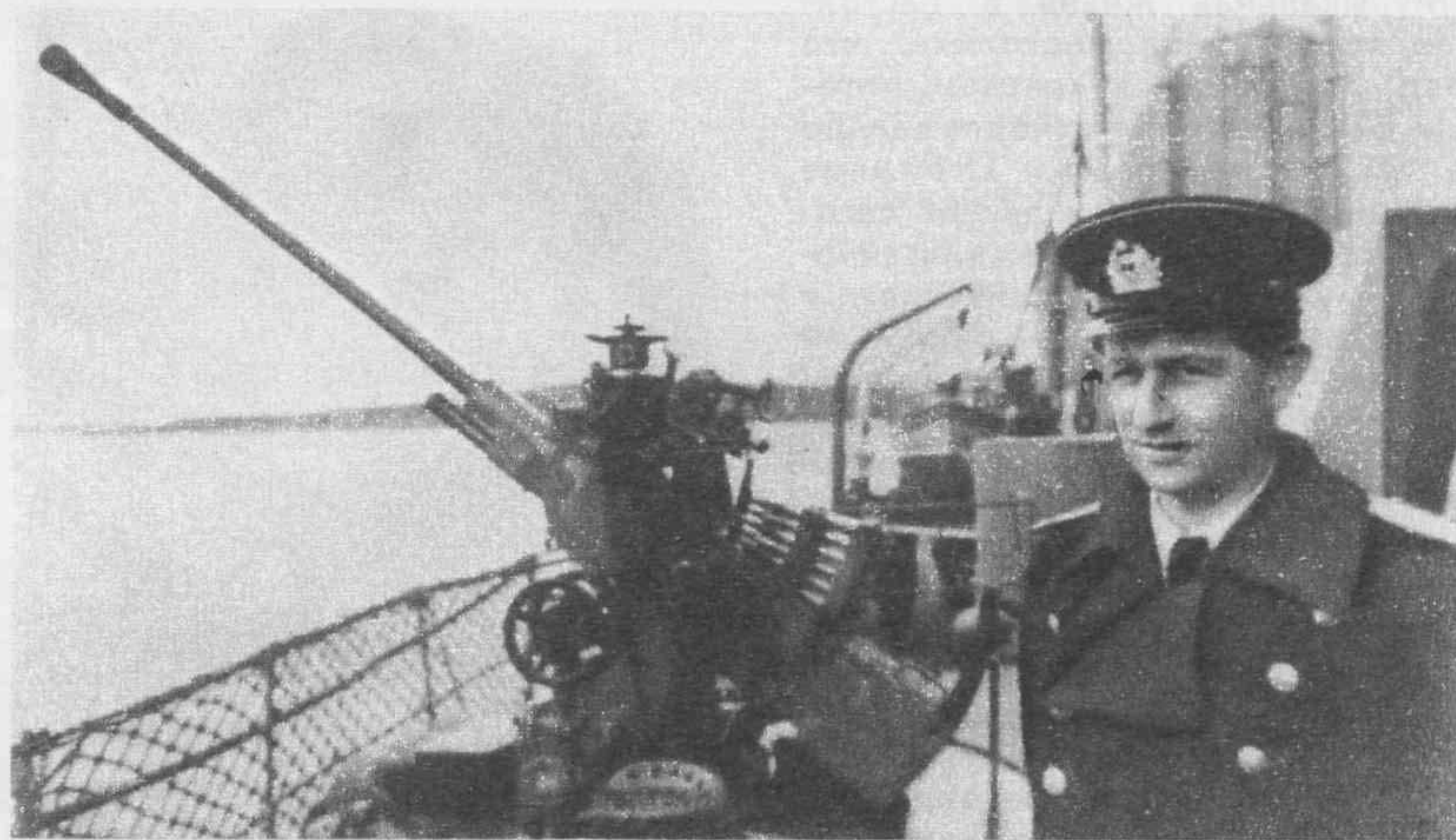
Командующий — умное лицо рус-

ского, но не старого еще военного. Кривые морщинки. Он мог бы быть по лицу врачом-хирургом. Опыт, пронизательная насмешливость в серых глазах. Приветливый разговор делового, былого умницы.

Красные лампасы, сапоги. Немного удлинненный ноготь на мизинце. Над ушами коротко выются русые волосы, разделенные розовой лысиной.

Генерал Петров читает и правит свою статью о Чапаевской дивизии — ее боевой путь...

Молодой, с проседью, черноглазый генерал-майор Воробьев разговаривает с нами. Я рассказал о фильме «Разгром немцев под Москвой», который смотрел сегодня. Он вспоминает Ясную

И. Л. Фейнберг. Северный флот. 1943 г.

Поляну — бывал часто там в лесу, любил его.

Генерал Петров говорит, что Севастополь стоял, стоит и будет стоять. Шутит: «Всем хороша военная служба, только спать мало приходится».

— Вы когда встаете?.. А я в семь.

Я говорю о Людендорфе, что режим эти генералы на войне соблюдали точно. Наполеон говорил: «Умному надо спать 10 часов, дураку довольно 7...»

Генерал говорит: «А сам он мало спал».

Я: «Да — он был молодой».

Генерал, несколько насмешливо: «А мне вот куда же, — со старости не спится».

Генерал Воробьев: «Зато Наполеон растолстел».

Генерал Петров мне: «Вы Наполеона по Тарле читали».

Я отвечаю, что нет...

Говорю, что статья генерала Петрова написана деловым, хорошим по-военному языком, что это хороший язык.

Что у Дениса Давыдова учился писать Пушкин.

Генерал хвалит Давыдова за опыт теории партизанских действий.

Генерал умно прощается, держится просто, без чинов, а остается в разговоре старшим, потому — умен. Очень хороша, умна и бодрая обстановка — человеческая в этом штабе.

Мурманск, 22 июля 1942 года.

Дорога: похоже на Крым, и

вдруг на холмах у залива дольмены; деревянные кварталы города сожжены, стоят узкие, высокие кирпичные столбы: это печные трубы сожженных двухэтажных деревянных домов. От домов ничего не осталось, видны насквозь пустые кварталы, валяются только железные кровати.

Частый прозрачный лес, в котором узкие четырехгранные кирпичные столбы. Деревянные кварталы Мурманска сожжены, каменные разбомблены несильно, больше сгорели двери, рамы, полы. В несколько дней город разрушен, как время разрушало города за столетия...

Я видел разбомбленную Одессу. Теперь Мурманск. Но это не мертвый, а живой город. Работает

порт, который хотели уничтожить немцы. У выгоревшего конструктивистской постройки клуба лежит сбитый фашистский бомбардировщик с черно-белыми крестами на крыльях.

По улицам идут спокойные женщины. Школьники учат школьницу в красном платье с белыми цветами ездить на велосипеде, подерживая за седло. В магазине, угол которого разбит и заколочен досками, поэтому в нем полутемно, торгуют галантереей и игрушками.

Английские матросы с транспортов в синих комбинезонах с карманами, пришитыми выше колена к задней стороне штанин, похожие на рабочих. 2 американца — военные моряки. Молодые офицеры. Один в черной флотской форме, другой в рабочей форме цвета кофе с молоком... Он расспрашивает челюскинца Погосова, что это такое, показывая на орден Красной Звезды и медаль «За отвагу». Ему объясняют: «Ред стар» и «Медаль»...

Моряки дружелюбны. Один англичанин играет в мяч с большим азартом с девочкой лет восьми.

Я пишу эти заметки (чтобы не забыть первых впечатлений) в кабинете Ивана Дмитриевича Папанина. Стекла вылетели, штукатурка с потолка и на стене поотскочила. Но уцелела мебель красного дерева, чернильница на большой мраморной доске с бронзовым львом и стекло на письменном столе.

Публикация М. ФЕЙНБЕРГ.

Музыка — это язык чувств

Андрей ЭШПАЙ,
народный артист СССР

Музыкальная жизнь в настоящее время столь многолика, что вряд ли найдется человек, который отважился бы исчерпывающе ее охарактеризовать. Огромное «количество» музыки звучит сегодня на земном шаре: классическая музыка — симфоническая и камерная; джаз, песня, новейшая музыка — электронная, конкретная... Все это находится в поле зрения современного композитора. Но очень важно, чтобы в своем поиске автор не забывал главное: музыка — это язык чувств. Замечательный французский композитор М. Равель сказал: «Великая музыка идет от сердца!» Музыка, написанная только путем приложения техники, не стоит бумаги, на которой она написана. Я убежден, что художник должен доверять бумаге только то, что он чувствует, и так, как он это чувствует.

Это не означает отказа от поиска новых средств музыкальной выразительности и расширения музыкального языка. Композитор должен быть в курсе всего, что происходит в музыкальном мире, и пользоваться этим для полноценной передачи собственной мысли. Плохо выраженная идея работает против самой идеи. Но, к сожалению, всем нам нередко приходится встречаться с произведениями, в которых, казалось бы, все на месте, партитура написана грамотно, а музыки, живой, волнующей, нет. Возникает некая иллюзия музыки. Но, как всегда это и бывало, история с суровой беспристрастностью отберет подлинное искусство. И произойдет это без нашего «любезного» вмешательства. Живое останется жить, а мертвое умрет. И мне непонятна смелость некоторых людей безапелляционно решать, какая именно одна-единственная музыка нужна народу. Звучать должно все. В многообразии звучащей музыки каждый найдет себе «свою» музыку, «свой» мир образов.

Может возникнуть вопрос, способен ли слушатель разобраться в своих музыкальных впечатлениях, отделить настоящую музыку от псевдомузыки.

Уверен, подлинный факт искусства мгновенно узнаваем. Музыка каждый раз становится трудной там, где ее нет. Музыка направлена к человеку, она пишется для него, и настоящий художник

стремится быть понятым. И чем больше людей его понимают, тем сильнее и глубже его талант.

Но сегодня произведения современных композиторов звучат, как правило, лишь на фестивалях советской музыки и не всегда доходят до широкого слушателя. Я думаю, что современная музыка должна шире войти в регулярные программы филармонических концертов наряду с русской и зарубежной классикой. Тем самым мы сможем познакомить нашего слушателя со всем новым, что происходит в музыкальном мире.

В самых разных жанрах работает композитор: симфоническая и камерная музыка, балет, песня... Зрители хорошо знают и помнят музыку Андрея Эшпая к кинофильмам «Жажда», «Исправленному верить», «Майор Вихрь», «Адъютант его превосходительства», «Бабы царство», «Наше призвание» и многим другим. Работа в каждом жанре имеет свои особенности.

В работе над фильмом перед композитором встает великое множество самых неожиданных задач; ему необходимо умение писать музыку разных стилей, способность быстро перестраиваться и без усталости искать новые и новые решения. Кино — самый динамичный вид искусства. Сегодня режиссер показывает тебе отснятый материал, а завтра он уже должен зазвучать в твоей музыке.

Музыка — полноценный компонент кинопроизведения, ее конкретные функции исходят из самой ее природы: вступить в действие там, где другие средства

выразительности — речь, пластика, цвет — бессильны. Как и в любом произведении крупной формы, в фильме непременно должна быть музыкальная драматургия. Найти такой «стержень» порой бывает нелегко.

Мне представляется труд композитора в кино столь индивидуальным творческим процессом, что вывести какие-то общие закономерности сложно и требует большой осторожности. Совершенно очевидно, что в кино должны работать непременно талантливые и разные композиторы. Часто инерция режиссеров, их субъективный приговор, кто является кинокомпозитором, а кто нет, лишает кинематограф возможности услышать новые имена, а с ними и новые решения, а может быть, даже открытия в таком важном виде искусства, каким является музыка в кино.

Серьезным музыкальным жанром я считаю джаз (впрочем, хорошая музыка всегда серьезна). Он требует от музыкантов большой культуры, мастерства и, разумеется, таланта. Магнетизм жанра, его динамика, экспрессия, лаконизм привлекают к нему многих композиторов и слушателей. И поэтому джаз в большой степени может способствовать формированию вкуса, поскольку этот вид искусства популярен, особенно среди молодежи. И проявленные здесь чувство меры и глубина высказывания чрезвычайно важны.

Песенная удача в творчестве композитора так же редка, как и удача в любом другом музыкальном жанре. К сожалению, написано немало песен, в которых отсутствует основное — яркий музыкальный материал. Его не без успеха подменяет стандартная ритмическая формула и внешне броский инструментальный наряд. Это бедствие всемирно. Часть молодежи с удовольствием глотает подобное «музыкальное пирожное», загипнотизированная ритмом, движением, зрелищем. Для продукции такого типа характерно полное невнимание к литературной основе песни.

Но, как правило, ничто не выходит из моды так быстро, как сама мода. Возвращение к настоящей песне началось. Мне кажется, что песня только тогда состоялась, когда литературное и музыкальное содержание в ней уравновешены и имеют высокохудожественное значение. Вопрос о том,

что должно рождаться раньше, музыка или стихи, каждый автор решает по-своему. У меня, как правило, мелодия предваряет слово. Готовые стихи несколько сковаывают, заставляют сидеть в заданной «ритмической клетке». Но бывают стихи, которые сразу берут в плен; такими стали для меня стихи Е. Винокурова, на которые я написал свою песню о Сережке с Малой Бронной...

Память о войне постоянно живет в творчестве А. Я. Эшпая. Он часто вспоминает своих фронтовых друзей Володю Никитинского и Гену Новикова, погибших в Берлине в последние часы войны. Им композитор посвятил свою Первую симфонию...

Однополчанин Андрея Эшпая А. Д. Бусыгин вспоминает: «17 января 1945 года освободили город Варшаву. За сутки фронт удалился уже значительно, было непривычно тихо. Вдруг я услышал звуки рояля, доносившиеся из особняка. Все это так разительно контрастировало с предшествовавшими днями ожесточенных боев, что невольно создавало полную иллюзию того, что война кончилась. Я вошел в дом, за роялем сидел совсем юный лейтенант. Он настолько был увлечен своей игрой, что сперва не заметил моего появления, а увидев, вскопчил, приветствуя меня как старшего по званию и возрасту офицера. Мы познакомились, и я узнал, что он командир взвода разведки 608-го стрелкового полка нашей дивизии, фамилия его Эшпай, а звать Андрей Яковлевич, что сам он москвич и родители его живут на Бронной и что ему еще нет и двадцати лет. Страшно было подумать, что этот молодой лейтенант завтра снова должен попасть в жестокие будни войны. Наша встреча переросла в настоящую дружбу. Я стал называть его Андрюшей, а он меня по-сибирски Митричем. В короткие часы затишья я старался передать ему свой суровый солдатский опыт, приобретенный за годы войны. Мне хотелось, ох, как хотелось, предостеречь его от случайностей, чтобы мог он первым обнаруживать и поражать врага, чтобы выжил он в этом адском пекле и долгие годы дарил людей своей музыкой...»

За проявленный героизм, смелость и мужество лейтенант Эшпай 7 мая 1945 года награжден орденом Красной Звезды.

В музыке Андрея Эшпая важным элементом стиля является марийская народная песня, в этом смысле его можно назвать продолжателем дела отца, Я. А. Эшпая, замечательного марийского композитора и фольклориста.

Существуют две точки зрения на работу композитора с фольклорным материалом: можно ли корректировать такое совершенное произведение искусства, каким является народная песня? Ведь в ней веками шлифовались каждое слово, каждая нота. Иначе говоря, можно ли «обрабатывать» шедевр? С другой стороны, я знаю свой «родной язык» (каким является народная песня), так почему же на нем я не могу говорить своими словами? Здесь и начинается подлинный творческий поиск. На этом самом загадочном отрезке пути возникает (или не возникает) композитор. Я уверен, что искусство будущего непременно сохранит опору на национальные истоки. Чем художник национальнее, тем он индивидуальнее. Думаю, я не ошибусь, если скажу, что наиболее последовательно хранят и развивают национальные традиции отечественного искусства советские композиторы. Подъем нашей музыки был бы немислим без обострения интереса к народной песне. Я считаю, что опасность обезличивания не может угрожать многонациональной советской культуре. Конформизм бессилен перед жизнестойкостью богатейших национальных традиций.

Запись Е. ПУХОВОЙ.

В. Пузырьков. Род. 1918. ВПЕРЕДИ МИР. 1984.

Всесоюзная выставка «40 лет Великой Победы».

В тесном, пыльном, насыщенном тоскливой зубрежкой медресе начинается действие романа «Навои». Кажется, время остановилось здесь и ни одно движение жизни не касается погруженных в коран отроков. «Для человека остается только стараться», — говорит древняя книга, и учитель поясняет: «Не стыдитесь лишений и бедности, довольствуйтесь тем, чем наградит вас всемогущий, ибо в загробном мире вас ожидает светосное благо...»

Так было во времена Навои. Так было и во времена юности Мусы Ташмухамедова, писателя, чье творчество родилось вместе с узбекской литературой. Под псевдонимом Айбек он станет известным и любимым народом писателем-подвижником. Произведения его будут переведены на многие языки. А пока будущий общественный деятель, организатор литературных сил Узбекистана, твердый последователь Хамзы Хакимзаде Ниязи, пока он, 14-летний, с удивлением смотрит на дикий шар с желто-голубыми разводами — глобус, вестник новой школы, новой жизни, нового времени.

Айбек (по-узбекски «Рыцарь луны») родился в Ташкенте в семье ткача. Подростком он стал свидетелем волнений ташкентской бедноты — среднеазиатское восстание 1916 года было для него одним из первых уроков классовой борьбы, логическим следствием жизни, о которой Айбек напишет в стихотворении «Мой дед»:

Помаленьку себе живешь,
Чаще месяц и реже год.
И опять над тобою нож,
Вновь беда у твоих ворот...

А потом «свистя пролетали пули, с глухим чпоканьем втыкаясь в стены заборов и зданий». Чаша народного терпения была переполнена. В тяжелой борьбе одолевая тайное и явное сопротивление баев, сопротивление тех, кто цитировал коран, не признавая ничего иного, лучшие представители узбекского народа приближали светлое будущее своей родины. И несмотря порой на опасности, «босоногие баламуты», как презрительно называли их баи, призывали людей стряхнуть с себя пелену схоластического дурмана и засучить рукава.

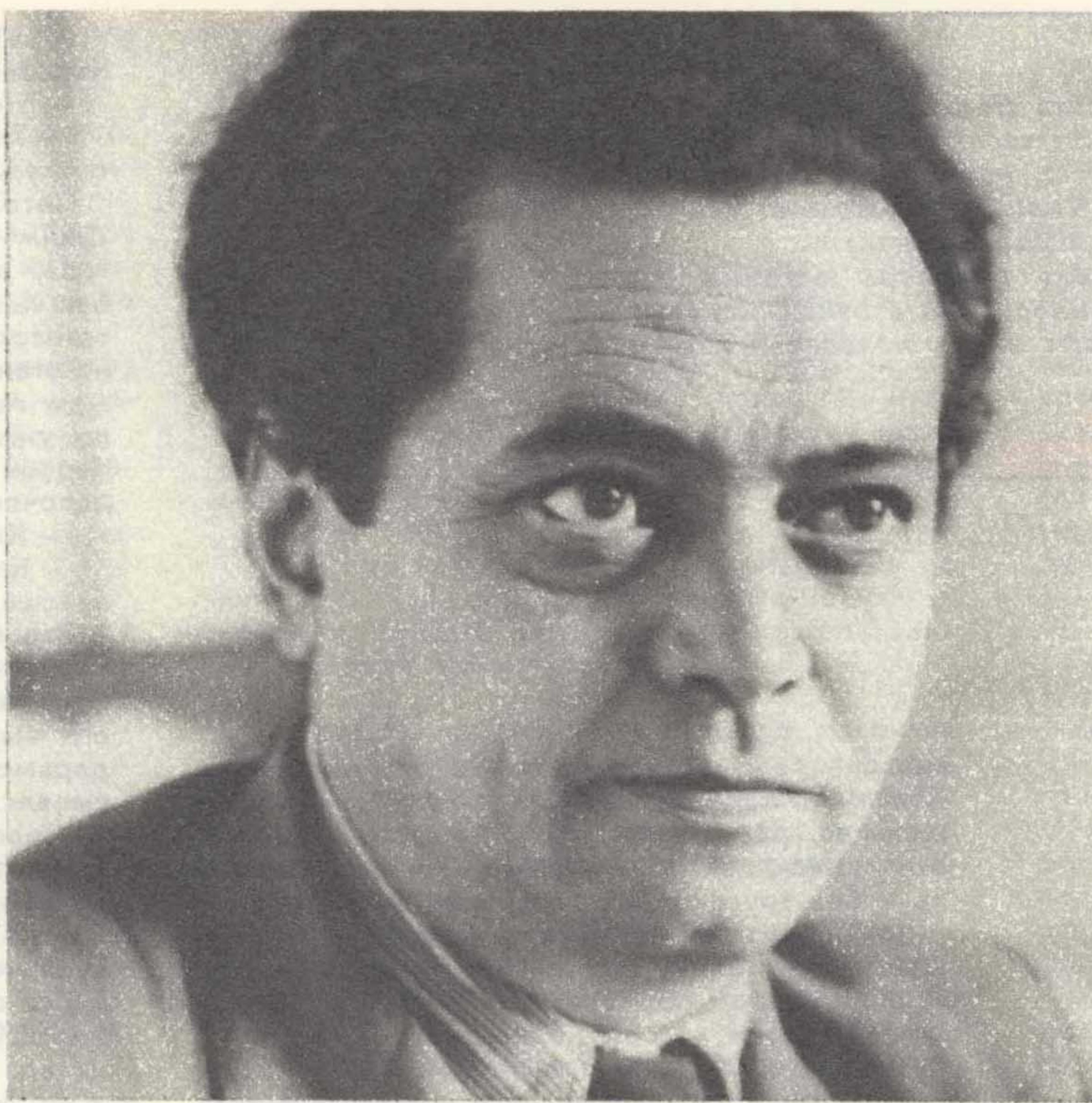
Эй, дехканин! Работай смелей!
Землю эту засеи и полей.
Собирай урожай и трудись
На земле — она стала твоей.

писал 18-летний Айбек. Не мог не писать: беспокойная, жаждающая немедленной победы справедливости душа требовала активных действий. Несколько лет спустя он признается в стихах:

Я не хочу и не могу
В часы, когда шумит прибой,
Глядеть на дальнем берегу,
Как две волны вступают в бой.

Первый сборник стихов Айбека вышел в 1926 году. Назывался он «Чувства» («Туйгулар»). Затем вышел второй сборник — «Флейты сердца».

...Уже несколько лет Узбекистан был союзной республикой, а злоба и невежество, подстрекаемые реакционным духовенством и

Видеть возвышенное

враждебными новому строю байскими приспешниками, ожесточенно сопротивлялись. В 1929 году под камнями разъяренной, ослепленной толпы погиб Хамза. Эта трагедия и другие события заставили узбекскую интеллигенцию с новой силой ощутить свою ответственность перед родиной. Жизнь диктовала художникам необходимость окончательного перехода на рельсы социалистического реализма.

Борьба нового со старым наиболее драматично и сурово проявлялась там, где день вчерашний и день сегодняшний скрещивали оружие над паранджой — символом многовекового бесправия женщины. Айбек посвящает множество стихов женской судьбе, свою первую поэму — «Дильбар — дочь эпохи».

Одолению пережитков посвящает он и поэмы «Месть», «Кузнец Джуря». В этих произведениях образы главных героев неплakatны, нестатичны. Строки о Ляйли, героине поэмы «Месть», девушке, видя которую, «светлел человек», или о чудаковатом, но твердом в своих принципах кузнеце нараспев читали по всему Узбекистану. Большие идеи выражались в емких художественных образах, становились близкими тысячам и тысячам людей — в этом проявилась одна из характерных особенностей всего творчества Айбека. Богатая метафоричность, традиционная для восточной поэзии вообще, у него органическая. Вот, например, строки из начала поэмы «Хамза»:

И, плешивые головы в небо подняв,
Скалы замерли в грубых
и странных изломах
И расселись, различные поэзы
приняв,

кожей чувствуешь, как сгущает-

ся атмосфера тупой враждебности, грубой агрессивности...

С присущей ему творческой энергией Айбек в предвоенные годы много занимается переводом. Он остро понимал, что русский язык открывает широчайшие горизонты перед узбекской культурой и литературой, помогая им приобщиться к общечеловеческой культуре, бесценным сокровищам мировой литературы. «Евгений Онегин» и «Фауст», «Маскарад» и статьи Белинского, — вот далеко не полный перечень произведений, которые благодаря труду Айбека-переводчика стали достоянием узбеков...

Одновременно с этим нарастает потребность в создании широкого прозаического полотна. В течение нескольких лет писатель работает над романом «Священная кровь». Выход его ознаменовал собой появление выдающегося произведения социалистического реализма в узбекской литературе.

В романе рассказывается о национально-освободительном движении беднейшего крестьянства в предоктябрьский период. По богатству социальной и художественной палитры это произведение можно назвать эпопеей. В центре повествования — два героя: ташкентский купец Мирза-Каримбай и его дальний родственник бедняк Юлчи. Ловкий, любящий пофилософствовать, изобразить себя благодетелем купец — это человек, как говорят в народе, «отведавший змеиного салтыца». Он становится поэтом, когда говорит о том, на чем зиждется и его «философичность»: «Деньги, конечно, отец всех вещей. Деньги, говорят, стану крепость придают, а голову венцом украшают. Деньги — это

крылья...» Но у этого самоуверенного тона, у этой «стройной» философии объективно нет наследников: она как бы выжигает вокруг себя все здоровое, доброе, человеческое. Кто рядом с Мирзой? Дочь, «шумливая, как мешок с орехами»; слабовольный сынок; сухой и жадный Хаким. Юлчи, молодой человек, начинающий задумываться о жизни, пока еще только удивляется: «Как чудно устроен свет!.. В любом месте у дехкан дела нескладны. Земля есть — тягла нет, тягло есть — земли нет. А у многих ни того, ни другого...» Он пока только удивляется, но с каждым днем все ближе к осознанию тех кричащих контрастов, которые его окружают. Тем более, что есть у кого поучиться, есть с кем посоветоваться: волевая мудрая старуха Саадат, сапожник Шакирата — это люди иной морали, иных жизненных устоев, отличных от тех, на которых зиждется благополучие Мирзы. Юлчи погибает, но ясно: таких, как он, тысячи, и будущее за ними.

Многие герои из «Священной крови» — Шакир-ата, Унсин, Ильмурад, Ураз — станут действующими лицами в последнем романе Айбека, «Великий путь», законченном незадолго до смерти в 1968 году и переносящем нас в грозную атмосферу Ташкента 1917 года...

В 1942 году Айбек уезжает на фронт и проводит несколько месяцев в узбекских воинских частях. Впечатления и раздумья того времени отразились в романе «Солнце не померкнет», главы из которого печатались тогда же. Восстановление разрушенного войной хозяйства — тема романа «Ветер золотой долины», написанного в конце 40-х годов.

Все это время не прекращается и поэтическая деятельность Айбека. Патристические стихи «Джигитам», «Победа за нами», «О Родине» вместе с произведениями других советских поэтов укрепляли дух наших воинов, приближали Победу.

Особое место в жизни и творчестве Айбека занимает образ великого узбекского поэта Алишера Навои. Еще в детстве будущий писатель зачитывался его стихами, а в 1939 году пишет поэму «Навои», много раз обращается к нему в стихах. Наконец, в 1945 году Айбек завершает роман «Навои», сразу привлекая к себе внимание всеобщего читателя. Этому предшествовала кропотливая работа: сбор материала, глубокое изучение документов и реалий эпохи. Столь глубокое, что попутно из-под пера Айбека выходили литературоведческие и исторические работы, которые сделали его академиком. Роман «Навои» был удостоен в 1946 году Государственной премии СССР.

Айбек стал и первым лауреатом Государственной премии Узбекской ССР имени Хамзы. Она была присуждена ему в 1964 году за автобиографическую повесть «Детство».

...При всем многообразии жанров и обилии произведений творчества Айбека органично и цельно. В романе «Навои» есть фраза, объясняющая многое: «Из любви создается жизнь, из повседневной жизни творятся возвышенные, глубокие сказания». Видеть возвышенное в повседневном — удел настоящего художника, каким был народный писатель Узбекистана Айбек.

И. ДЯКОВ

В пустынной местности на севере штата Нью-Йорк испытывают очень сильную взрывчатку нового типа. После испытаний, заснятых на пленку, молодой редактор киностудии Аллен Лоуэлл тайком от всех уезжает. В Нью-Йорке он проникает в номер отеля, где остановился режиссер Карсон, уничтожает его заграничный паспорт и оставляет на кровати монету с профилем Кеннеди.

В это же время заместитель помощника министра юстиции Джордж Уильямс получает анонимное письмо. В нем говорилось, что в ознаменование десятой годовщины со дня гибели Кеннеди будут убиты шесть человек, в том числе и сам Уильямс.

Джозеф ДИМОНА

РОМАН

ДЖЕЙМС КАРСОН

Из досье ФБР:

«В-17743, проверенный осведомитель, сообщает, что в октябре 1964 года, читая лекции в Калифорнийском университете, Джеймс Карсон заявил студентам, что в американских фильмах коммунизм представляется «окарикатуренным» и что нужен «талантливый» фильм, отображающий положительные стороны коммунизма».

1

Черт побери, «Ле Клуб» превратился в сумасшедший дом! Давно уже Нью-Йорк не ви-

этаже уолл-стритского «Чейз Манхеттен бэнк», — а теперь хаос, рок, марихуана и рыженькая, ростом пять футов девять дюймов, отплясывающая прямо перед ним в микроюбке и без трусиков, вся открытая взгляду.

Когда музыка кончилась, рыженькая подошла к его столу, царственно игнорируя своего кавалера, облысевшего ветерана конкурентных войн за сбыт одежды.

— Мистер Карсон, помните меня?

— Помню. Ты снималась в «Необузданном» на студии «Юниверсал».

— Угу. А потом ни одной роли.

— Наведалась бы ко мне.

Взгляд сидящего Карсона упирался чуть ниже талии рыженькой, а когда он поднял взгляд, оказалось еще хуже. Ну и ну! Неожиданно для себя он рассмеялся.

— Попробуй пробейся к вам. Молодых актрис не пускают в кабинеты режиссеров, если они не шлюхи.

— В таком наряде пробилась бы.

Рыженькая рассмеялась вместе с ним.

Последний- на Арлингтонском кладбище

дывал такой вечеринки, как эта. Началась она как обычное юбилейное празднество фирмы манекенщиц «Стюарт модел эйдженси», но сотня молодых красивых девушек оказалась приманкой, и любители подобных зрелищ повалили валом. Сапоги до бедер, микроюбки, брючки в обтяжку, прозрачные блузки и плоть, плоть, плоть. Джеймс Карсон смеялся и думал, что Нью-Йорк невыносим. Просто невыносим. Три часа назад сложная юридическая дискуссия в роскошных апартаментах на верхнем

Продолжение. См. «Огонек» № 36.

— А где вы остановились, мистер Карсон? Тут неотвязный кавалер положил руку ей на бедро.

— Ты что, Джейд, забыла обо мне?

— Остынь, Эйб, — сказала она, легким движением стряхнув его руку.

«Да ну и черт с ним», — подумал Карсон. Он встал, пожал руку Эйбу Уэберу, а потом представил своего соседа по столу — президента одной крупной телекомпании.

— Подумать только, — сказала рыженькая. — Может, мне следует надеть трусики?

— Ради меня — нет, — галантно ответил тот.

— Я остановился в «Уоллдорфе», — сказал Карсон. — Номер восемнадцать — десять.

— Но послушай... — начал было Уэбер.

— Тихо, Эйб, — оборвала его рыженькая, и они удалились.

Потом ушел и президент телекомпании, и Джим оказался в обществе голливудского актера, похожего на Уоррена Битти, звали его Бак Хеминг. Бак заговорил с таким нарочитым техасским акцентом, что Джим чуть не полез на стену от хохота, и предложил: «Давай возьмем пару девочек и закатимся ко мне». Было уже довольно поздно, половина третьего, Карсон накурился марихуаны, и мысль насчет девочек пришла весьма кстати.

— Каких?

— Какие пригласятся, — сказал Бак. — Сам знаешь, отказа мы здесь не встретим.

Это была правда. Как-никак Джим Карсон прекрасно снял два нашумевших фильма и продолжал расти как режиссер, а к Баку, по его выражению, девицы липли, «как мухи на дерьмо». Джим выкурил еще марихуаны, посмеялся, и они ушли с тремя девицами, двумя манекенщицами и стюардессой по имени Линни Липпикотт, не пожелавшей упускать Джима, но отправились они не к Баку, а в ресторан Р. Дж. Кларка, прокуренный и шумный, съели по бифштексу, и подвыпившая стюардесса сказала Джиму:

— Жаль, что мы не встретились два года назад.

— Почему?

— То был год петуха!

Восхитительная брюнетка со спадающей на глаза челкой и невинным личиком была явно чужой в этой компании, но не уходила, желая наутро похвастаться всему экипажу, что провела ночь с Джимом Карсоном.

И конечно же, конечно, ему было уже пора в постель поразвлечься с этой девицей, но сперва потребовалось заехать в бар ресторана «Гиппопотам» навестить Оливье Кокелена. Стюардесса с невинным личиком висла на Джиме, а обе манекенщицы на Баке, дымилась марихуана, на стенах, заглушая ее запах, курились благовония, потом этот идиот Бак бежал, что-то крича, посередине Парк-авеню, девицы гнались за ним, Джим ехал сзади в лимузине с шофером и видел, как они все втроем повалились на островке безопасности, а когда поднялись, две почему-то оказались совершенно голыми, потом все вскочили в лимузин, и Карсон спросил Бака:

— Как же ты проведешь их в дом?

— Ерунда, — ответил Бак. — Скажу привратнику, что это монахини из обители святой Марии, ставившие на команду Нью-Йоркского университета. — И всем это показалось смешно, дурманно-смешно, гашишно-смешно.

А позже, на квартире у Бака, стюардесса радостно залезла в постель к Джиму Карсону, и, засыпая, он смутно видел перед собой брюнетку с ангельским личиком, голова ее была откинута набок, губы приоткрыты.

Но, черт возьми, такое он видел множество раз.

2

На другой день Карсон прямо от Бака поехал на Уолл-стрит, и банковский служащий спросил:

— В фильме снимаются Кендайс Берген и Доналд Сазерленд?

— С ними заключен контракт.

Служащий снял очки без оправы.

— Мистера Сазерленда я что-то не помню.

— «Подвижной хирургический госпиталь».

— Телеспектакль?

— Лучший фильм семидесятого года. Сазерленд снимался в главной роли.

Этот человек оказался не так несведущ, как полагал Карсон.

— Снимался Элиот Гулд, — сказал он.

Карсон рассмеялся.

— Прямо в точку. Гулд летал на Луну и обратно. Но в главной роли был Сазерленд — он очень талантлив. Я снимал его в фильме «Военно-полевой суд».

Служащий вымученно улыбнулся.

— Извините, что я задаю эти вопросы, мистер Карсон. Говоря по правде, мне хочется убедить дочерей, что я знаю эту кухню изнутри. Разумеется, в этих вопросах мы полагаемся на ваше суждение.

— Прекрасно.

— Распоряжаться деньгами будет студия «Двадцатый век Фокс»?

— Да.

И Карсон подумал, как просто было все пять лет назад. В те дни у тебя в руках были деньги, у тебя в руках был фильм. МГМ, «Юниверсал», «Коламбия» просто поручали тебе съемку и надеялись, что ты не выйдешь из сме- ты. Теперь же банки непременно суются во все.

— Можете неофициально передать мистеру Зифкинду, что мы одобряем этот фильм, — ска- зал служащий.

Но когда Карсон собрался уходить, этот че- ловек сказал:

— Простите, мистер Карсон, я хотел спро- сить вас кое о чем.

— О чем же?

— Мы не встречались раньше где-нибудь? Только не в Голливуде, я там не бывал.

— Десять лет назад я работал в Вашингтоне.

— А-а, — сказал служащий.

— В ЮСИА.

— Угу.

— Вы бывали в то время в Вашингтоне?

Служащий опять вымученно улыбнулся.

— Покойный президент не был моим идеа- лом, — сказал он. — Но я присутствовал на инау- гурации как представитель банка. Мело тогда ужасно.

— Я был на балу, но вряд ли мы встреча- лись в толпе.

— А, теперь ясно! — радостно сказал服- жащий. — Бал. Вы танцевали с моей племянницей. Это... удивительно. Как же вы попали в Гол- ливуд оттуда?

— Кое-кто застрелил кое-кого, — ответил Карсон.

Ему вдруг стало противно находиться в од- ной комнате с этим радостным маленьким служащим правых взглядов, но он не мог по- зволить себе нарушить сделку.

— Что ж, рад встретиться с вами снова, но боюсь, я вряд ли припомню вашу племянницу. В тот вечер я танцевал с пятьюдесятью де- вушками, большинство из них были мне не- знакомы.

— А Стефани Сполдинг? — спросил服- жащий.

Черт возьми!

3

Карсон старался забыть о Стефани, с кото- рой у него был недолгий роман. Она оказалась просто-напросто типичной выскочкой из Бэк- Бэй¹. К тому же эта история омрачала его вос- поминания о тех временах в Вашингтоне, и он даже не хотел разбираться, почему именно.

Но сегодня, видимо, выдался скверный день. Карсон вернулся в «Уолдорф», и там на кон- торке его ждала телеграмма. Он вскрыл ее и прочел:

«Нужно поговорить, когда вам будет удоб- но. Буду звонить».

Джордж Уильямс, помощник заместителя министра юстиции».

Министерство юстиции? Что это может зна- чить?

Встревоженный, он поднялся к себе в номер. Прошлую ночь он здесь не спал, и в вазе увя- дали цветы от журналиста, не дающего ему покоя. Сдаваться этот тип не собирался.

Но Карсон не думал о журналисте. Из голо- вы у него не выходило содержание телеграм- мы. Он швырнул пальто на кушетку, сорвал галстук, бросил его поверх пальто и вошел в спальню. И тут увидел нечто очень странное. На кровати лежал его паспорт, взятый для предстоящей поездки за границу. Изрезанный на кусочки! Кто-то располосовал его и разбросал по всей кровати. Черт возьми, что проис- ходит?

И внезапно увидел полудолларовую монету с профилем Кеннеди.

СТЕФАНИ СПОЛДИНГ

Из досье ФБР:

«К-30087, проверенный осведомитель, сооб- щает, что Стефани Сполдинг Уинтроп 6 октяб- ря 1967 года была на митинге организации «Женщины против вьетнамской войны» в Па- унд-Ридже, штат Нью-Йорк. Она пожертвова-

ла этой организации 5000 долларов, чек № 32, выписан на Первый Национальный Банк Паунд- Риджа 7.X.1967 г.

На последующих митингах замечена не бы- ла».

1

Стефани Сполдинг Уинтроп высоко подбро- сила теннисный мяч и подала с такой силой, что выбила у Брета О'Брайена ракетку.

— Ты что, зла на кого-то? — крикнул он ей.

«Знал бы он», — подумала Стефани, но про- молчала, перешла на другую сторону и силь- ной подачей выиграла еще одно очко. На этот раз Брет усмехнулся.

— Буду теперь играть только с мужчинами.

Так и продолжалась игра: Стефани била по мячу изо всех сил, пытаясь разрядить напря- жение, в котором находилась после телеграм- мы Джорджа Уильямса.

Час спустя на переднем крыльце особняка Стефани в Паунд-Ридже стоял седоволосый мужчина, глядя на приближающуюся брюнетку в белых теннисных шортах. Увидев его, она улыбнулась и сильно ударила ракеткой по опавшим листьям.

— Выигрыш с перевесом в одно очко, — сказала она.

— Я только что приехал и обнаружил, что тебя нет.

— А я разделявала нашего теннисиста-про- фессионала, — сказала Стефани. — Извини, что заставила ждать, Стен. Но сегодня у меня есть и другие проблемы.

Стефани поднялась наверх принять душ и переодеться, а Стенли тем временем получил из рук симпатичной горничной-ямайки стакан виски. Рассмотрел оригинал Миров и малень- кую картину, подписанную Пикассо, — два го- лубых блика в зеленой комнате, длинную софу периода «депрессии», снова входящего в мо- ду (Стефани всегда опережала моду на год), прозрачные кофейные столики из стекла, удобные с виду кресла и весьма характер- ную для Стефани вещь — радиоприемник вы- пуска 1930 года в глубине комнаты.

Стенли не смог удержаться. Он подошел к приемнику, включил его — и подскочил от не- ожидаемости. Раздался голос Франклина Руз- вельта: «Я вижу, что треть нации плохо пита- ется, плохо одевается и живет в плохих усло- виях». Стенли улыбнулся. Ну и ведьма! Он под- нял взгляд и увидел спустившуюся в комнату Стефани в простом платье с голубым узором и в ременных кожаных сандалиях. Она засмея- лась.

— Пробуждаешь воспоминания?

— Должен признаться, я в таком возрасте, что помню эту речь.

Стефани села на угол софы, небрежно по- добрав под себя ноги. Стенли неожиданно для себя снова залюбовался ее красотой, зелены- ми глазами, умным скуластым лицом, полны- ми губами, густыми черными волосами, спа- дающими на плечи и грудь.

— Речь Рузвельта напомнила мне, что кое- кому наплевать, если ты плохо питаешься, пло- хо одеваешься и живешь в плохих условиях.

Стефани улыбнулась, и тут вошла горничная с холодным чаем.

— Семейка?

— Стряпчие твоего покойного мужа сооб- щили сегодня мне, что семья оспаривает за- вешание покойного.

Стефани молча отхлебнула чая. Стенли про- должал:

— Ко дню смерти мистера Уинтропа вы бы- ли официально разведены.

— Но завешания он не изменил.

— Не измения, — сказал адвокат, — но тут есть одна юридическая зацепка.

— О господи, Стенли, давай к делу.

Трудно было найти человека, более уравни- вешенного, чем Стенли Харуэлл, но он внезап- но ощутил все нарастающее беспокойство. Эта его восхитительная клиентка намеренно — Сте- фани все делала намеренно — села так, что он должен был либо смотреть на ее крутые бед- ра, либо отвернуться. Это было чертовски бес- тактно, тем более при ее воспитанности. Он разозлился на себя за такую реакцию и поти- хоньку расстегнул пуговицу жилета.

— Ты не против? — спросил он, заметив, что Стефани глядит на него.

— По мне хоть брюки сними, — ответила она.

— Но я... — Он не договорил, потому что Стефани рассмеялась.

— Какой ты душка. Извини меня за эту реп- лику. Ну, рассказывай, что за ужасы замышля- ет эта семейка.

Она чинно подобрала под себя ноги и поду- мала: «Черт бы побрал эти мини-юбки, когда я научусь в них сидеть. Старина Стенли не зна- ет, куда девать глаза».

Адвокат с решительным видом потягивал виски. Нельзя больше приходить к Стефани домой. В конце концов он повернулся к ней и сказал:

— Они собираются утверждать, что ты до- вела мужа до самоубийства и что он был не- аменяем, когда составлял завешание. Будут и другие обвинения.

— В том числе и с моей стороны!

— Прошу прощения?

— Неизвестно, кто кого доводил. Я первая пыталась покончить с собой!

Харуэлл был ошеломлен.

— В материалах, которые ты мне дала, это- го нет.

— Не хотелось доставлять удовольствие его родственникам. Но доктор Нельсон может это подтвердить. В мае прошлого года я приняла двенадцать снотворных таблеток. Смертельная доза — десять.

Адвокат полез в дорогой кожаный порт- фель, вынул блокнот, шариковую ручку с зо- лотым ободком и начал писать.

— Не знаю, что это нам даст...

— Доктор Нельсон живет здесь, в Паунд- Ридже. Позвонить ему?

— Пока не надо. Я не вижу здесь юридиче- ской подоплеки.

— Подоплека очень проста. Боб Уинтроп был мерзавцем!

— Стефани...

— Это знают все, в том числе братья и се- стры. Они тоже ненавидели его.

Стенли зажег сигарету, затянулся, потом стал смотреть, как дым поднимается к потолку.

— Ну и что?

— Значит, не я доводила его до самоубий- ства, а он меня.

— Но он мертв, а ты жива. — Адвокат не- ожидающе подался вперед, положив локти на колени. — Стефани, им известно о сенаторе.

Вошла горничная и взяла поднос со стака- нами. Стефани подождала, пока она выйдет, и сказала:

— Бедняга Бакко. Его тоже хотят втянуть в это дело? У нас было только одно свидание, да и то случайно.

— Он женат. И снова выставляет свою кан- дидатуру. Семья считает, что он окажет на те- бя нажим.

— Из-за одного свидания? Когда ничего не было?

— Что ничего не было, доказать трудно, особенно когда человек женат и ведет борьбу с людьми, готовыми на все ради дискредита- ции противника.

Стефани ненадолго задумалась.

— А может, послать этих родственников к черту? Пусть подавятся своими деньгами.

— Мистер Томас из банковского треста сказал мне, что у тебя окажется долгов на тридцать тысяч долларов без средств к выпла- те. Нужно сражаться, Стефани.

— Но я подавлю Бакко.

— Сенатору Муру придется самому побес- покоиться о себе. Нельзя ведь жертвовать десятками миллионами ради сохранения его ре- путации. Откровенно говоря, завешание мне кажется неоспоримым. Уинтропы просто хо- тят помучить тебя, прежде чем ты станешь владелицей денег.

Стефани неожиданно улыбнулась.

— В таком случае черт с ним, с Бакко.

Харуэлл понял. Нужно быть начеку, а то в один прекрасный день — черт с ним, с Ха- руэллом. Любовник ты или адвокат — со Сте- фани надо держать ухо востро.

Полчаса спустя после ухода Стенли Стефани все еще расхаживала по гостиной. От злости она не могла найти себе места. Взяла стран- ную телеграмму от Джорджа Уильямса и пе- речла в десятый раз. Так сухо! Ни малейшего намека, что они знакомы.

Посылая телеграмму, он должен был пони- мать, как подействует на нее его имя.

Стефани разорвала бланк пополам, скомка-

¹ Аристократический район Бостона.

ла и выбросила в окно, из которого открывался прекрасный вид.

РОБЕРТ УОРНКИ

Из досье ФБР:

«PSI R-10675, непроверенный осведомитель, сообщает, что во время студенческих волнений Роберт Уорнки 3 марта 1967 года присутствовал на митинге чернокожих студентов в университете штата Огайо и заявил, что поддерживает их требования. Публично Уорнки занял противоположную позицию».

1

Подача в глубь поля, мяч сверкнул на солнце, и этот цветной парень бросился к нему; рядом с парнем оказывается угловой защитник; оба подпрыгивают, вытянув руки вверх, и мяч у парня; защитник отходит, и парень несет впереди. Боб подал свисток, и парень, усмехаясь, сбавил скорость. Бросил мяч защитнику, тот приветственно вскинул руку.

Боб Уорнки усмехнулся. Из этого парня выйдет толк. Мальчишка, а рост уже шесть футов два дюйма, громадные ладони. Такие и нужны ресиверу.

Роберт вышел на тренировочное поле Ксавьера, небольшой средней школы на севере штата Нью-Йорк. Команда сгрудилась. Четвертьзащитник говорил: «Этот малый способен поймать ведро дерьма в ураган», — и тут все заметили Уорнки. Боб дал им очередное задание и вышел за боковую линию.

Но вместо того, чтобы следить за ходом игры, он внезапно перенесся мыслями за сотни миль, в Вашингтон, откуда пришла телеграмма. Фамилия Уильямс ни о чем не говорила ему... Взволновало Уорнки воспоминание об этом городе.

Тринадцать лет назад он тоже получил телеграмму из Вашингтона, отправил ее президент США, человек, к которому Боб обращался «лейтенант» и видел, что ему это нравилось.

Боб служил с Джеком Кеннеди на островах Рассела в эскадре торпедных катеров, а потом не видел его много лет. Помощник боцмана из бедной бруклинской семьи не общается на гражданке с людьми вроде Кеннеди. Но все же от него пришла телеграмма, а Боб как раз отчаянно искал работу.

Он стал сотрудником президентской программы физического развития и даже ездил в Москву разрабатывать совместную программу. Он, Роберт Уорнки, парень с Канарситрит, — в Москву!

Но он прекрасно поработал над этой программой — это признали все, — и. Джек стал давать ему другие мелкие поручения, иногда даже политического характера. Боб старался держаться в тени, подальше от господ Шлезингера, Сорнсона, Макнамары и прочих. Однако всякий раз, когда Джеку хотелось припомнить прежние дни на флоте, он приглашал Боба, и они весело сидели за кофе в Овальном кабинете.

Потом однажды все это оборвалось — так внезапно, что Боб в полной мере не осознал случившегося, ему и теперь до конца не верилось, что молодой президент с холодной усмешкой уже никогда не вызовет его из Вашингтона.

И потом все покатило под гору. Благодаря связям в Вашингтоне Боб устроился вторым тренером в один из лучших колледжей, к большому неудовольствию главного тренера. А потом подлая шутка судьбы отдала Боба ему в руки. Один парень, разозлившись, что Боб перевел его в защиту, хотя и знал, что у него не было никаких нарушений, решил свести счеты.

Боба внезапно вызвал главный тренер. Оказалось, парень заявил, будто Боб приставал к нему в раздевалке. Он, Роберт Уорнки, докторпорядочный американец! Обвинение было настолько подлым и низким, что Уорнки не верил своим ушам.

Но его отрицания ни к чему не привели. Тренер сказал Бобу, что «инцидент» не будет предан гласности, но ему придется к концу сезона подыскать другое место. Из-за этой клеветы Бобу не удалось больше устроиться в колледж. И теперь он работал в какой-то средней школе за гроши. Это после Овального кабинета в Белом доме.

Черт, он совсем забыл про игру. Он даже не видел ее. Слезы застилали ему глаза, и ребята смотрели на него с центра поля.

ТОМАС МЕДУИК

Из досье ФБР:

«T-46782, совершенно надежный осведомитель, сообщает, что Томас Медуик, конгрессмен от 14-го избирательного округа, штат Пенсильвания, получил наличными взнос на предвыборную кампанию от Энтони Капуто, вице-президента филаделфийского профсоюза электриков. Осведомитель наблюдал передачу денег из автомобиля, стоящего перед motel «Белк Травел Лодж» на шоссе № 40 возле Честера, штат Пенсильвания. Сумма неизвестна. В финансовом отчете Медуика взнос профсоюза электриков не указан».

1

Конгрессмен Томас Медуик открыл нижний ящик стола, достал оттуда бутылку виски, с подноса на соседнем столике взял стакан и налил. Ему нужно было успокоиться.

Этот толстомордый шпик Джека Андерсона опять следит за ним. Один из его юристов дважды приезжал к сенатору Мерроу, и он знал, зачем. Но дознался ли Андерсон? Мерроу сказал, что ничего не говорил ему.

Медуик был коренастым, широкоплечим, чуть близоруким, толстые линзы очков превращали его глаза в две голубые луны. Сейчас взгляд их был устремлен в потолок. Откинувшись назад вместе со стулом, он думал: господи, всему конец! Из-за одной ошибки загублена вся карьера. Если Андерсон глубоко копнул это дело с «Интернейшл дайнемикс»...

Раздался стук в дверь, и вошла симпатичная седоволосая секретарша.

— Вот документы, которые вам требовались, — сказала она, кладя перед ним на стол высокую стопку папок. И пошутила: — Машина для их уничтожения вам не нужна?

Медуик кисло улыбнулся, и она, немного смутясь, вышла. Но через минуту вернулась.

— Совсем забыла. Вам телеграмма.

Медуик прочел телеграмму, и сердце у него заколотилось. Министерство юстиции!

Он сказал секретарше, что будет у сенатора Мерроу, и зашагал просторным, гулким коридором канцелярии Белого дома мимо бюстов государственных деятелей, обходя туристов, идущих «заглянуть» к своим представителям, на ходу улыбнулся конгрессмену Дейву Гарту из Нью-Йорка и спустился в маленькую станцию метро, где сел на поезд до Сената.

Сенатор Мерроу был республиканцем из Техаса, одним из наследников состояния фирмы «Киндер Ойл». Очевидно, самым богатым из сенаторов после Керра из Оклахомы. Он «пригрел» Медуика, едва его избрали в конгресс. И втянул в неприятную историю с «Интернейшл дайнемикс».

Медуик вошел в небольшую приемную, где в это время блондинка с техасским акцентом болтала по телефону.

— Послушай, — говорила она, — я знаю, что он женат... — и, увидев Медуика, оборвала разговор. — Позвоню вечером, — сказала она, положила трубку и улыбнулась. — Привет, мистер Медуик. Сенатор ждет вас.

Сердце Медуика учащенно забилося. Ну и денек выдался! Почему сенатор ждет его? Неужели тоже получил телеграмму из министерства юстиции?

Медуик прошел за стеклянную перегородку, где сидели помощники и симпатичные секретарши — в этой конторе не было участниц движения за освобождение женщин, — и улыбнулся тем, кто узнал его. Дверь в кабинет Мерроу была приоткрыта, он распахнул ее до отказа и вошел в комнату с высоким потолком, украшенную портретом генерала Вашингтона и техасским флагом на стене позади стола. Спереди к столу привалился мускулистый Мерроу, он был без пиджака, доедал бутерброд с па-страми¹ и при этом диктовал секретарше.

— Назначь на одиннадцатое, — сказал он ей. — Хьюстон на одиннадцатое. — И помахал недоеденным бутербродом Медуику. — Евреи делают кое-что хорошее.

Медуик сел.

— Пастрами разве еврейская?

¹ Копченая говядина.

— Я получаю ее из кошерной лавки, — сказал Мерроу. — И, заказывая ее, всякий раз склоняюсь на сторону Израиля. Слава богу, ем я не все время. Я растерял бы своих избирателей.

— Еще что-нибудь? — спросила секретарша.

— Нужно придумать отговорку, — сказал сенатор. — Какую угодно, а то эта дура Ливермор будет ждать меня на ночь. Давай попробуем вот что. Вечером одиннадцатого я должен быть в Далласе на конференции по... по... — Он повернулся к Медуику. — Придумай, по чему.

— По охране окружающей среды?

— Прекрасно. На конференции по охране окружающей среды. «Я очень огорчен этим, потому что всегда высоко ценил гостеприимство дома Ливерморов и с нетерпением дожидался его. С наилучшими пожеланиями и т. д.».

Секретарша закрыла блокнот и вышла за перегородку.

— Отличные ножки у этой девочки, — сказал веселый сенатор.

Медуик поражался Мерроу. Этот человек вечно бурлил весельем. Все прочие богачи, каких знал Медуик, были хмурыми, постоянно озабоченными, подозрительными и ненадежными. Но Мерроу неизменно пребывал в прекрасном настроении, заражая им окружающих. Сенатор вернулся к своему вращающемуся креслу за столом, плюхнулся в него и положил ноги на какие-то документы.

— Эль прико² опять был здесь.

— Андерсон?

— Его шпик. Фентон. Само собой, я ничего ему не сказал.

— А почему ваша секретарша сказала, что вы меня ждете?

— Фентон недавно ушел — и, зная твоё чутье, я догадался, что ты явишься. Явился ты быстрее, чем я ожидал.

Медуик протянул ему телеграмму Уильямса.

— Как, по-вашему, что это может значить? Мерроу прочел ее и поднял взгляд.

— Ты предатель?

— Нет.

— Шпион?

— Давно уже нет.

— Длинноволосый псих-радикал из колледжа?

— Я уже не в том возрасте.

— Так вот, это отдел внутренней безопасности, — сказал сенатор. — Уильямс работает там, я его знаю. — Он сделал паузу. — Видимо, эта телеграмма по другому делу, «Дайнемикс» тут ни при чем.

— По какому же? — спросил Медуик.

— Черт возьми, откуда я могу знать. Позвони Уильямсу и спроси. Да не волнуйся ты, Медуик. Это вредно.

Медуик подошел к окну и сел на подоконник. По Пенсильвания-авеню мрачным потоком неслись машины, люди беспокоились о своих счетах, или ближайшем спортивном матче, или о высоких ценах. А он, Томас Медуик, сидел здесь, и ему грозила опасность оказаться в тюрьме вместе с полоумным сенатором-миллионером, видящим все в смешном свете.

— Андерсон так близко, что я слышу его дыхание. Эта история с «Дайнемикс» вас не беспокоит?

— Бумаги подписывал ты, — ответил сенатор.

И внезапно Медуик все понял, понял, почему сенатор проявлял к нему такую симпатию, понял, что его использовали — и что он накануне разоблачения. Сенатор не станет его защищать. Нет, сэр.

Он поблел и, ни слова не сказав, вышел из кабинета, так погруженный в свои раздумья, что наткнулся на стол, испугав секретаршу. Он вспомнил, как девять лет назад, когда работал у Фулбрайта, этот самый сенатор попросил его об одолжении, а он отказал.

То были времена Кеннеди, и четыре года спустя, когда Кеннеди уже не стало, сенатор Мерроу опять попросил его об одолжении. Медуик тогда был конгрессменом, он нуждался в предвыборном фонде и на этот раз согласился. Потом еще раз. Потом еще.

И до сих пор никаких проблем не возникало.

Перевел с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

Продолжение следует.

² Испанизированное ругательство.

Известие о трагической гибели 13-летней американской школьницы Саманты Смит и ее отца Артура в авиакатастрофе в аэропорту Оберн-Льюистон (штат Мэн) потрясло миллионы людей во всем мире. Соболезнования со всех концов страны и из-за рубежа поступают в небольшой городок Манчестер, где жила Саманта. Все, кто знал в Советском Союзе Саманту Смит, навсегда оставят в памяти образ американской девочки, которая мечтала о мире и дружбе между народами США и СССР.

На снимках:

Саманта Смит с друзьями из Артека во время прогулки на катере вдоль Южного берега Крыма.

Саманта с родителями в Москве.

[Фото ТАСС]

К 75-ЛЕТИЮ А. Ю. КРИВИЦКОГО

ПУБЛИЦИСТ ВЫСОКОГО КЛАССА

Я принадлежу к людям, на глазах которых рос, развивался и креп публицистический талант Александра Юрьевича Кривицкого.

Хорошо помню историю героической эпопеи 28 гвардейцев-панфиловцев, летописцем которых стал А. Кривицкий. 27 ноября 1941 года, в разгар сражения за Москву, газета «Красная звезда» напечатала небольшую информационную заметку своего корреспондента по Западному фронту «Гвардейцы-панфиловцы в боях за Москву». В ней сжато рассказывалось о неравном бое 28 советских воинов с 54 танками врага.

А на следующий день, 28 ноября, газета дала передовую под заголовком «Завещание 28 павших героев». Не преувеличу, если скажу, что передовая была идеологическим выстрелом небывалой публицистической силы. Подвиг погибших был обращен к живым. Пример панфиловцев назван завещанием. Статья не просто описывала подвиг, она рождала самые благородные чувства, звала на новые героические свершения.

На статью откликнулись действующая армия, вся страна. Это был огромный успех газеты. И, конечно же, успех автора передовой — Александра Кривицкого. За передовой в газете появились несколько его материалов, в которых он глубоко раскрыл истоки подвига панфиловцев и ярко описал сам бой.

Это стало началом подробнейшей разработки А. Кривицким темы подвига панфиловцев, которую писатель продолжает по сей день.

Думается, что именно в это время и Кривицкому и пришло признание военного публициста высокого класса.

Мы, краснозвездцы, поражались необыкновенной работоспособности своего товарища по редакции, по оружию. Он успевал многое делать в аппарате, бывать на самых активных участках фронта и писал блестящие очерки, статьи. Напомню хотя бы его выступление в газете об истории русской гвардии, о действиях частей генерала Лизюкова под Воронежем, письма о брянских партизанах, корреспонденции из освобожденных городов.

Конец войны застал А. Ю. Кривицкого в Берлине. Он приехал к нам на Первый Белорусский фронт вместе со своим другом Константином Симоновым.

Никогда не забудется день 8 мая 1945 года. Поздно ночью в предместье Берлина Карлсхорсте состоялось подписание акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Кривицкий в числе других корреспондентов советской и иностранной прессы был свидетелем этого исторического события и потом написал о нем с присущим ему блеском.

С тех пор прошло 40 лет. А. Ю. Кривицкий все эти годы продолжает активно работать в художественной публицистике. Почти каждый год выходят его новые книги. Военная тематика продолжает оставаться главной в его творчестве. В последнее время писатель обращается к проблемам международной жизни. И тут статьи, памфлеты и книги Александра Кривицкого отличаются большой эрудицией, необыкновенной остротой и прекрасным языком.

П. ТРОЯНОВСКИЙ

Еще совсем недавно его можно было увидеть лишь на белых макетах, подписанных четким архитектурным шрифтом: «Пешеходный Арбат». Потом появился небольшой — всего сто метров длиной — отрезок улицы напротив Театра Вахтангова, мощенный разноцветной плиткой, уставленный необычными торшерами-светильниками. А сейчас москвичи и гости, не торопясь, гуляют по первой в столице специально оборудованной пешеходной улице и совершенно по-новому видят старые арбатские дома с обновленными фасадами, не замечаемые ими раньше за суетой этой московской улицы, вся история которой тесно связана с историческим прошлым нашей Родины.

1
Есть улицы в больших городах, имена которых известны далеко за их пределами. Это и Невский проспект в Ленинграде, и киевский Крещатик, и Елисейские поля в Париже, и московский Арбат. Часто, находясь вдалеке от Москвы, я ставил небольшой эксперимент: просил людей, живущих за тысячи километров от столицы, вспомнить две-три московские улицы. И неизменно назывался Арбат, первое упоминание о котором относится к концу XV века.

Улица эта славна своей историей. Она не раз видела русские войска, направлявшиеся на защиту западных рубежей страны. По Смоленской дороге двигались и Москве с запада враги, через Арбатские ворота пытались проникнуть в город воины ордынского хана Мехмета, против которого проживавший неподалеку боярин Владимир Хворин организовал из посадских людей крепкую оборону ворот, разбил татар и отбил пленных женщин и детей.

В 1611 году возле построенной на месте Арбатских ворот башни произошел жестокий бой москвичей с отрядом мальтийского рыцаря Новодворского, спешившего на помощь к засевшей в Кремле польской шляхте. Ранен рыцаря из мушкета, русские во главе с окольничим Н. В. Годуновым бросились врукопашную. Наутро колокол соседней церкви Бориса и Глеба торжественно возвестил победу. В 1612 году здесь против гетмана Ходкевича стояли войска князя Пожарского. Через двести лет после этого в оставленную русской армией сентябрьскую Москву через узкое горло Арбата втягивалась конница Мюрата.

В революционные дни 1905 года Арбат покрылся баррикадами. Боевыми действиями дружинников здесь руководил молодой скульптор С. Т. Коненков.

В годы Великой Отечественной войны эта улица была мишенью для фашистских летчиков, на нее сыпались зажигалки, во время одного налета прямым попаданием тяжелой фугасной бомбы оказалась разрушенным здание Театра Вахтангова.

Многое повидал Арбат... До 1812 года Арбат — самый феешенебельный район, Сен-Жерменское предместье Москвы, как называл его князь П. А. Кропоткин. Но вся эта помпезная роскошь была уничтожена великим Московским пожаром.

Послепожарная застройка приобретает уже регулярный, городской характер. Особенно быстро восстанавливается Арбат — здесь опять разрешают строить деревянные дома, но по-новому: особняк должен глядеть на улицу, и хоть мал ростом, но обязательно с классическим портиком, с дворянским гербом на фронтоном.

Деловой, торговый стиль улицы сочетался с тишиной и уютом арбатских переулков, с тенистыми

дворами и скверами, в которых можно было отдохнуть от шумной суеты каменного Арбата. Так было до недавнего относительно времени, когда почти четверть века назад оно было нарушено сооружением Калининского проспекта. О новой магистрали говорили давно — западное направление задыхалось в тесных коридорах старых арбатских улиц, которые не могли «переварить» всевозрастающий транспортный поток. Новый проспект вклинился, разрезал по живому причудливую сеть арбатских переулков, нарушил сложившуюся веками планировку.

Изменился и Арбат. Улица оказалась почти отрезанной от центра и практически лишенной транспортных связей постройкой тоннеля под Арбатской площадью. В арбатских переулках начался массовый снос старых зданий, порой имевших историческую и ар-

математика. Обследования показали, что плотность пешеходного потока на Арбате и так в семь раз превышает норму, а с введением в действие всех планируемых объектов число людей на улице удвоится и достигнет в часы пик 60 тысяч человек.

В то же время число автомобилей, находящихся в частном владении, растет в стране из года в год. Честно говоря, трудно представить, что будет, когда откроются все запланированные на Арбате места массового отдыха, ведь уже сейчас возможности существующих транспортных площадок в районе Арбата практически исчерпаны. В проекте, правда, говорится о многоярусных стоянках, но перспектива их строительства пока туманна.

— Решить проблему транспорта в зоне Арбата будет, по-видимому, не просто, — делится своими

линии, — рассказывает Б. В. Палуй, — специально была создана дирекция, своего рода мозговой центр, в который входили строители, архитекторы, художники, специалисты торговли и общественного питания. Они сообща решали вопросы, возникавшие в ходе работ. Кроме того, у проспекта Калинина был единый заказчик, через которого велось все финансирование. Арбат не имеет ни единого заказчика, ни единого организационного центра, хотя задачи здесь ничуть не проще, чем на проспекте Калинина.

Да, Главное архитектурно-планировочное управление г. Москвы, в чьем ведении находится генеральный проектировщик Арбата, оперативно справилось с порученными ему задачами. Генеральный подрядчик — Главмосинжстрой так же быстро и решительно, как привык строить мосты и набережные,

Новая жизнь старого Арбата

хитектурную ценность, и строительство на их месте многоэтажных жилых домов-башен.

2
В последние годы во всем мире в исторически сложившихся районах старых городов создаются зоны, свободные от засилья автомобилей — возвращенные людям пространство. Удачно, например, такая проблема решена в Каунасе. На пешеходной аллее расположено множество зданий общественного назначения, при реконструкции сохранены традиционные элементы старой архитектуры, сделано новое покрытие. Сложнее обстояло дело в Таллине. Существующая веками система улиц старого города не позволила сделать их полностью пешеходными, однако тщательно продуманная схема движения отдает преимущество пешеходу, и многие предпочитают оставить машину где-нибудь на площади Виру, чтобы совершить прогулку по средневековым улочкам. А на площади перед ратушей можно увидеть конные экипажи, дополняющие впечатление от старинных фасадов, черепичных крыш, гранитной брусчатки мостовой.

Пешеходные или преимущественно пешеходные улицы созданы в Шяуляе, Киеве, Полтаве. Они есть и в крупных туристских центрах ГДР, Болгарии, Венгрии.

И все же создание пешеходных трасс не самоцель, а эффективное средство обновления исторической городской среды, которая веками складывалась для удобства человека, а не для захвативших в последнее время все дороги автомобилей. А заповедные зоны, с другой стороны, — это не заповедники, безжизненные или малозаселенные городские образования музейного характера, а во всех отношениях равноправные части сегодняшнего города, который не в состоянии обойтись без современных транспорта, энергетики, обслуживания.

Не всем сперва показалась убедительной идея создания на Арбате пешеходной зоны. Было мнение вначале существенно повысить функциональную насыщенность улицы, а уж затем ограничить транспортное движение. На помощь проектировщикам пришла

соображениями заслуженный архитектор РСФСР, член художественного совета ГлавАПУ Н. И. Гайгаров, — помимо доставки людей, потребуются обеспечение товарами существующих и создаваемых магазинов, подвоз продуктов к пунктам общественного питания. Проект предполагает подъезд со стороны дворов, а это неизбежно вызовет необходимость новых сносов, изменения существующей планировки, которая также представляет историческую ценность.

Да и обеспечение пассажирским транспортом в центральной части улицы весьма проблематично — до станций метро далеко, а ближайшие городские маршруты на проспекте Калинина уже сейчас переполнены. Так что создание пешеходной зоны неизбежно вызовет коренную реорганизацию транспорта в этом районе.

3
— Вот с чего мы начинали. — Начальник мастерской № 8 «Моспроекта-2», генерального проектировщика Арбата, Борис Владимирович Палуй показывает увесистый бетонный брусок темно-красного цвета. — Да, с чертёжа этой самой плитки, которой вымощен сейчас Арбат.

Два года назад ГлавУКС — Главное управление капитального строительства Москвы — заказало проектной мастерской произвести мощение улицы, сделать новое освещение, создать так называемые малые архитектурные формы: скамьи, цветочницы, урны.

Можно, конечно, спорить о цвете и рисунке пешеходного покрытия, о стиле торшеров-светильников, о расцветке фасадов. Но есть здесь вопросы, которые тревожат значительно больше.

— Когда строился проспект Ка-

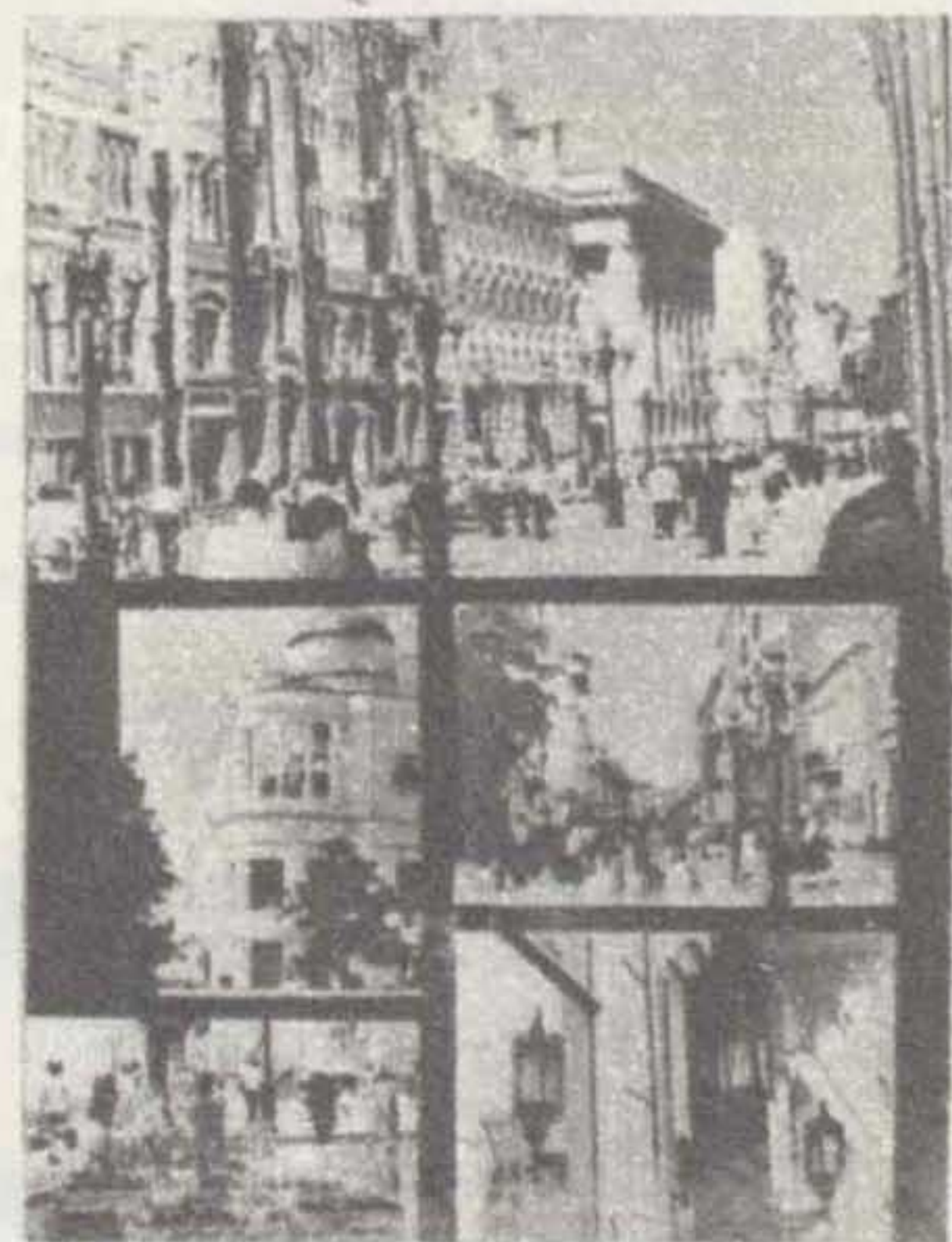
справился с непривычным делом: уже почти замостил плиткой километровое пространство пешеходной улицы. Засияли свежей краской фасады зданий.

Но вот строители ушли. А что будет находиться внутри, за нарядными фасадами?

Институт Генплана г. Москвы предусмотрел «создание на улице Арбат мемориальной и культурно-рекреационной зоны», иными словами, разместить здесь выставочные залы, кафе, рестораны, музеи, восстановить традиционные для старого Арбата профили торговли.

А как раз для того, чтобы скоординировать их работу, расположить их так, чтобы было удобно, нужны усилия «мозгового центра». Кто сейчас планирует создание на Арбате кафе и ресторанов? Не удивляйтесь — архитекторы. Кто предлагает специфику и ассортимент магазинов? Также архитекторы. Кто занимается художественным оформлением улицы, рекламой? Вы догадались: опять же архитекторы. Они думают над тем, какие выставочные залы, музеи, кинотеатры восстановить и построить на Арбате, об их экспозициях и репертуарах, какие мемориальные доски должны напоминать прохожим о великих людях, живших здесь...

Но позвольте, удивится читатель, конечно, честь и хвала архитектору, но ведь по всем этим вопросам существуют специалисты! Существуют, но к созданию первой в нашей столице пешеходной улицы относятся без энтузиазма. Например, институт Генплана разослал письма в Главное управление культуры Мосгорисполкома, Московскую организацию Союза художников, даже в Министерство культуры СССР, окна которого как раз выходят на пеше-

ходную улицу Арбат, с просьбой принять участие в его художественном оформлении, но ответа так и не получил.

С прохладцей относятся специалисты общепита к идее организации на Арбате специфических кафе и ресторанов. А кто их заставит подавать гостям расстегаи, сбитень и другие кушанья традиционной русской кухни?

— Мы должны предложить москвичам, которые живут иной раз в часе езды отсюда, не говоря уж о гостях столицы, что-то московское, арбатское, — продолжает Борис Владимирович. — Для чего тогда огород городить, если посетителю предложат в арбатском кафе обычную котлету «со сложным гарниром», которую ему подадут в аналогичном заведении в Дегунине и Бескудникове, Ростове и Жмеринке? Арбатские магазины сувениров должны торговать сугубо московскими памятными подарками, а не теми, что массовым тиражом заполняют прилавки того же проспекта Калинина, да и всех других по стране.

Арбат должен стать в первую очередь очагом культуры, дать возможность отдохнуть от суеты загруженного транспортом московского центра, раскрыть перед посетителями двери музеев, выставочных залов, кинотеатров, картинных галерей... Но чтобы все это осуществить, необходимо опять же, чтобы кто-то продумал, взял в свои руки организацию и строительство этих залов и музеев, и их репертуар, и их экспозицию.

Те же самые архитекторы предложили создать на улице музей «Старый Арбат», организовать на Спасо-Покровской площадке выставочный зал «Московская живопись».

Арбат должен представить своим гостям необходимые бытовые услуги, ну, хотя бы камеры хранения, даже с холодильниками, где можно было бы оставить покупки — какая же прогулка с тяжелыми сумками!

А сколько Арбат может показать интересного! Например, открыть для посетителей мастерские братьев Коринных или классы рисования К. Ф. Юона, создать музей-квартиры проживавших на Арбате поэтов А. Белого и А. Блока. Здесь могут возродиться кинотеатры «Прага», «Карнавал», «Арс-Арбатский» со специфическим репертуаром, например, демонстрацией лучших ретролент с ролями на сцене...

Арбат смог бы разместить небольшие читальные залы, где посетители найдут книги о Москве, ознакомятся со свежими столичными газетами и журналами. Скажем, нотный отдел Государственной библиотеки имени В. И. Ленина мог бы получить здесь прекрасный небольшой зал для прослушивания звукозаписей.

Можно организовать на Арбате выставку Одной картины московских художников. Опыт создания такой выставки есть в Пензе. Здесь каждая картина экспонируется в течение месяца, причем во время сеансов искусствовед рассказывает о художнике, истории создания произведения, творческой манере автора. Демонстрируются эскизы, слайды...

Все это реально — нужно только, чтобы Арбат получил заинтересованного хозяина, своеобразную дирекцию этой пока уникальной в Москве улицы.

И еще об одной проблеме, о ко-

торой нельзя говорить без боли: разрушение исторических зданий в зоне Арбата, объявленной заповедной, продолжается. В брошюре «Новое на старом Арбате», написанной одним из авторов проекта реконструкции Арбата, З. В. Харитоновой, говорится: «За последние годы среди арбатских переулков построено много высотных жилых домов... В настоящее время подобное строительство приостановлено». Не приостановлено! Стук полиуретановых молотков каменщиков, выкладывавших плитки пешеходного Арбата, видимо, заглушил грохот разрушения целого старинного квартала буквально рядом, на углу Сивцева Вражка и Старокопюшенного переулка. А следом появился забор с большим щитом: «Строительство жилого дома, Сивцев Вражек, 22. Ведет СМУ Главзари-бежпромстрой». Не знаю, может быть, дом получится не высотный, но картинка на том же щите изображает весьма монументальное сооружение.

Лишь благодаря вмешательству общественности удалось сохранить приговоренные к сносу старинные особнячки на улице Мяковского, связанные с жизнью С. Т. Аксакова, Н. В. Станкевича, А. А. Остроумова. Но эти дома так и стоят бесхозными, а для деревянных зданий в нашем климате это губительно.

В связи с этим хочется сказать об одном поветрии, возникшем лет двадцать назад. Старые арбатские особнячки стали получать различные мелкие конторы и организации. Казалось бы, хорошо, дом приведен в порядок, не разрушается. Но, к сожалению, часто ремонт ведется без надлежащего надзора и соблюдения основных архитектурно-исторических принципов. Не говоря уже о выкрашенных белой масляной краской современных оконных переплетах, к особняку XIX века приставляются крылечки из «крылатого металла», а из окна мезонина, где кабинет начальника, серым квадратом торчит чудо техники — кондиционер.

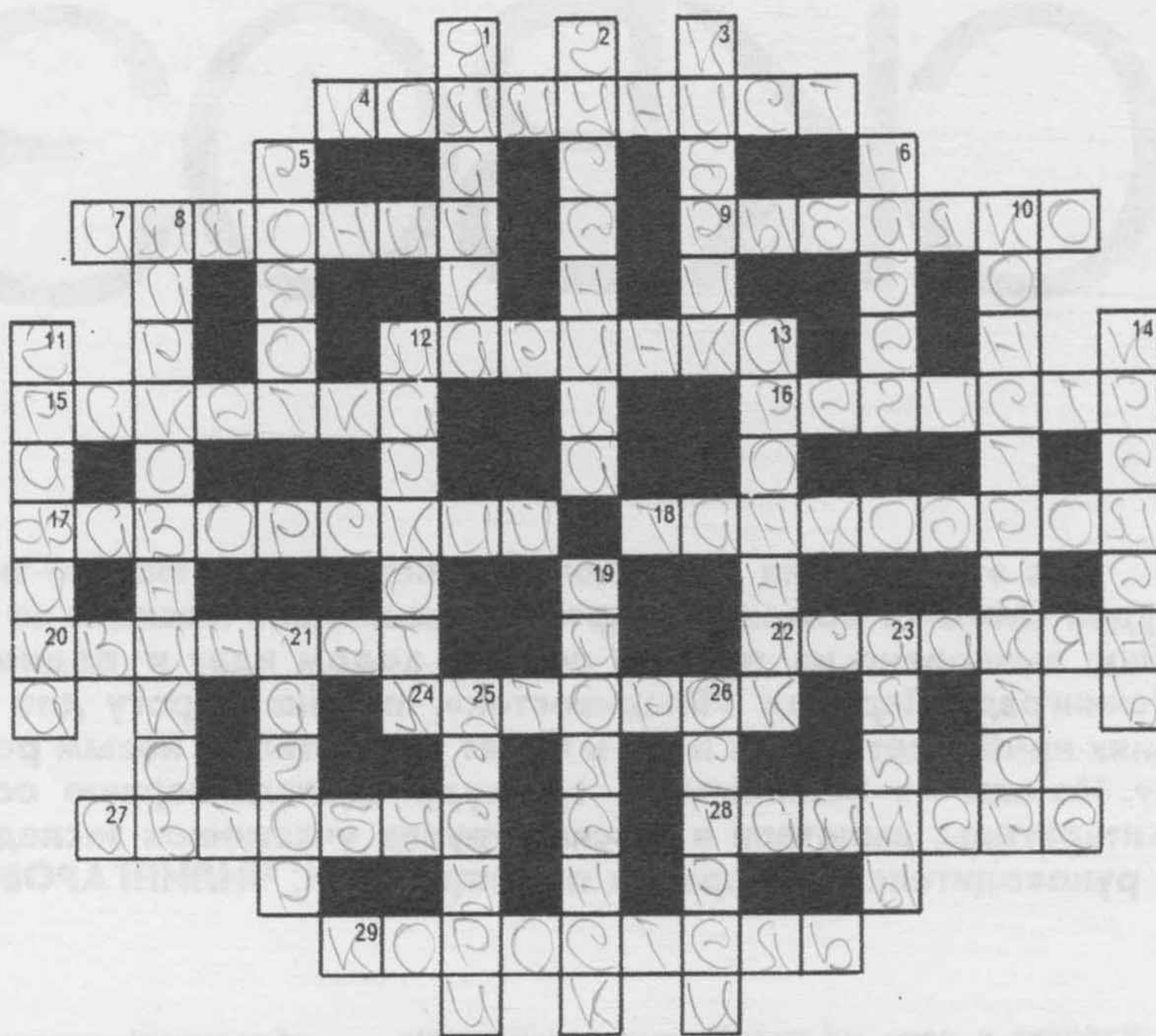
Успех реконструкции Арбата зависит не только от тактичного, бережного воспроизведения крупных форм прошедших времен, но и от учета всех деталей, к которым очень внимательно относились зодчие прошлых лет. Я имею в виду окна, двери, решетки, даже ручки и шпингалеты.

* * *

Полное завершение работ по реконструкции заповедной зоны Арбат планируется в 1990 году.

Необходимость выполнения большого комплекса инженерных, ремонтных, реставрационных, декоративных и художественных работ требует взаимодействия различных организаций. Успех реализации задуманного сейчас во многом зависит от четкой координации, организации и распределения сил. Эту задачу должен взять на себя единый генеральный заказчик.

Нужно предельно внимательно отнестись к этой работе, ведущейся в очень сложных условиях исторического центра одного из крупнейших городов мира, учесть положительный опыт и возможные ошибки, поскольку впереди еще большая работа на самом Арбате, а затем на Кузнецком мосту, в Столешниковом переулке, Замоскворечье, на Петровке...

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Фильм кинорежиссера Ю. Я. Райзмана. 7. Устойчивая группа атомов, входящая в молекулы многих химических соединений. 9. Маршал бронетанковых войск, дважды Герой Советского Союза. 12. Рыба семейства карповых. 15. Овальная лопатка для игры в теннис. 16. Группа труб в органе одинакового тембра. 17. Народный художник СССР, иллюстратор «Слова о полку Игореве». 18. Участок, оборудованный для обучения вождению боевых гусеничных машин. 20. Музыкальный ансамбль из пяти исполнителей. 22. Советский армянский поэт. 24. Стихотворение А. В. Кольцова. 27. Вид пассажирского транспорта. 28. Город в Финляндии. 29. Птица, обитающая на лугах, лесных полянах.

По вертикали: 1. Государство в Вест-Индии. 2. Цепь из звеньев, применяемая в ходу транспортных машин. 3. График и живописец, народный художник СССР. 5. Автомат, заменяющий человека в труде. 6. Рассказ Л. Н. Толстого. 8. Русский химик, основатель научной школы. 10. Набор деталей для детской игры. 11. Вид изображения. 12. Хребет, окаймляющий Новороссийскую бухту. 13. Род многолетних трав. 14. Твердый камень. 19. Город-герой. 21. Индийский писатель-гуманист, общественный деятель. 23. Самая высокая горная система Западной Европы. 25. Притон Амура. 26. Кормовой многолетний злак.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 36

По горизонтали: 3. Монреаль. 7. Субдоминанта. 9. Урок. 11. Нисас. 12. Фильм. 13. Домрист. 14. Стаффаж. 15. «Кавказ». 17. Капиев. 18. Тверца. 19. Иванченков. 20. Пролет. 22. Европа. 24. Сапсан. 27. Мергель. 28. Дневник. 29. Огурец. 30. Стая. 31. Дюма. 32. Солидарность. 33. Глициния.

По вертикали: 1. Антонина. 2. «Магнитка». 4. Существительное. 5. Ответственность. 6. Орлова. 8. Малаец. 10. Кардиология. 11. Нефтепровод. 15. Класс. 16. Закон. 21. Реестр. 23. Призма. 25. Ангидрит. 26. Апеннины.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Идет уборка зерновых в колхозе «Заря коммунизма» Кореневского района Курской области. (См. в номере материал «Хлеб — Родине».)

Фото О. СИЗОВА (ТАСС)

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Заповедный Арбат молодеет и превращается в первую московскую пешеходную улицу. (См. в номере материал «Новая жизнь старого Арбата».)

Фото И. ТУНКЕЛЯ

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (первый заместитель главного редактора), Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономика быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патристический — 250-15-53; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорт — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 19.08.85. Подписано к печати 04.09.85. А 00391. Формат 70 × 108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 510 000 экз. Изд. № 2160. Заказ № 1271.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

СКВОЗЬ ЛЬДЫ

Вся эта история уже почти завершилась. Научно-экспедиционное судно «Михаил Сомов», затертое на несколько месяцев во льдах Антарктики, вызволено из плена и полным ходом идет к родному берегу — в Ленинград. Ледокол «Владивосток», пробив дорогу для «Сомова», на днях прибывает в свой порт и будет готовиться к новым рейсам в Арктику. Но еще из Веллингтона, где суда сделали первую остановку после Антарктиды, вылетела в Москву группа участников экспедиции во главе с руководителем «операции помощи» А. Н. ЧИЛИНГАРОВЫМ

Кабинет в доме на тихой московской улице. За распахнутым окном знойный ветерок шелестит зеленой листвою, едва доносится шум городской суеты. Трудно представить, что человек, сидящий напротив меня за обычным канцелярским столом, еще несколько дней назад стоял на палубе ставшего легендарным «Владивостока», что где-то сейчас в сумраке антарктической ночи дыбятся тяжелые льдины, которые — да простит меня мой собеседник! — ему удалось преодолеть.

— Только не делайте из меня героя! — предупреждает Артур Николаевич. — В операции по спасению участвовали сотни людей, я имею в виду не только тех, кто был непосредственно в Антарктике. Денно и ночью руководство осуществлялось и из этого вот здания — из Государственного комитета СССР по гидрометеорологии и контролю природной среды, из морских ведомств Москвы и Владивостока, из ленинградского Арктического и Антарктического научно-исследовательского института, из космических центров — без периодически поступающих данных со спутников мы вряд ли могли бы рассчитывать на успех...

— Наверное, эта операция возможна была лишь сегодня, при нынешнем уровне развития техники?

— Безусловно. Прибавьте сюда огромный опыт судовождения в ледовых широтах, накопленный советскими моряками, учеными, летчиками, — все это равные величины для слагаемых успеха. И, конечно, дело решала не только техника. В приветствии Михаила Сергеевича Горбачева участникам дрейфа сказано: «Стойкость и высокое мастерство, верность своему долгу позволили вам с честью выдержать суровое испытание».

— Что, на ваш взгляд, было самым трудным для людей в этом суровом испытании?

— Незнание. Все решала динамика ледового покрова, то, как поведет себя хаос льдин, торосов и айсбергов, а от этого зависела и жизнь судов, и безопасность людей. Наука еще не подобрала ключ к прогнозированию подвижки льдов. Сначала задача освобождения «Сомова» казалась практически невыполнимой. Судно попало в такое скопление тяжелых льдов, причем в самом удаленном месте от обитаемых районов, что следовало ждать крайне сурового исхода: льды могли попросту раздавить «Сомов», торосы и так поднимались уже до его палубы. Вспомните, как погиб «Челюскин»... И экипаж судна ежеминутно был готов к тому, чтобы сойти на лед. Представьте: прожить так не день, не два — месяцы... Но даже если бы судно не пострадало, на «Сомове» кончилось топливо, и в этом варианте людей тоже ожидало тяжелое испытание антарктическим холодом. Экспедиция помощи была просто необходима.

— А как вы считаете, мог ли «Сомов» избежать ледовой «ловушки»?

— Они знали, на что шли, но это был вынужденный риск. Если бы «Сомов» не пошел в опасный район моря Росса, то антарктическая станция Русская осталась бы без жизненно не-

обходимых грузов. Станции грозила эвакуация. Считаю, что сомовцев ни в чем упрекнуть нельзя.

— Перед «Владивостоком» тоже стояла сложная задача...

— Сложнейшая! Когда мы вошли в скопление тяжелых льдов, часто приходилось руководствоваться только снимками из космоса. У нас был лучший в стране дешифровальщик космических снимков Андрей Проворкин. Снимки поступали двух типов: с характеристикой возраста льдин и их сплоченности. Надо было «привязать» снимки к судну, к береговой полосе... Ювелирная работа! И ледокол шел по трещинам в несвойственном ему режиме — то и дело звучали команды: «Право на борт!», «Лево на борт!». В полной мере раскрыли свои возможности молодой капитан «Владивостока» Геннадий Иванович Антохин, его дублер Виктор Терентьевич Садчиков...

— А вертолеты? Ведь вы могли вести ледовую разведку...

— Почему могли? Роль вертолетов и была огромна. Практически впервые так широко использовался для ледовой разведки «МИ-8» — он барражировал в сложнейших погодных условиях над ледяными полями, находил в них трещины и указывал нам ракетам путь. Так мы и шли — по ракетам. Лютый мороз, ураганный ветер, полярная ночь... Высочайшее мастерство продемонстрировали вертолетчики, особенно их командир Борис Лялин.

— Можно сказать, ледокол попал в экстремальные условия...

— Можно даже сказать — в уникальные. Ведь льды Антарктики существенно отличаются от арктических льдов, причем в невыгодном для нас отношении: они более плотные, многослойные. И если в Арктике мы можем спокойно рисковать — там только свистни, придет другой ледокол, околет, — то здесь мы могли рассчитывать лишь на себя, и поэтому каждый вариант буквально обсасывался на оперативных совещаниях. Ошибиться было нельзя.

— «Владивосток» тоже могло затереть льдами?

— Еще бы! Нас и затирало — стояли по шесть, девять, по девятнадцать часов!

— Это были самые тяжелые моменты операции?

— Пожалуй, да. Особенно когда застряли на девятнадцать часов. Казалось, сбываются самые мрачные прогнозы... Но мы сообща искали выход, и он нашелся. Конечно, был здесь и момент удачи... Здесь уже все решалось в минуты: успеем ли мы использовать образовавшуюся трещину.

— Артур Николаевич, вот мы и подошли к вашей роли в экспедиции помощи. Ведь последнее слово в решениях принадлежало как начальнику вам...

— Да уж, далась мне эта ответственность! Но я с самого начала взял за правило не давить, полагаться на опыт и интуицию капитана Антохина, на рекомендации Бориса Андреевича Крутских — директора «науки», на мнение вертолетчиков. И я, не скрываю, рад, что нам удалось успешно преодолеть «ведомственный барьер», избежать разногласий.

— А сомовцы?

— Они следили за каждым нашим шагом, переживали. Главное напряжение спало, когда мы сблизилась на расстояние вертолетного рейса, — теперь уже можно было перебросить на «Сомов» топливо, и даже зазимовать вместе было уже не страшно. Я так и говорил по радио: живем, ребята, теперь мы вместе! С первым же рейсом сам вылетел на «Сомов»...

— Представляю, сколько было эмоций при встрече!

— Да нет, не сказал бы... Моряки и полярники — народ закаленный, профессия обязывает быть готовым к любым ситуациям... Сели на лед неподалеку от «Сомова», пошли, гляжу — навстречу заместитель начальника экспедиции Ваня Чугуй. Обнялись, конечно... На борту нас встретил капитан «Сомова» Валентин Филиппович Родченко, ему-то не надо было объяснять обстановку: он ведь прекрасно знал возможности «Владивостока», сам был на нем первым помощником капитана. А «Владивосток» как раз в это время какой уж раз затерло льдами...

— Дальше все было легче?

— Относительно. У нас уже появился азарт: достали «Сомов» вертолетами — теперь можно спокойно пробиваться к нему вплотную! Хотя льды здесь самые сложные. Вот в моем дневнике даже запись, — Артур Николаевич берет со стола большую красную тетрадь, я краем глаза вижу неровные строчки черным фломастером — наверное, тем самым, который Чилингаров и сейчас постоянно вертит в руках. — ...Да, вот запись: «Категорически запретить «ходить» ночью!» Видите, нам не чуждо благоразумие, разумный риск должен был сводиться к минимуму...

— Не ходить ночью? А ночь — круглые сутки...

— Нет, сутки делились на ночь и на сумерки в три-четыре часа. Иногда нам светили звезды...

— Обратный путь был лучше?

— Конечно, главным образом потому, что шли уже вместе. А льды были столь же тяжелые. Случалось, что «Владивосток» снова застревал, и даже «Сомов» его окалывал... Да, помощь товарищей во льдах — огромный фактор успеха!

Артур Николаевич перебирает на столе пачку цветных снимков — их уже успели отпечатать. Лица товарищей, напряженные позы склоненных над картами людей... Антарктическая ночь — жаль, полиграфия здесь бессильна, показать читателю эти отпечатки нет смысла: можно лишь догадываться, что там, за этой беспощадной мглой, в которой тонут даже очертания палубных конструкций... А это «ревушие сороковые», Артур Николаевич говорит о страшной качке «Владивостока», о том, как из-за нее выбивало поршни двигателя и моряки в кратчайшие сроки восстанавливали жизнедеятельность дизельного сердца ледокола...

Я выключаю диктофон: Артур Николаевич выразительно смотрит на часы. Конечно, он сейчас «нарасхват», ледовая эпопея по-прежнему волнует очень многих, но уже не как злободневная драма, которая разыгрывалась на глазах всего мира, а как новая страница истории освоения планеты, освещенная флагом нашей страны.

Б. СМЕРНОВ

В рубке «Владивостока» перед вылетом на ледовую разведку: кандидат географических наук А. М. Козловский, дублер капитана В. Т. Садчиков, командир вертолета Б. В. Лялин, ледовый разведчик А. М. Москалев, капитан Г. И. Антохин.

«Владивосток» и «Михаил Сомов»: курс — домой!

Наконец-то долгожданная встреча... Капитан «Михаила Сомова» В. Ф. Радченко, начальник экспедиции А. Н. Чилингаров, директор Арктического и Антарктического научно-исследовательского института Б. А. Крутских.

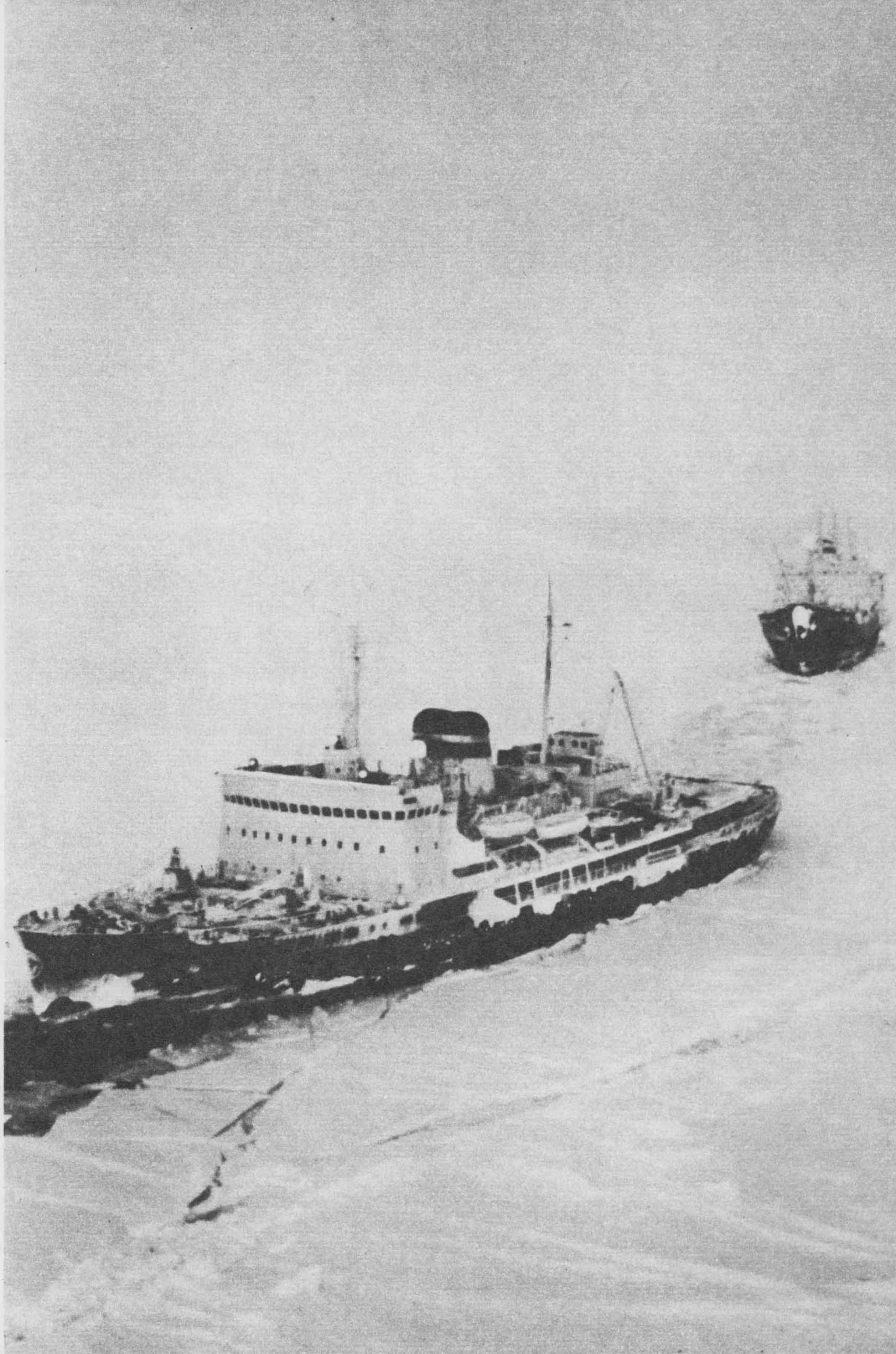

Фото А. ЧИЛИНГАРОВА и АПН

